

ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2023. Том 21, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

История лингвистической мысли

- Палкин А. Д.* Филипп Федорович Фортунатов – недооцененный талант 5

Теоретическая лингвистика

- Тимофеева М. К.* Сопоставительный анализ терминов в междисциплинарном терминологическом словаре 17

Компьютерная и прикладная лингвистика

- Горностаева Ю. А., Колмогорова П. А.* Жесты комфорта как невербальные маркеры стресса при обсуждении остросоциального вопроса 30
- Морозов Д. А., Глазкова А. В., Тютюльников М. А., Иомдин Б. Л.* Генерация ключевых слов для аннотаций русскоязычных научных статей 54
- Сериков О. А., Ганеева В. А., Аксенова А. А., Клышинский Э. С.* Высокоуровневая семантическая интерпретация структуры статических моделей для русского языка 67

Когнитивные исследования и межкультурная коммуникация

- Фефелов А. Ф.* Лексико-семантическое поле post-truth в пространстве от истины до правды 83
- Ильин Д. Н., Мухамеджанова А. М., Помигуева Е. А.* К вопросу о конфликтности общественно-политического дискурса в российской блогосфере 102
- Ма Л.* Национально-культурная маркированность русских и китайских фразеологизмов с номинациями алкогольных напитков 117
- Раевская М. М., Селиванова И. В.* Метафорическое моделирование действительности в публичном дискурсе испанского монарха Филиппа VI 131
- Самойлова А. В.* Англоязычные политические неологизмы: от семантики к прагматике использования 145

- Информация для авторов 160

VESTNIK NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2023. Volume 21, № 1

CONTENTS

History of Linguistic Thought

- Palkin A. D.* Filipp Fortunatov: An Underestimated Talent 5

Theoretical Linguistics

- Timofeeva M. K.* Comparative Analysis of Terms in the Interdisciplinary Terminological Dictionary 17

Computer and Applied Linguistics

- Gornostaeva Yu. A., Kolmogorova P. A.* Consolation Gestures as Non-Verbal Markers of Stress when Discussing an Acute Social Issue 30
- Morozov D. A., Glazkova A. V., Tyutyulnikov M. A., Iomdin B.* Keyphrase Generation for Abstracts of the Russian-Language Scientific Articles 54
- Serikov O. A., Geneeva V. A., Aksenova A. A., Klyshinskiy E. S.* High-Level Semantic Interpretation of the Russian Static Models Structure 67

Cognitive Studies and Intercultural Communication

- Fefelov A. F.* Lexico-Semantic Field of POST-TRUTH through the Prism of its Russian Correspondences *Istina* and *Pravda* 83
- Ilyin D. N., Mukhamedzhanova A. M., Pomigueva E. A.* On the Issue of Conflict Potential of Socio-Political Discourse in the Russian Blogosphere 102
- Ma L.* National and Cultural Marking of Russian and Chinese Phraseological Units with Nominations of Alcoholic Beverages 117
- Raevskaya M. M., Selivanova I. V.* Metaphorical Modeling of Reality in Public Discourse of the Spanish Monarch Felipe VI 131
- Samoylova A. V.* English Political Neologisms: From Semantics to Pragmatics of Usage 145
- Instructions for Contributors 160

Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva (Novosibirsk)
Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne (Novosibirsk)
Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov (Novosibirsk)
Secretary Darya A. Savostiyanova (Novosibirsk)

Foreign Text Editor

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Members of the Editorial Board

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. Alexey D. Palkin (Moscow)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya
PhD (Cross-Cultural Psychology), Assistant Prof. Snežana Stupar-Rutenfrans (Utrecht, Netherlands)
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Victor P. Zakharov (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk),
Cand. Sc. (Linguistics), Doctorat National en sciences du language A. M. Lavrentev (Lyon, France),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Z. G. Proshina (Moscow),
Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantiev (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), PhD (Philology) V. Obry (Mulhouse, France),
PhD (Philology), Assoc. Prof. I. Chekhova (Sofia, Bulgaria),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk)

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence

Institute of Humanities, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Tel. +7 (383) 363 42 23

E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

Научная статья

УДК 81'44

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-5-16

Филипп Федорович Фортунатов – недооцененный талант

Алексей Дмитриевич Палкин

Московский государственный лингвистический университет

Москва, Россия

p-alexis@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9865-1693>

Аннотация

Данная статья приурочена к 175-й годовщине со дня рождения известного русского лингвиста Филиппа Федоровича Фортунатова. Рассматриваются основные направления его научной деятельности. Показано, что в ряде вопросов ученый внес значительный вклад в лингвистическую науку своего времени. Работая в русле сравнительно-исторического языкознания, Ф. Ф. Фортунатов активно занимался изучением балто-славянских языков. Размышляя над социологической стороной языка, он предвосхитил появление психолингвистики. При этом ученый брал лучшее из положений популярного на то время движения младограмматиков и немецкой психологической школы. В процессе анализа звуковой стороны слова Ф. Ф. Фортунатов также использует рассуждения, которые сейчас назвали бы психолингвистическими. Нельзя не отметить его вклад в развитие синтаксической теории и педагогической мысли. Несомненной заслугой Филиппа Федоровича является формирование под его началом Московской лингвистической школы, которая воспитала целую плеяду талантливых ученых. Подчеркивается, что разработанная Ф. Ф. Фортунатовым морфологическая классификация языков мира наиболее точна даже по меркам современной типологии. Эта классификация была разработана задолго до того, как лингвисты XX в. пришли к аналогичным построениям. К сожалению, это его достижение отечественные лингвисты, и тем более западные, по достоинству не оценили. В российских учебниках по типологии предпочтение отдается морфологической классификации В. фон Гумбольдта, несмотря на то, что, как показано в данной статье, классификация Фортунатова полнее и точнее отражает типологическое разнообразие языков мира. В то время как В. фон Гумбольдт выделял четыре типа языков, Ф. Ф. Фортунатов различал пять, которые (за небольшими терминологическими разночтениями) соответствуют пяти типам, выделенным в типологии XX в., в частности, В. Скаличкой. Все это позволяет говорить о явной недооцененности этого и ряда других лингвистических открытий Фортунатова современной наукой и педагогикой.

Ключевые слова

Ф. Ф. Фортунатов, лингвистика, морфологическая классификация, слово, язык

Для цитирования

Палкин А. Д. Филипп Федорович Фортунатов – недооцененный талант // Вестник НГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1. С. 5–16. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-5-16

Filipp Fortunatov: An Underestimated Talent

Alexei D. Palkin

Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia

p-alexis@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9865-1693>

Abstract

This article marks the 175 anniversary of the famous Russian linguist Filipp Fortunatov and looks at his major findings. It is pointed out that in certain respects the scholar has contributed a lot to the linguistic science of his time. While working in the sphere of comparative linguistics, F. Fortunatov was actively involved in the studies of the Baltic-Slavic languages. In his contemplation of the sociological aspect of language, he forestalled the appearance of psycholinguistics. Concurrently, the scholar based his judgments on the then popular neogrammarian movement and the German psychological school. While analyzing the phonic aspect of the word, F. Fortunatov also used the provisions that would nowadays be deemed psycholinguistic. His contribution to the development of the theory of syntax and pedagogical ideas is undeniable, too. F. Fortunatov obviously deserves credit for having founded the Moscow linguistic school that fostered a constellation of talented scholars. Moreover, F. Fortunatov's morphological classification of world languages is recognized as a most accurate one by modern typology. This classification was elaborated long before the linguists of the 20th century came to similar findings. The above mentioned achievements by F. Fortunatov seem to be misappreciated by Russian linguists let alone the Western ones. Russian textbooks of typology favor the morphological classification put forward by W. von Humboldt, although, as it is argued in the article, F. Fortunatov's classification presents typological diversity of world languages more profoundly and precisely. If W. von Humboldt distinguished four language types, F. Fortunatov did five. His classification, except for minor terminological differences, overlaps with the five world language types singled out by scholars in the 20th century, in particular by V. Skalička. All this goes to say that the breakthrough in world language typology made by F. Fortunatov has really been misappreciated by modern linguistics and pedagogy.

Keywords

Filipp Fortunatov, linguistics, morphological classification, word, language

For citation

Palkin A. D. Filipp Fortunatov: An Underestimated Talent. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 5–16. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-5-16

Введение

В январе 2023 года исполнилось 175 лет со дня рождения выдающегося российского лингвиста Филиппа Федоровича Фортунатова (1848–1914). Несмотря на то, что дань творчеству Ф. Ф. Фортунатова в России отдается до сих пор (с 2018 г. Петрозаводский государственный университет начал проводить конференцию «Фортунатовские чтения»), сохраняются противоречия в трактовке выдвинутых ученым положений. В данной статье мы разберем эти противоречия и по возможности элиминируем их.

Вначале мы выделим основные направления работы ученого. О них уже говорилось в обзорных статьях А. А. Шахматова [1914] и Л. В. Щербы [1963], однако выбранный формат обязывает перечислить ключевые моменты. Основное внимание будет уделено разработанной Ф. Ф. Фортунатовым морфологической классификации языков мира, так как, по нашему убеждению, это наиболее знаковый и наиболее недооцененный пласт творчества ученого.

Прежде всего приведем цитату из упомянутой работы Л. В. Щербы, где он очень точно и емко характеризует Ф. Ф. Фортунатова и его творческий путь: «Филипп Федорович был гениальным лингвистом своего времени, и только какие-то внешние обстоятельства помешали ему сделаться одним из вождей мировой науки о языке» [Там же, с. 93]. В этой цитате чувствуется, что статья написана в советскую эпоху: характерные штампы видны в каждой строчке. Между тем по сути все сказано абсолютно верно: Ф. Ф. Фортунатов не стал ведущим лингвистом своего времени в связи с неудачным стечением обстоятельств, хотя, несомненно, этого заслуживал.

Ко всемирной славе ученый не стремился, но уже то, что опубликовано, позволяет говорить о Ф. Ф. Фортунатове как об одном из наиболее прогрессивных лингвистов своего времени. Мы преследуем цель показать, что ученому удалось не только сформулировать важные положения современной ему лингвистики, но и отчасти предвосхитить развитие лингвистической мысли.

Основные научные интересы Ф. Ф. Фортунатова

Лейтмотивом всей научной деятельности Ф. Ф. Фортунатова является создание и развитие Московской лингвистической школы. Именно под его руководством был разработан ряд важных лингвистических концепций, получивших развитие в трудах его учеников и последователей, в частности, Б. М. Ляпунова [1946], А. М. Пешковского [1938], В. К. Поржезинского [1912], А. И. Томсона [1903], Д. Н. Ушакова [1923], А. А. Шахматова [1941] и других. Одной из ключевых идей стало понимание формы слова как совокупности соотношений, сложившихся в данном языке в данную эпоху [Фортунатов, 1956, с. 137]. Это привело ученого к пониманию целесообразности выделения внешней и внутренней форм слова. Действительно, говоря о Ф. Ф. Фортунатове, нельзя обойти стороной проблематику грамматической формы слова. Именно Ф. Ф. Фортунатов дал отечественному языкознанию тот толчок, который привел к появлению современного понимания морфологических отношений внутри слова и грамматических отношений в словосочетаниях. В его трудах и работах его учеников были описаны формальные критерии выделения различных частей речи. Эти критерии несколько видоизменились к настоящему времени, но базовые понятия были заложены именно представителями Московской лингвистической школы в конце XIX в. Особенно значимой представляется идея о том, что основа слова наделяет это слово значением, получившим название «реальное значение», а аффиксы передают «формальное значение», способное так или иначе видоизменять слово [Там же, с. 138].

Работая в русле обретшего к концу XIX в. популярность младограмматического направления, Ф. Ф. Фортунатов внес весомый вклад в изучение индоевропейских языков. В ходе своих сравнительно-исторических исследований ученый делал акцент на изучении истории языков, стремясь показать их эволюцию от древнего праязыка до нынешнего состояния. Пристальное внимание было обращено на фонетику и акцентологию балто-славянских языков. В результате были описаны древнеиндийские ретрофлексные звуки, процесс возникновения которых получил название закона Фортунатова – де Соссюра. Последний независимо от российского ученого пришел к аналогичным выводам. В западных странах в связи с этим иногда говорят просто о «законе де Соссюра», но немало исследователей упоминают и полную версию названия: “Fortunatov – de Saussure law”, “loi de Saussure – Fortunatov” (например, [Fici, 2022, p. 236; Urbanavičienė, 2014]). Рассуждая о причинах языковых изменений, Ф. Ф. Фортунатов подчеркивал психологический аспект, солидаризируясь с младограмматиками в том, что изменения звуковой стороны слов происходят под влиянием аналогии; при этом ученый не исключал и влияние внутриязыковых закономерностей, или фонетических законов [Фортунатов, 1956, с. 95–196].

Ф. Ф. Фортунатов одним из первых сформулировал мысль о том, что история языка теснейшим образом связана с историей носителей этого языка. Вот одна из самых известных его цитат: «Каждый язык принадлежит известному обществу, известному общественному союзу, т. е. каждый язык принадлежит людям как членам того или другого общества» [Там же, с. 24]. Здесь речь идет о так называемой *внешней истории языка*. Вместе с тем индивидуально-психологическими особенностями каждого отдельно взятого носителя того или иного языка формируется *внутренняя история языка*. Эта очевидная в XXI в. для любого студента-филолога идея для конца XIX в. была настоящим прорывом. Здесь Ф. Ф. Фортунатов показал себя как независимый ученый, отошедший от индивидуально-психологических концепций младограмматиков.

тиков. В этом плане его идеи созвучны скорее позиции В. фон Гумбольдта, рассматривавшего язык как деятельность, чем К. Бругмана или Б. Дельбрюка [Богданова, 2022, с. 84].

Нетривиальными представляются взгляды Ф. Ф. Фортунатова на синтаксический строй языка. Он предлагает различать «грамматические» и «неграмматические» синтаксические единицы. Эта идея была подхвачена его последователями, но к настоящему моменту утратила популярность, и это вторая причина, позволяющая нам говорить о том, что талант Ф. Ф. Фортунатова был недооценен. Если бы идея о разграничении «грамматических» и «неграмматических» единиц обрела более широкое признание, то, возможно, до сих пор в школьных и вузовских учебниках присутствовала бы эта теория. Ф. Ф. Фортунатов рассматривал словосочетание как основной объект синтаксического анализа, тогда как предложение выступало в качестве разновидности словосочетания. Современный подход, напомним, наделяет предложение критерием законченности высказывания, чего лишено словосочетание. У Ф. Ф. Фортунатова иная терминология: предложение он называет грамматическим словосочетанием, а собственно словосочетание относит к неграмматическому пласту языка. Такой подход альтернативен современному, но при этом нельзя утверждать, что он в чем-то хуже общепринятого. Однако развитие лингвистической терминологии шло так, как оно шло, а концепция Ф. Ф. Фортунатова стала частью истории.

Ф. Ф. Фортунатов как предвестник появления психолингвистики

Не остались уделом истории положения ученого, предвосхитившие появление психолингвистики как самостоятельной научной дисциплины. Действительно, разработка проблемы языка как средства общения – это сугубо психолингвистический вопрос. Хотя во времена Ф. Ф. Фортунатова такой дисциплины не существовало, ученый задумывался над природой взаимосвязи языка и мышления. В исследовании этой проблемы Фортунатов опирался на идеи, сформулированные в русле ассоциативной психологии И. Ф. Гербарта [2007; Herbart, 1839], а также на труды Г. Штейнталя [Steinthal, 1864]. Терминология, используемая Ф. Ф. Фортунатовым, характерна для психологии конца XIX в., что между тем не лишает его рассуждения значимости. В частности, «духовные явления» интерпретируются как «представления». Под «представлением» Ф. Ф. Фортунатов понимает след ощущения, который сохраняется некоторое время после того, как не действует вызвавшая ощущение причина, и который впоследствии может воспроизводиться в соответствии с законом психической ассоциации. Согласно этому закону, существует связь как между слуховыми ощущениями звуков речи, так и между теми движениями, которые производят эти звуки. Ассоциации представлений возникают по смежности либо по сходству. Согласно убеждению ученого, данный закон распространяется также на сочетание наших духовных явлений и наших движений, причем такое соединение приводит к тому, что некоторое духовное явление в состоянии спровоцировать соответствующее движение и наоборот [Фортунатов, 1956, с. 111–115]. Эти мысли перекликаются со взглядами И. Ф. Гербарта, который отмечал, что ассоциация представлений производит так называемые опосредованные воспроизведения, которые не ограничиваются неким однородным представлением, но распространяются на более или менее однородные за счет освобождения при помощи нового восприятия [Гербарт, 2007, с. 137–138].

Условно говоря, Ф. Ф. Фортунатов рассматривает с психолингвистической позиции и значение звуковой стороны слова. Как отмечает ученый, когда человек слышит речь, в его сознании, пусть и в слабой форме, воспроизводятся слуховые и мускульные ощущения, которые являются физической и физиологической основой языка, с одной стороны, и неотъемлемым компонентом чувствований, представлений и мыслей – с другой. Представления звуковой стороны слов состоят «в воспроизведении мускульных и слуховых ощущений звуков речи» [Фортунатов, 1956, с. 115–116]. Здесь ученый вплотную приближается к проблеме релятивизма в языке, то есть концепции того, что язык определяет когнитивные процессы в созна-

нии человека. Спор номиналистов и релятивистов активно разгорелся уже в середине XX в., но Ф. Ф. Фортунатов обозначил приближение к этой глобальной дискуссии. Также российский ученый, по сути, сформулировал гипотезу лингвистической относительности. Вот что он писал: «При посредстве слов мы думаем и о том, что без тех или других знаков не могло бы быть представлено в нашем мышлении, и точно так же при посредстве слов мы получаем возможность думать так, как не могли бы думать при отсутствии знаков для мышления по отношению именно к обобщению и отвлечению предметов мысли. Знаки языка для мысли становятся в процессе речи знаками для выражения мысли или ее части, именно – непосредственно знаками для выражения мысли или ее части, в состав которой входят представления произносимых слов» [Там же, с. 120]. Здесь выпукло представлено влияние языка на мышление. Если бы воззрения Ф. Ф. Фортунатова своевременно достигли информационного пространства западной науки, задающей тон становления терминов, и, соответственно, получили бы большее распространение, то, вполне вероятно, гипотеза лингвистической относительности сейчас носила бы имена Ф. Ф. Фортунатова и Б. Л. Уорфа, а не Э. Сепира и Б. Л. Уорфа.

Педагогические воззрения Ф. Ф. Фортунатова также «психолингвистичны». В частности, в лекции, которую он читал на съезде преподавателей русского языка, ученый обратил внимание на то, что «педагогическая цель теоретического изучения грамматики иностранного языка в средней школе, однородная в известной степени с педагогической целью изучения математики, состоит в развитии, путем упражнения, мыслительных способностей учащихся, т. е. в приобретении ими навыка правильно думать и индуктивным, и дедуктивным способом» [Фортунатов, 1957, с. 433]. Здесь Ф. Ф. Фортунатов формулирует хорошо известный ныне тезис о пользе изучения иностранного языка в том смысле, что изучающий новый язык получает возможность взглянуть на мир с новой позиции – позиции иностранного языка, в результате чего расширяются его когнитивные и творческие способности. В то же время «основная задача преподавания грамматики родного языка в средней школе... состоит в том, чтобы вызвать в учащихся сознательное отношение к явлениям, существующим в том языке, на котором они думают и говорят, а это сознательное отношение учащихся к фактам родного языка является важным и по тем сведениям, которые оно дает, и по тому значению, которое оно имеет для развития умственных способностей учащихся» [Там же, с. 436]. В приведенных цитатах также прослеживается важный для психолингвистики тезис о взаимосвязи языка и мышления. Подчеркнем, что тогда как для современного ученого этот факт очевиден, для XIX в. и даже для начала XX в. подобные идеи шли в авангарде развития гуманитарной мысли.

Морфологическая классификация языков мира – недооцененный вклад Ф. Ф. Фортунатова в типологическую теорию

Перейдем к тому разделу творчества Ф. Ф. Фортунатова, который остался катастрофически недооцененным. Речь идет о морфологической, или типологической, классификации языков мира, предложенной ученым. Одним из наиболее известных описаний типологической системы Ф. Ф. Фортунатова является работа А. А. Реформатского [2006]. Последний цитирует очерк «Морфологическая классификация языков», приходя к выводу о том, что Ф. Ф. Фортунатов предложил различать четыре типа языков.

Действительно, в начале «Морфологической классификации языков» говорится именно об этом. Ф. Ф. Фортунатов аргументированно выделяет следующие типы:

1. «В значительном большинстве семейства языков, имеющих формы отдельных слов, эти формы образуются при посредстве такого выделения в словах основы и аффикса, при котором основа или вовсе не представляет так называемой флексии, или если такая флексия и может являться в основах, то она не составляет необходимой принадлежности форм слов и служит для образования форм, отдельных от тех, какие образуются аффиксами. Такие языки в морфологической классификации называют... *агглютинирующие* или *агглютинативные* языки... т. е.

собственно склеивающие... потому, что здесь основа и аффикс слов остаются по их значению отдельными частями слов в формах слов, как бы склеенными».

2. «К другому классу в морфологической классификации языков принадлежат семитские языки; в этих языках... основы слов сами имеют необходимые... формы, образуемые флексией основ, т. е. видоизменением части звуковой стороны, хотя отношение между основой и аффиксом в семитских языках такое же, как и в языках агглютинативных... Я называю семитские языки *флексивно-агглютинативными*... потому, что отношение между основой и аффиксом в этих языках такое же, как в языках агглютинирующих».

3. «К... третьему классу в морфологической классификации языков принадлежат языки индоевропейские; здесь... существует флексия основ при образовании тех самых форм слов, которые образуются аффиксами, вследствие чего части слов в формах слов, т. е. основа и аффикс, представляют здесь по значению такую связь между собою в формах слов, какой они не имеют ни в языках агглютинативных, ни в языках флексивно-агглютинативных. Вот для этих-то языков я и удерживаю название *флексивные языки*...»

4. «Наконец, есть такие языки, в которых не существует форм слов, образуемых аффиксами, и в которых вообще не существует отдельных слов. К таким языкам принадлежат языки китайский, сиамский и некоторые другие. Эти языки в морфологической классификации называются языками *корневыми*... Значит, в корневых языках так называемый корень является не частью слова, а самим словом, которое может быть не только простым, но и непростым (сложным)» [Фортунатов, 1956, с. 153–154].

А. А. Реформатский приходит к следующему выводу: «В этой классификации нет инкорпорирующих языков, нет грузинского, гренландского, малайско-полинезийских языков, что, конечно, лишает классификацию полноты, но зато очень тонко показано различие образования слов в семитских и индоевропейских языках, что до последнего времени не различалось лингвистами» [2006, с. 451].

При всем уважении к авторитету А. А. Реформатского следует констатировать: ученый не дочитал работу до конца. В противном случае его оценка классификации Ф. Ф. Фортунатова изменилась бы на противоположную. В самом конце «Морфологической классификации языков» приводится пятая группа языков – *полисинтетические*. Этот термин до сих пор используется как синоним термину «инкорпорирующие».

Ситуация осложняется тем, что в настоящее время этот неверный вывод А. А. Реформатского активно цитируется в Интернете на большом количестве сайтов для студентов-филологов (причем, как правило, без ссылки на самого А. А. Реформатского, что является обычной практикой на таких сайтах), где вкратце излагаются идеи различных видных лингвистов. Очевидно, что многим студентам проще прочесть краткое содержание, чем изучать первоисточники. Справедливости ради следует заметить, что некоторые такие сайты излагают верную картину, однако у не очень старательного студента вероятность встретиться с ошибочным мнением А. А. Реформатского достаточно велика.

Чтобы не быть голословными, приведем цитату из работы Ф. Ф. Фортунатова, где разъясняются особенности полисинтетических языков на примере языков американских индейцев:

«Теперь... я должен указать на такие соединения отдельных слов, которые занимают промежуточное место между словами и словосочетаниями...¹ Такие соединения слов чужды русскому языку и другим индоевропейским языкам, точно так же они неизвестны и в большинстве языков неиндоевропейских, но они существуют в различных американских языках и составляют характерный признак этих языков, являющийся в различных, может быть, неродственных между собою семействах этих языков...² Слова-словосочетания американских

¹ Подобные соединения получают у Ф. Ф. Фортунатова название «слова-словосочетания». Напомним, что предложение ученый рассматривал как разновидность словосочетания.

² Обратим внимание, что свои типологические рассуждения Ф. Ф. Фортунатов строит, проводя параллели со сравнительно-историческим языкознанием.

языков заключают в правой части соединения (которая сама по себе может быть сложной) основы отдельных полных слов без всех тех аффиксов, какие присоединяются к этим основам в отдельных словах, имеющих форму словообразования, так что американские слова-словосочетания отличаются от грамматически-сложных слов и по самому их образованию. Вместе с тем они резко отличаются от грамматически-сложных слов и по значению, принадлежащему форме слов-словосочетаний: в грамматически-сложных словах основы соединяются в одной сложной основе без всякого отношения к предложениям, между тем как в американских словах-словосочетаниях основы слов в первой части такого образования соединяются с основами таких слов, которые являются частями в предложениях. Таким образом, слово-словосочетание не есть отдельное слово, так как оно заключается в себе соединении слов в предложении, но вместе с тем оно не образует и словосочетания по тому самому, что первая часть слова-словосочетания заключает в себе не отдельные цельные слова, но лишь части отдельных слов, их основы» [Фортунатов, 1956, с. 180]. Перед нами качественное описание явления инкорпорации. И уже в самой последней строчке своей работы «Морфологическая классификация языков» Ф. Ф. Фортунатов прибегает к термину «полисинтетические языки» [Там же, с. 181].

Итак, мы видим, что Ф. Ф. Фортунатовым еще в конце XIX в. были успешно описаны все ныне известные типы языков мира с точки зрения типологической классификации по морфологическим признакам. Типологическая классификация Ф. Ф. Фортунатова «очень логичная» [Реформатский, 1956, с. 450], и при этом никак нельзя сказать, что она «недостаточная» [Там же]. Итак, мы установили, что классификация языков мира по Ф. Ф. Фортунатову состоит из пяти типов.

Морфологическая классификация языков мира по Ф. Ф. Фортунатову и В. фон Гумбольдту: сопоставление

После этого возникает вопрос: какая типологическая классификация языков мира подается в большинстве учебников как образцовая? Как правило, таковой является классификация В. фон Гумбольдта. Весьма комплиментарно о ней отзывается тот же Реформатский [Там же, с. 445], а также А. Я. Шайкевич [2005, с. 133] и А. А. Гируцкий [2003, с. 266] (при этом ни слова не говоря о классификации Ф. Ф. Фортунатова). В. Н. Немченко [2008, с. 611–613] и Т. И. Вендина [2001, С. 262–268] вообще приводят морфологическую классификацию языков из четырех типов как единственно возможную, не ссылаясь ни на В. фон Гумбольдта, ни на Ф. Ф. Фортунатова. Мы вынуждены согласиться с тем, что «и по сей день наиболее признанной остается типологическая классификация, выделяющая четыре морфологических типа языков: флективные, агглютинативные, аморфные и инкорпорирующие» [Чарыкова, Стернин, 2016, с. 125]. Речь идет, по сути, о классификации, предложенной В. фон Гумбольдтом [Humboldt, 1836]. Да, авторитет немецкого ученого действительно огромен, и заслуженно. Посмотрим, однако, действительно ли его классификация настолько хороша.

Заслуга В. фон Гумбольдта заключается в том, что он предложил четвертый тип в дополнение к трем ранее выделенным другими исследователями. В то время как братья Шлегели различали аффлектирующий, флективный и аморфный типы [Алпатов, 2005, с. 58], В. фон Гумбольдт обосновал необходимость выделения также инкорпорирующего типа языков. Как правило, когда говорят о типологической классификации языков мира, ссылаются на классификацию В. фон Гумбольдта как значимую и с исторической, и с практической точек зрения.

Что касается собственно классификации, предложенной В. фон Гумбольдтом, то ряд ученых XX в. остро чувствовали ее неполноценность. Дело в том, что в нее не вписывались, в частности, языки семито-хамитской группы. В итоге в середине XX в. чешский исследователь В. Скаличка предложил дополнить эту классификацию пятым типом – *интрофлексивным*, где морфология определяется фонологическим аспектом, то есть «в качестве морфологических элементов выступают отдельные фонемы» [Скаличка, 1989, с. 29]. Подробно об этих

пяти типах можно прочесть в другой его работе [Скаличка, 1966, с. 28–30], где ученый, помимо всего прочего, приводит, по нашему мнению, весьма удачное толкование термина «тип языка»: «Мы исходим из того, что явления в языке находятся в определенных отношениях друг к другу. Существуют, например, благоприятствующие друг другу явления... Иначе говоря, в таких случаях на основании одного явления можно предсказать наличие какого-нибудь другого явления. Если в языке существует явление *A*, то мы предполагаем, что будет и явление *B*. Таким образом, например, если в языке есть согласование, то можно предположить, что будет иметься также свободный порядок слов. Если, наоборот, есть свободный порядок слов, то можно предположить, что появится и согласование. Совокупность таких благоприятствующих друг другу явлений мы называем типом» [Там же, с. 27]. Другой важной мыслью В. Скалички стал тезис о том, что в одном языке могут присутствовать черты разных типов, и мы атрибутируем некоторый язык к конкретному типу, принимая во внимание, черты какого именно типа преобладают в данном языке.

Из сказанного следует, что наиболее удачной типологической классификацией языков, выполненной по морфологическим признакам, является классификация, состоящая из пяти типов, а именно: аффиксирующего, флективного, аморфного, инкорпорирующего и интрофлективного. Эта классификация вызревала на протяжении примерно века. Начавшись с идеи братьев Шлегелей, она была подхвачена В. фон Гумбольдтом, но до совершенства была доведена только в середине XX в. во многом благодаря В. Скаличке.

Теперь вспомним классификацию, предложенную Ф. Ф. Фортунатовым. Термины в ней частично отличаются, но она так же состоит из пяти типов и описывает ровно те же языки. Напомним, что ученый выделяет такие типы, как: флективный (как и в современной терминологии), агглютинативный (как и в современной терминологии), корневой (в современной терминологии «изолирующий»), агглютинативно-флективный (в современной терминологии «интрофлективный»), полисинтетический (в современной терминологии «инкорпорирующий»). Если говорить о конкретных языках, то к флективным относятся большинство индоевропейских языков: итальянский, немецкий, исландский и пр.; к агглютинативным – турецкий, финский, японский и пр.; к изолирующим – китайский, вьетнамский, бирманский и пр.; к инкорпорирующим – языки американских индейцев, австралийских туземцев, айнский и пр.; к интрофлективным – семитские языки (арабский, мальтийский, иврит и пр.). Мы видим, что еще в конце XIX в. и задолго до появления работ В. Скалички Ф. Ф. Фортунатов разработал морфологическую классификацию, которая целиком и полностью отвечает современным взглядам на языковые типы.

Морфологическая классификация языков мира: парадоксы истории

Зададимся вопросом о том, по какой причине классификация из пяти типов точнее, чем классификация из четырех типов (напомним, многие современные ученые и историки языкознания пользуются именно последней классификацией). Как ни парадоксально, классификация из четырех типов – это во многом дань традиции. Авторитет В. фон Гумбольдта столь силен, что далеко не каждый ученый готов поставить под сомнение его постулаты. Однако вся морфологическая классификация В. фон Гумбольдта рушится из-за семитских языков. Согласно его классификации, семитские языки относятся к флективным, из-за чего кажется, что никакого противоречия нет. Однако фактически между семитскими и другими флективными языками существуют различия, которые нельзя назвать незначительными. Весьма удачный анализ в этой связи провел тот же В. Скаличка. Его сопоставительный обзор ключевых особенностей флективных и интрофлективных языков [Скаличка, 1966, с. 29–30] суммируем в таблице ниже.

Сопоставление флективных и интрофлексивных языков по В. Скаличке

Juxtaposition of Inflectional and Introflexive Languages According to V. Skalička

Флективные языки	Интрофлексивные языки
Слабое противопоставление корневых и служебных элементов	Сильное противопоставление корневых и служебных элементов
Четко выраженное противопоставление словообразовательных элементов и окончаний	Слабое противопоставление словообразовательных элементов и окончаний
Сильное противопоставление частей речи	
Наличие формальных слов	Небольшое количество формальных слов
Сильно развитое согласование.	
Свободный порядок слов	
Ограниченное количество словообразовательных элементов	Словообразовательные средства вставляются внутрь корневой морфемы
Малочисленность сложных слов.	Небольшое количество сложных слов
Сильно развитая синонимия грамматических элементов	Грамматические элементы вставляются в середину корневой морфемы
Появление грамматического рода или классов существительных	
Ясно выраженная категория слова	
Ясно выраженная категория предложения.	
Порядок следования синтаксических единиц в предложении: подлежащее – сказуемое – дополнение	
Развитость подчиненных предложений	
Большое количество гласных фонем	Разбитие морфемы путем вставки внутрь морфемы фонемы или фонем, посредством чего передается иное значение, чем значение данной морфемы

Нетрудно заметить, что флективные и интрофлексивные языки не просто отличны друг от друга, но по своей структуре находятся на двух разных полюсах. Следовательно, относить их к одному языковому типу неверно. Все это требует выделения пяти типов в морфологической классификации языков мира. Об этом пишет В. Скаличка, об этом же писал и Ф. Ф. Фортунатов, когда Пражского лингвистического кружка (ярким представителем которого являлся В. Скаличка) не было даже в проекте.

Заключение

Работы Ф. Ф. Фортунатова не получили особого распространения за рубежом. Однако и в России об ученом не говорят как о первом, кто предложил оптимальную морфологическую классификацию языков мира. Даже в отечественных учебниках в разделах о типологии языков мира его имя, как правило, упоминается наряду со многими другими, а что касается типологической классификации языков мира, то все лавры достаются В. фон Гумбольдту и/или Э. Сепиру. Заслуга последних вне всяких сомнений велика. В. фон Гумбольдт стал «законодателем мод»; Э. Сепир предложил новый подход к типологической классификации, который многие считают наиболее прогрессивным. Однако если подходить к вопросу с позиции классической

(традиционной) типологии, то выясняется, что наиболее удачной является классификация, состоящая из пяти типов. Именно ее и предложил Ф. Ф. Фортунатов задолго до того, как к такому же выводу пришли современные ученые.

В работе В. М. Алпатова, датированной 2005 годом, читаем: «Он [Фортунатов], как и Ф. де Соссюр, мало публиковался и выражал свои научные взгляды прежде всего в лекционных курсах для студентов, которые лишь размножались (литографировались) для студенческих нужд. Уже в советское время часть этих курсов вошла в двухтомник избранных трудов Ф. Ф. Фортунатова, а многие из них до сих пор не изданы. В частности, до сих пор ждут публикации его лекции по типологии; он был одним из очень немногих ученых того времени, не отказавшихся от рассмотрения типологической проблематики» [2005, с. 103]. На 2023 год ситуация с публикацией лекций Фортунатова по типологии не сдвинулась в лучшую сторону. Такое пренебрежение к научному наследию одного из самых известных российских лингвистов XIX в. не поддается объяснению.

В России любят вспоминать о том, что именно А. С. Попов (а вовсе не Г. Маркони) является изобретателем радио, что именно А. Ф. Можайский (а вовсе не братья Райт) – изобретателем самолета, что именно А. Н. Лодыгин (а вовсе не Т. Эдисон) – изобретателем лампы накаливания. Мы не беремся судить о том, насколько справедливо либо несправедливо было отдано первенство в вышеупомянутых случаях, но Ф. Ф. Фортунатов совершенно определенно оказался незаслуженно забыт даже отечественными историками лингвистики как первый человек, разработавший наиболее удачную морфологическую классификацию языков мира. Можно спорить о применяемой им терминологии, но сути это не меняет: он был первым, кто выделил и обосновал необходимость различения пяти типов языков мира с точки зрения морфологических отношений между частями слов и словосочетаний.

Именно по этой причине в заглавие мы вынесли тезис о том, что Ф. Ф. Фортунатов – тот ученый, труды которого не получили должной оценки. Как минимум в российской научной литературе все работы по типологии начинались бы ссылками на его идеи, если бы это открытие ученого было должным образом оценено научным сообществом.

В современной типологии присутствует глубокое заблуждение о том, что предложенная В. фон Гумбольдтом классификация является полноценной. Нам же представляется, что громкое имя не должно становиться знаком качества. Всем свойственно заблуждаться. Ревизии подвергся и ряд других положений В. фон Гумбольдта: в частности, были серьезно пересмотрены его утверждения о полной самостоятельности языка по отношению к духу и о божественном происхождении языка. Мы полагаем разумным пересмотреть и оценку морфологической классификации языков мира.

Список литературы

- Алпатов В. М. История лингвистических учений. М.: Языки славянских культур, 2005. 368 с.
- Богданова Л. И. Актантная грамматика и проблемы обучения русскому языку // Вторые Фортунатовские чтения в Карелии: сборник докладов национальной (с международным участием) научной конференции (3–4 июня 2021 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2022. С. 84–86.
- Вендина Т. И. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 2001. 288 с.
- Герbart И. Ф. Психология. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. Пер. с нем. 288 с.
- Гируцкий А. А. Введение в языкознание. Минск: «ТетраСистемс», 2003. 288 с.
- Ляпунов Б. М. Из семасиологических этюдов в области русского языка: «досуг» и пр. // ИАН ОЛЯ. 1946. Т. V, вып. 1. С. 63–68.
- Немченко В. Н. Введение в языкознание. М.: Дрофа, 2008. 704 с.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1938. 452 с.

- Поржезинский В. К.** Очерк сравнительной фонетики древнеиндийского, греческого, латинского и старославянского языков: Пособие к лекциям проф. В. Поржезинского. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1912. 83 с.
- Реформатский А. А.** Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 2006. 536 с.
- Скаличка В.** К вопросу о типологии // Вопросы языкознания. 1966. № 4. С. 22–30.
- Скаличка В.** Типология и сопоставительная лингвистика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы / Под ред. В. Г. Гака. М.: Прогресс, 1989. С. 27–31.
- Томсон А. И.** К синтаксису и семасиологии русского языка. Одесса: Экон. тип., 1903. 84 с.
- Ушаков Д. Н.** Краткое введение в науку о языке. М. – Петроград: Гос. изд-во, 1923. 144 с.
- Фортунатов Ф. Ф.** Избранные труды. Т. 1. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956. 452 с.
- Фортунатов Ф. Ф.** Избранные труды. Т. 2. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. 472 с.
- Чарыкова О. Н., Стернин И. А.** (ред.). Введение в языкознание. Воронеж: «Истоки», 2016. 142 с.
- Шайкевич А. Я.** Введение в лингвистику. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 400 с.
- Шахматов А. А.** Очерк современного русского литературного языка. М.: Учпедгиз, 1941. 288 с.
- Шахматов А. А.** Филипп Федорович Фортунатов. Некролог // Известия Императорской Академии Наук. VI серия. 1914. № 8:14. С. 967–976.
- Щерба Л. В.** Ф. Ф. Фортунатов в истории науки о языке // Вопросы языкознания. 1963. № 5. С. 89–93.
- Fici F.** La ‘forme du mot’ dans la pensée linguistique russe. *Cahiers du Centre de Linguistique et des Sciences du Langage*, 2022, vol. 25. Pp. 235–248.
- Herbart J. F.** Psychologische Untersuchungen. Göttingen: Dieterichsche Buchhandlung, 1839. 286 S.
- Humboldt W von.** Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaus und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin: Die Druckerei der Königlichen Akademie der Wissenschaften, 1836. 534 S.
- Steinthal H.** Philologie, Geschichte Und Psychologie In Ihren Gegenseitigen Beziehungen. Berlin: Dümmler, 1864. 76 S.
- Urbanavičienė J.** Accentuation of Nominal Words in the Vilnius Speech: de Saussure and Fortunatov’s synchronic law. *Taikomoji kalbotyra*, 2014, vol. 6. Pp. 1–32.

References

- Alpatov, V. M.** History of linguistic studies. Moscow: Jazyki slavjanskih kul’tur, 2005. 368 p. (in Russ.)
- Bogdanova, L. I.** Actantial grammar and aspects of teaching Russian. In: Vtorye Fortunatovskie chtenija v Karelii; sbornik dokladov natsionalnoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferentsii (3–4 ijunja 2021 goda, g. Petrozavodsk). Petrozavodsk: Izdatelstvo PetrGU, 2022, pp. 84–86. (in Russ.)
- Charykova, O. N., Sternin, I. A.** (eds.). Introduction to linguistics. Voronezh: “Istoki”, 2016. 142 p. (in Russ.)
- Fici, F.** La ‘forme du mot’ dans la pensée linguistique russe. *Cahiers Du Centre De Linguistique Et Des Sciences Du Langage*, 2022, vol. 25, pp. 235–248.
- Fortunatov, F. F.** Selectas. V. 1. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel’stvo Ministerstva prosveshhenija RSFSR, 1956, 452 p. (in Russ.)
- Fortunatov, F. F.** Selectas. V. 2. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel’stvo Ministerstva prosveshhenija RSFSR, 1957, 472 p. (in Russ.)

- Gerbart, I. F.** Psychology. Moscow: Publishing house "Territorija budushhego", 2007. 288 p. (Transl. from Germ. into Russ.)
- Girutskii, A. A.** Introduction to linguistics. Minsk: "TetraSistems", 2003. 288 p. (in Russ.)
- Herbart, J. F.** Psychologische Untersuchungen. Göttingen: Dieterichsche Buchhandlung, 1839. 286 S.
- Ljapunov, B. M.** From semasiological studies in the Russian language: "leisure", etc. *Izvestija Akademii Nauk. Otdelenie Literatury i Jazyka*, 1946, vol. V, no. 1, pp. 63–68. (in Russ.)
- Nemchenko, V. N.** Introduction to linguistics. Moscow: Drofa, 2008. 704 p. (in Russ.)
- Peshkovskii, A. M.** Russian syntax in scientific interpretation. Moscow: Uchpedgiz, 1938. 452 p. (in Russ.)
- Porzhezinskii, V. K.** Digest of comparative phonetics of Old Indian, Greek, Latin and Old Slavic: Manual for Prof. V. Porzhezinskij's lectures. Moscow: Tipo-lit. t-va I. N. Kushnerev i Co, 1912. 83 p. (in Russ.)
- Reformatskii, A. A.** Introduction to linguistics. Moscow: Aspect Press, 2006. 536 p.
- Shahmatov, A. A.** Digest of modern Russian literary language. Moscow: Uchpedgiz, 1941. 288 p. (in Russ.)
- Shahmatov, A. A.** Filipp Fedorovich Fortunatov. In memoriam. *Izvestija Imperatorskoj Akademii Nauk. Series VI*, 1914, vol. 8(14), pp. 967–976. (in Russ.)
- Shajkevich, A. Ja.** Introduction to linguistics. Moscow: Izdatel'skij centr "Akademija", 2005. 400 p. (in Russ.)
- Shherba, L. V. F. F.** Fortunatov in the history of language science. *Voprosy jazykoznanija*, 1963, vol. 5, pp. 89–93. (in Russ.)
- Skalička, V.** On the issue of typology. *Voprosy Jazykoznanija*, 1966, vol. 4, pp. 22–30. (in Russ.)
- Skalička, V.** Typology and comparative linguistics. In: *Novelties in Foreign Linguistics, Issue XXV. Contrastive linguistics: Translations*. Ed. V. G. Gak. Moscow: Progress, 1989. P. 27–31. (in Russ.)
- Steinthal, H.** Philologie, Geschichte Und Psychologie In Ihren Gegenseitigen Beziehungen. Berlin: Dümmler, 1864. 76 S.
- Tomson, A. I.** On syntax and semasiology of Russian. Odessa: Econ. tip., 1903. 84 p. (in Russ.)
- Urbanavičienė, J.** Accentuation of Nominal Words in the Vilnius Speech: de Saussure and Fortunatov's synchronic law. *Taikomoji kalbotyra*, 2014, vol. 6, pp. 1–32. (in Lith.)
- Ushakov, D. N.** Brief introduction into the science of language. Moscow – Petrograd: Gos. izd-vo, 1923. 144 p. (in Russ.)
- Vendina, T. I.** Introduction to linguistics. Moscow: Vysshaja shkola, 2001. 288 p. (in Russ.)
- von Humboldt, W.** Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaus und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin: Die Druckerei der Königlichen Akademie der Wissenschaften, 1836. 534 S.

Информация об авторе

Палкин Алексей Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия)

Information about the Author

Alexei D. Palkin, Doctor of Philology, professor of the English Language Stylistics Chair, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

Статья поступила в редакцию 29.09.2022;

одобрена после рецензирования 09.01.2023; принята к публикации 16.01.2023

The article was submitted 29.09.2022;

approved after reviewing 09.01.2023; accepted for publication 16.01.2023

Научная статья

УДК 81'33

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-17-29

Сопоставительный анализ терминов в междисциплинарном терминологическом словаре

Мария Кирилловна Тимофеева

Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН

Новосибирск, Россия

mtimof@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8999-2330>

Аннотация

В статье обсуждается начатый проект создания междисциплинарного сопоставительного словаря терминов лингвистики и логики. Словарь включает совпадающие термины, используемые в обеих дисциплинах. Цель сопоставления: анализ различий в понимании и использовании таких терминов в лингвистике и логике, выявление дифференциальных и интегральных признаков, эксплицирующих эти различия. Создаваемый словарь предназначен в первую очередь для поддержки междисциплинарной коммуникации. Обсуждается ряд методологических вопросов и их решений для данной пары научных дисциплин (определение принимаемых во внимание областей знания, требования к метаязыку описания). В качестве примера представлен анализ термина «предикат» – одного из базовых в лингвистике и логике. Выявлены и описаны шесть групп дифференциальных признаков, рассмотрена традиция употребления термина «логика» в лингвистике и ее влияние на представление о возможностях предиката.

Ключевые слова

междисциплинарное взаимодействие, семный анализ, сопоставительный анализ, консубстанциональные термины, словарь терминов, дифференциальные признаки, лингвистика, логика

Благодарность

Работа выполнена в рамках государственного задания ИМ СО РАН проект № FWNF-2022-0012.

Для цитирования

Тимофеева М. К. Сопоставительный анализ терминов в междисциплинарном терминологическом словаре // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1. С. 17–29. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-17-29

Comparative Analysis of Terms in the Interdisciplinary Terminological Dictionary

Mariya K. Timofeeva

Sobolev Institute of Mathematics SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

mtimof@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8999-2330>

Abstract

The paper discusses the ongoing project of creating an interdisciplinary comparative dictionary of linguistic and logical terms. The dictionary includes overlapping terms used in both disciplines. The aim of the comparison consists in analyzing differences in understanding and use of the overlapping terms of linguistics and logic, and in revealing differential and integral features expressing these differences. The proposed dictionary is primarily intended for supporting interdisciplinary communication. A number of methodological issues and their solutions for this pair of scientific disciplines are discussed (defining the domains of knowledge taken into account, requirements for the metalanguage of description). As an example, the analysis of the term *predicate*—one of the basic terms of linguistics and logic—is presented. Six groups

© Тимофеева М. К., 2023

of differential features have been revealed and described; the tradition of the use of the term *logic* in linguistics and the influence of this tradition on understanding the possibilities of a predicate are considered.

Keywords

interdisciplinary cooperation, component analysis, contrastive-comparative analysis, consubstantial terms, terminological dictionary, differential meanings

Acknowledgements

The research was conducted within the framework of the state contract of the Sobolev Institute of Mathematics, project no. FWNF-2022-0012.

For citation

Timofeeva M. K. Comparative Analysis of Terms in the Interdisciplinary Terminological Dictionary. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 17–29. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-17-29

Введение

Междисциплинарные области объединяют исследователей разных профессий и с разными научными «картинами мира». При этом используемые ими сформировавшиеся относительно автономно терминологические системы могут пересекаться, а совпадающие по внешней форме термины – иметь различное содержание. Это один из факторов, осложняющих взаимопонимание при научном сотрудничестве.

Данное обстоятельство привело к появлению идеи создания междисциплинарного терминологического словаря, эксплицирующего различия в понимании и употреблении внешне совпадающих терминов разных научных сфер [Тимофеева, 2023]. Издания такого рода в настоящее время отсутствуют: профессиональная научная литература предназначена для тех, кто уже имеет соответствующее образование или получает его; научно-популярная литература ориентирована в первую очередь на привлечение внимания к специальности и на поддержку природной любознательности человека.

На данном этапе междисциплинарный терминологический словарь создается для пары «лингвистика – логика». В первой половине XX в. эволюция содержания общих терминов в каждой из этих дисциплин проходила в значительной степени автономно: «обособление лингвистики от других наук было более важным, чем задача интеграции лингвистики с другими науками» [Алпатов, 1999, с. 272]. Со второй половины XX в. ситуация начала меняться, и сейчас задача интеграции лингвистики с математикой и когнитивными науками выходит на первый план в связи актуальностью компьютерного моделирования различных аспектов языковой деятельности человека, являющегося частью более широкой области – разработки систем искусственного интеллекта.

Сопоставление значений терминов, в «домеждисциплинарный» период эволюционировавших в разных областях знания, позволяет выявить дифференциальные признаки понятий, соотносимых с одним и тем же словом, понять различия в представлениях о совместно изучаемой междисциплинарной области. Далее процедура сопоставительного анализа иллюстрируется на примере рассмотрения термина *предикат*, относящегося к числу базовых как в лингвистике, так и в логике.

1. Границы и метаязык сопоставления

Методологические сложности заключаются, прежде всего, в формировании требований к языку сравнительного анализа и в определении границ принимаемого во внимание круга исследований.

Метаязык словаря должен быть максимально нейтральным, опираться главным образом на общенаучную, а не узкоспециальную терминологию, эксплицировать необходимые для по-

нимания терминов знания, быть понятным для обеих сторон междисциплинарного взаимодействия.

При сопоставительном терминологическом анализе желательно включить в рассмотрение те разделы, которые актуальны именно для междисциплинарного взаимодействия, в нашем случае – между лингвистами и логиками.

Одно из специфичных свойств логики как сферы научного познания состоит в том, что современный ее статус как раздела математики сосуществует с концепциями предыдущих этапов ее развития. В наше время широко распространена (прежде всего, в гуманитарных направлениях) традиция использовать один и тот же термин «логика» в недифференцированном значении, то есть объединяя современную математическую (символическую) логику, являющуюся разделом математики, с традиционной (аристотелевской) логикой, транслирующей представления, формировавшиеся столетиями ранее, от Аристотеля до рубежа XIX–XX вв. Это нередко приводит к недоразумениям (некоторые примеры рассмотрены далее в разделе 5), а также создает фиктивную неоднозначность ряда логических терминов, обусловленную сосуществованием исторически разных этапов развития их понятийного содержания. При этом данного вида неоднозначностей в рамках математической логики нет.

В названной выше междисциплинарной области моделирования языковой деятельности человека инструментом построения математических формализаций является математическая логика, поэтому сопоставительный анализ ограничен рассмотрением ее терминологии. Далее для краткости термин логика будет использоваться для обозначения математической логики. Традиционная логика будет именоваться посредством полного словосочетания.

В середине XX в. образовались направления лингвистики, использующие математические методы и математическую терминологию. Это, прежде всего, математическая лингвистика и компьютерная лингвистика. Однако, несмотря на более чем 60-летнюю историю этих направлений и их востребованность для развития систем искусственного интеллекта, в остальных областях лингвистики они остаются малоизвестными, что делает актуальной задачу налаживания взаимопонимания между лингвистами и математиками. Для специалистов указанных математических направлений лингвистики сопоставительный анализ терминов также может представлять интерес, так как конкретизация различий между трактовками общих терминов лингвистики и логики неочевидна. Естественно, что в ходе сопоставительного анализа «лингвистическими» будут именоваться традиционные для лингвистики трактовки терминов, а не математические понятия, используемые в математической/компьютерной лингвистике.

Традиционными для лингвистики будут считаться трактовки терминов, зафиксированные в специализированных терминологических и энциклопедических изданиях, грамматике АН СССР [Русская грамматика, 1980], а также в учебных изданиях для вузов. Научные публикации в отдельных случаях также могут использоваться, но ограниченным образом, так как в них часто представлены авторские взгляды на обсуждаемые вопросы, которые во всем их многообразии словарная статья отражать не может. Такой подход неизбежно приводит к упрощениям, однако иной вариант превратил бы словарную статью в узкоспециальный научный обзор и свел на нет междисциплинарную полезность словаря.

2. Определения термина предикат

Термин *предикат* был введен в традиционной логике и в этом варианте вошел в лингвистику, впоследствии он вошел также в терминологию математической логики. Затем он эволюционировал параллельно в этих двух областях в соответствии с внутренними требованиями и траекториями их развития.

Приведем некоторые принятые определения термина *предикат*.

«Предикат (от позднелат. *praedicatum* ‘сказанное’) – высказывательная функция, определенная на некотором множестве *M*, то есть такая *n*-местная функция *P*, которая каждому упо-

рядоченному набору $(a_1, \dots, a_n)$ элементов множества M сопоставляет некоторое высказывание, обозначаемое $P(a_1, \dots, a_n)$; P называется n -местным предикатом на M . В математической логике высказывание обычно отождествляется с его истинностным значением. При этом понятие предиката получает следующее, наиболее общее определение: n -местным предикатом на множестве M называется произвольная n -местная функция, определённая на M и принимающая значения 0 или 1» [МЭС, 1988, с. 485].

«ПРЕДИКАТ. 1. То же, что сказуемое. 2. (Сказуемое суждения). Предмет мысли, составляющий содержание предикации; мыслимое содержание, являющееся основой соотнесения высказывания с действительностью и получающее языковое выражение в форме сказуемого (или других языковых средств выражения предикации). ПРЕДИКАЦИЯ, *англ.* predication. Отнесение данного содержания, данного предмета мысли к действительности, осуществляемое в предложении» [Ахманова, 1966, с. 345–346]. В русском языке «при обозначении состава предложения, соответствующего сообщаемому», вместо термина *предикат* используется его калька – *сказуемое* [ЛЭС. 1990, с. 392].

«В узком смысле под предикатом понимается один из двух членов суждения, противопоставленный субъекту. Предикат – это то, что высказывается о субъекте. В широком смысле предикат – это свойство либо отдельного объекта, либо двойки, тройки и т. п. объектов. В случае нескольких объектов предикат также может интерпретироваться как отношение между ними» [Кронгауз, 2001, с. 187].

Надо заметить, что субъект-предикатную структуру суждения («узкий смысл» термина *предикат*) можно описать средствами логики предикатов, например, логические формы суждений типа *Все А есть В* и *Некоторые А есть В* можно представить формулами $\forall x[A(x) \supset B(x)]$ и $\exists x[A(x) \& B(x)]$ соответственно.

В определении М. А. Кронгауза проявляется содержательная связь между понятиями предиката в лингвистике и логике: предикат – это языковое средство указания на свойство одного объекта (одноместный предикат) или отношение между конечным числом n объектов (n -местный предикат). Предлагается использовать данную характеристику при формулировке интегрального признака сопоставляемых значений. В следующем разделе при обсуждении дифференциальных признаков, различающих лингвистическую и логическую трактовки термина *предикат*, дополняется также формулировка интегрального признака.

3. Сопоставительный анализ

Проявления различий между содержанием термина *предикат* в лингвистике и логике можно разделить на несколько групп альтернатив (первый элемент пары характеризует лингвистику, второй – логику), обсуждаемых далее более подробно.

1. Несовпадение/совпадение множества единиц языка, называемых предикатами, и множества единиц языка, способных выполнять функцию предиката в высказывании; совместимость/несовместимость функции предиката и функции модального оператора.

2. Наличие вариантов обозначения / неизменность обозначения одного и того же предиката.

3. Варьируемость/фиксированность состава аргументов предиката; необязательность/обязательность их явного присутствия в правильном выражении языка; обязательность/необязательность соотнесённости со временем.

4. Возможность/недопустимость несовпадения количества аргументов предиката при его рассмотрении на уровне синтаксиса и на уровне семантики.

5. Ранжированность / отсутствие ранжированности: а) единиц языка по возможности выполнения ими функции предиката и по силе этой функции; б) аргументов предиката по обязательности их присутствия в правильном высказывании; в) составляющих высказывания, выполняющих в нем функцию предиката, по силе этой функции.

6. Традиция классификации предикатов языка с учетом их семантики / на основе точно определенных правил.

В лингвистике предикат может рассматриваться на разных языковых уровнях, прежде всего как: 1) компонент синтаксической структуры предложения; 2) компонент смысловой структуры предложения; 3) компонент коммуникативной структуры предложения в конкретной ситуации общения; 4) компонент структуры внеязыковой ситуации, представленной в предложении. Четвертый из этих уровней в лингвистике обсуждается относительно редко, но он важен для разработки компьютерных моделей языка, например диалоговых систем, и реализуется в рамках моделей представления знаний.

В логике предикат можно рассматривать на синтаксическом или семантическом уровне.

3.1. Статус предиката и выполнение функции предиката

В логическом языке набор знаков этого языка зафиксирован (в сигнатуре) и неизменен, причем в нем перечислены в точности все знаки, которые могут выполнять в высказывании функцию предиката. Любой такой знак, будучи использован в высказывании, обязательно выполняет в нем функцию предиката (в логиках высших порядков он может – дополнительно к функции предиката – выполнять также функцию аргумента предиката).

В лингвистике статус предиката рассматриваемого языка и выполнение функции предиката в предложении¹ разделены. Типичными предикатами считаются глаголы, но в реальных высказываниях роль предиката могут выполнять другие части речи, а некоторые формы глагола (инфинитив) редко выступают в такой роли.

В логике символ предиката не может быть одновременно символом модального оператора, эти единицы логического языка различаются синтаксически. В лингвистике такое совмещение функций в одном языковом знаке допустимо: например, глаголы *хотеть*, *желать* могут выполнять роль предиката и одновременно выражать субъективную модальность.

3.2. Вариативность формы

Предикатный символ логического языка – один элемент, он не имеет вариантов употребления и во всех случаях своего использования выглядит одинаково.

В лингвистике допустимо говорить о предикатах как единицах языка, подразумевая под каждым из них лексему, то есть множество грамматических форм (например, *знать*, *знаю*, *знаешь*, *знаете*, *знал*, *знала* и т. д.). В конкретном предложении используется какая-либо одна из этих форм, синтаксически согласованная с остальной частью того же предложения.

Формы глагола не равны по своей способности выполнять функцию предиката в предложении: инфинитив может быть подлежащим, дополнением, определением, обстоятельством, но редко выступает в функции предиката.

3.3. Аргументы предиката

Для лингвистического предиката допустима вариативность состава аргументов: например, очевидный для собеседника аргумент может отсутствовать в тексте. Значения многозначного предиката могут различаться по количеству аргументов (*Щенок играл в саду* и *Щенок играл с мячиком в саду*). Для предиката логического языка такие различия в употреблении и значении невозможны, количество аргументов у каждого символа предиката фиксировано и не может варьироваться.

¹ Выполнение словом или словосочетанием функции предиката в лингвистике обозначается специальным термином *предикация*.

В логическом языке аргументы одного и того же предиката не различаются по силе связи с этим предикатом и их указание при употреблении предиката обязательно. Для лингвистического предиката это не так.

Аргументы, считающиеся стандартными, обязательными для представляемой предикатом ситуации, называют *актантами*, а отношение предиката к ним – *валентностью*. Так, у предиката *сообщать* три валентности (кто, что/о чем, кому сообщает). Обязательные актанты должны либо явно присутствовать в тексте, либо угадываться адресатом сообщения; иначе говоря, набор таких аргументов фиксируется (в разных лингвистических традициях это может делаться по-разному), но указывать их все в предложении необязательно, достраивание недостающих аргументов можно делегировать собеседнику или игнорировать как незначимое, что недопустимо в логическом языке. Этим, однако, различия не исчерпываются.

Наряду с обязательными аргументами лингвистический предикат может иметь аргументы, считающиеся факультативными, их называют также *сирконстантами*. Такова, например, выделенная часть следующего предложения по отношению к предикату *учиться*: *Он учился музыке в прошлом году*. Критерии проведения границы между обязательными и факультативными аргументами предиката могут быть разными у разных лингвистов.

Важно также, что у лингвистического предиката как единицы предложения имеется аргумент, обязательность которого следует из определения *предикативности* – того комплекса языковых средств, посредством которых осуществляется функция предикации: «Предикативность – категория, которая целым комплексом формальных синтаксических средств соотносит сообщение с тем или иным временным планом действительности» [Русская грамматика, 1980, с. 86].

Обязательная составляющая такого комплекса средств – синтаксическое время и наклонение (настоящее, прошедшее, будущее, реальное, ирреальное), представленное грамматическими средствами, например посредством выбора формы глагола. По сути такое указание на время играет роль аргумента² предиката (на синтаксическом и на семантическом уровнях). Однако в лингвистике аргументы (актанты, сирконстанты) обычно мыслятся как слова или словосочетания, а не грамматические значения, поэтому данный аргумент обычно в их число не включается.

В логике общего требования соотнесения предиката со временем нет: интерпретация логического языка может включать понятие времени, а может и не включать, в зависимости от назначения этого языка.

3.4. Синтаксические и семантические валентности

В лингвистике можно анализировать аргументы предиката как синтаксической единицы предложения (*синтаксические валентности*) или как единицы семантического представления (*семантические валентности*). Эти два вида валентностей могут различаться у одного и того же предиката количественно. Аргумент предиката может быть, например, инкорпорирован в смысл данного предиката, тогда указывать этот аргумент в тексте нет необходимости (у предиката нет соответствующей синтаксической валентности), но он нужен при описании смысла. Так, *положить* можно только предмет, находящийся в руках, поэтому указывать в тексте на изначальное местонахождение этого предмета излишне (в отличие от *переложить*) и соответствующая синтаксическая валентность отсутствует. Однако при толковании того же слова семантическая валентность, указывающая на изначальное местонахождение, нужна, так как она является необходимым компонентом ситуации, названной глаголом.

² При моделировании естественного языка синтаксическое время может отображаться не только как аргумент предиката (например, при использовании временных логик), но и как отдельный предикат на семантическом уровне представления (например, в модели «Смысл $\leftrightarrow$ Текст» [Мельчук, 1974, с. 67–69].

Для логического языка недопустимо несовпадение количества аргументов предиката, использованных при задании синтаксиса, с количеством аргументов того же предиката при построении семантики данного языка.

3.5. Ранжированность

Предикатные символы логического языка не различаются по силе своей способности выполнять функцию предиката в высказываниях данного языка. Лингвистические предикаты в этом отношении различаются.

В лингвистике типичным предикатом считается глагол, а его способность выполнять функцию предиката в предложении представляется наиболее сильной. Поэтому под предикатами языка в первую очередь подразумевают глаголы. Говорят, например, о фактивных предикатах (*знать, помнить*), перформативных (*обещать, просить*) и др.

У единиц языка, называемых *предикативами*, эта функция видится более слабой. В узком смысле предикативы – это слова категории состояния (например, *жаль, смешно, рано*), выполняющие функцию предиката в безличном предложении. В более широком смысле предикативом называют именную часть именного сказуемого: «*(Мне интересна эта проблема; Петя всегда рад помочь другу)*». В этом случае обсуждаемый здесь класс слов должен, скорее, называться термином *безличный предикатив*» [Летучий, 2017, с. 138].

Кроме этого, синтаксические единицы, выполняющие функцию предиката в предложении, ранжированы в данном предложении по силе этой функции. Для наименования функции «меньшей силы» используются термины *полупредикативность, вторичная предикативность, дополнительная (потенциальная) предикативность*. Это упорядочение характеризует значимость предиката в общей структуре языкового описания ситуации, где одни аспекты ситуации представляются как центральные, а другие – как периферийные. Соответственно, у частей предложения, указывающих на первые, функция предиката выражена сильнее, чем у указывающих на вторые. Градация по силе предикативной функции не является бинарной (сильные vs слабые), возможно выделение нескольких промежуточных уровней, не имеющих специальных названий, при этом сила предикативной функции может зависеть не только от типа языковой конструкции, но также от места ее расположения. Так, полупредикативность, приписываемая деепричастиям/причастиям в составе обособленного оборота, считается более сильной, чем полупредикативность оборота с существительным, расположенного после синтаксически подчиняющего этот оборот местоимения, например: «*Всё-таки он чудака, наш Ваня (Пауст.)*» [Русская грамматика, 1980, с. 185].

Для сравнения: в логике возможно ранжирование высказываний по степени их истинности (достоверности). В отличие от классической логики высказываний и классической логики предикатов, использующих два значения истинности (истина и ложь), в неклассических логиках значений истинности может быть больше. В частности, в вероятностных логиках используются оценки степени достоверности правильных выражений логического языка. Однако этот тип ранжированности отличается от указанных выше лингвистических ее вариантов.

3.6. Классификации предикатов

В лингвистике и в логике предикаты классифицируют по их семантике, количеству и типам аргументов, однако на первый план выступают разные аспекты этих трех типов классификаций.

В зависимости от количества аргументов выделяют одноместные, двухместные (бинарные), трехместные и т. д. предикаты. Данный принцип классификации похож в лингвистике и логике. Возможен и нульместный предикат (не имеющий аргументов), в логике он понимается как пропозициональная переменная. В лингвистике нульместные предикаты называют

безвалентными, безактантными, авалентными [Теньер, 1988], например: *светает, холодает, смеркается*. Различие состоит в том, что в лингвистике валентность предиката определяется только по числу его обязательных аргументов (то есть учитывает семантику аргументов); в логике все аргументы являются обязательными.

В логике принято различать предикаты в зависимости от типа их аргументов. В языке *предикатов первого порядка* аргумент предиката не может быть предикатом. В языке *предикатов второго порядка* у предиката среди аргументов могут быть предикаты не выше первого порядка и т. д. Предикаты первого порядка также называют *предикатами низшего порядка*, а предикаты 2-го или большего порядка – *предикатами высших порядков*.

В лингвистике можно встретить использования тех же терминологических сочетаний, но в другом смысле: в своей концепции «грамматики слоев» Ю. С. Степанов [Степанов, 1981] «порядком» или «уровнем» предиката называет степень абстрактности его семантики, определяемую по степени производности слова, то есть по количеству словообразовательных трансформаций. Так, *бел, белеть, (по)беление* – предикаты 1, 2 и 3-го порядков соответственно: чем выше порядок, тем выше степень абстрактности предиката.

Для логического языка важная характеристика предиката – его истинностное значение при заданной интерпретации. Соответствующая классификация подразделяет предикаты на выполнимые (истинные хотя бы при одной подстановке допустимых значений аргументов), тождественно истинные (истинные при любой такой подстановке), опровержимые (ложные хотя бы при одной такой подстановке), тождественно ложные (ложные при любой такой подстановке). В традиционной лингвистике данная классификация не используется.

Семантические классификации предикатов в лингвистике многообразны. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» отражено разделение предикатов на таксономические, реляционные и характеризующие [ЛЭС, 1990, с. 392], трактуемые соответственно как общее наименование класса предметов, отношения, признака (в частности, оценки, локализации в пространстве или времени). Рассматриваемые при таких классификациях языковые единицы не обязательно являются глаголами, вместе с тем зачастую классификации предикатов фокусируются именно на глаголах, а разделение на классы отражает ту или иную типологию обозначаемых глаголами действий или состояний. В логике также существует интерес к формализации семантических понятий и описанию закономерностей их использования на уровне синтаксиса логического языка, с этой целью анализируются, например, представления о времени, пространстве, восприятии, действиях и создаются соответствующие классы неклассических логик: временные логики, пространственные логики, логики восприятий, логики действий. Интересы лингвистов и логиков в таких исследованиях могут оказаться довольно близкими, но используемые методы и результаты, конечно, различны.

4. Дифференциальные и интегральные признаки

Результат сопоставительного анализа значений термина *предикат* в лингвистике и логике можно кратко резюмировать в виде следующей таблицы.

Дифференциальные и интегральный признаки

Differential and Integral Features

Наименование признака	Лингвистика	Логика
1	2	3
<i>Дифференциальные признаки</i>		
Возможность несовпадения множества единиц языка, называемых предикатами, и множества единиц, выполняющих функцию предиката в текстах этого языка	+	–

Окончание табл.

1	2	3
Возможность совмещения в одном знаке функции предиката и функции модального оператора	+	–
Наличие у предиката синтаксически обусловленных вариантов употребления. Различия в их способности выполнять функцию предиката	+	–
Различия в силе связи аргументов предиката с этим предикатом. Необязательность присутствия всех аргументов предиката в правильном тексте рассматриваемого языка	+	–
Обязательность соотнесения предиката со временем	+	–
Возможность несовпадения количества синтаксических аргументов предиката с количеством аргументов того же предиката на уровне семантики рассматриваемого языка	+	–
Ранжирования предикатов по силе выполняемой ими функции предиката	+	–
Ранжирования предикатов по их значениям истинности (достоверности) при семантической интерпретации	–	+
Наличие четких правил использования и классификации предикатных символов, входящих в состав языка	–	+
Различение предикатов низшего и высших порядков только на основе синтаксиса языка	–	+
Использование чисто синтаксических классификаций	–	+
<i>Интегральный признак</i>		
Предикат – языковое средство указания на свойство одного объекта (одноместный предикат) или отношение между конечным числом n объектов (n -местный предикат); классифицируемость предикатов по числу их аргументов; наличие закономерностей в использовании предикатов с определённой семантикой	+	+

5. Традиция употребления термина *логика* в лингвистике

Для лингвистики характерно использование термина *логика* в суженном значении как обозначающего только традиционную логику, такое понимание можно встретить даже в лингвистических работах обзорного характера (например, [Пашенко, 2006]). Это объяснимо (основная часть логической терминологии была привнесена в лингвистику из традиционной логики) и до относительно недавнего времени могло восприниматься как некая естественная внутри лингвистическая «исследовательская пресуппозиция». Подобные договоренности есть в каждой научной области, они считаются «понятными без слов» и явным образом не оговариваются. Однако ситуация изменилась с ростом числа лингвистических работ, использующих средства математики. Трактовка термина *логика* в суженном значении без явного на то указания может приводить к недоразумениям. Приведем примеры.

На лингвистическое представление о предикатах оказали влияние довольно сложные и имеющие длительную историю философские дискуссии о предикатах существования [Драгалина-Черная, 2009]. Не вникая в философскую суть проблемы, отметим, что дискутируемое ограничение, происходящее из традиционной логики и связываемое с идеями И. Канта, а позднее Б. Рассела, в лингвистике обычно воспроизводится без указания на тип логики.

«Предикат – не всякая информация о субъекте, а указание на признак предмета, его состояние и отношение к другим предметам. Значение существования не считается предикатом, а предложения типа *Пегас (не) существует*, согласно этой точке зрения, не выражает суждения. Не составляет предиката указание на имя предмета (*Этот мальчик – Коля*) и на его тождество самому себе (*Декарт и есть Картезиус*)» (Н. Д. Арутюнова) [ЛЭС, 1990, с. 392].

Можно догадаться, что здесь использована суженная трактовка логики (пара «субъект – предикат» восходит к традиционной логике); кроме того, оговорено, что сказанное верно «согласно этой точке зрения» (какой именно – не говорится). Источник данного взгляда автор уточняет в [Арутюнова, 1976, с. 206] ссылкой на Б. Рассела (рассматривавшего существование в свете своих субъективных онтологических воззрений, проявившихся в его дискуссии с А. Мейнонгом); точка зрения Б. Рассела далее используется для противопоставления логики и лингвистики в связи с обсуждением лингвистического анализа бытийных предложений.

Поскольку в приведенной цитате из ЛЭС сужение понятия *логика* эксплицитно не обозначено, сказанное можно трактовать как ограничение логики в целом. Аналогичное ограничение – также со ссылкой на традицию («принято считать») – можно встретить в [Кронгауз, 2001, с. 237–238]. В силу указанной выше «исследовательской пресуппозиции» та же мысль воспроизводится в других лингвистических публикациях.

Однако в современной логике нет формальных запретов на интерпретацию символов предикатов как предикатов существования. Это ясно показано в [Самохвалов, 1998]. Основой логической формализации является выделение разных способов существования. Так, квантор в выражении $\exists xP(x)$ означает существование как объекта внимания, а именно: в области определения переменной x (то есть в области нашего внимания) имеется элемент, обладающий свойством P . Если нужно сказать о другом типе существования, то в алфавит символов (в сигнатуру) логического языка надо ввести знаки для предикатов существования, трактуемых при интерпретации языка соответствующим образом, например: $RE(x)$ – ‘ x существует реально’, $IE(x)$ – ‘ x существует идеально (как, например, число)’, $ImE(x)$ – ‘ x существует в воображении’. Тогда логическую форму предложения *Задуманная автором книга не существует реально* можно представить на языке предикатов с символом равенства так:

$$\exists x[x = q \ \& \ \neg RE(x)]$$

где q – константный символ, интерпретируемый как ‘задуманная автором книга’.

При такой интерпретации данная формула означает, что среди объектов внимания есть задуманная книга, но реально она не существует. Выразить разные виды существования только с помощью квантора не получится, поскольку как бы объект ни существовал (или не существовал), он всегда является объектом внимания, если о нем что-то высказывается.

Можно показать, что два других ограничения из приведенных выше цитат – именование и тождество себе – также выразимы в языке логики предикатов. Конкретный способ зависит от используемого логического языка и для приведенных в ЛЭС примеров может быть, например, таким: $\exists x[x = m \ \& \ N(x)]$ и $\exists x[D(x) \ \& \ K(x)]$ соответственно, где m – константный символ, интерпретируемый как ‘этот мальчик’; N , D и K – предикатные символы, интерпретируемые соответственно ‘ x зовут Коля’, ‘ x – Декарт’ и ‘ x – Картезиус’.

Некорректность может возникать из-за смешения разных научных метаязыков как, например, в неавторизованном тексте из ресурса для студентов³: *В исчислении предикатов глагол рассматривается как предикат в целом или как часть предиката*. В современной логической терминологии в исчислении предикатов нет единиц, именуемых «глагол» (см., например, [МЭС, 1988, с. 485–486]). При попытке понять данный текст возникли две версии.

Возможно, автор имел в виду, что при описании семантики предложения естественного языка (например, русского) посредством языка логики предикатов мы строим и интерпретиру-

³ <https://studfile.net/>.

ем этот логический язык, ставя в соответствие его предикатным символам глаголы естественного языка или словосочетания с глаголом. В таком виде текст понятен, и выраженное в нем утверждение можно обсуждать, развивать, оспаривать.

Другое объяснение оставляет сказанное неясным. Возможно, автор использовал нестандартный для современной логической литературы вариант терминологии. Ю. С. Степанов [Степанов, 1981, с. 135–138] при обсуждении вопросов, связанных с формализацией естественного языка средствами математической логики, использует термин *глагол* как синоним термина *предикат*⁴ в его логическом значении, а сочетание *глагольная функция* – как синонимичное сочетанию *предикатная функция*. В свою очередь, Ю. С. Степанов в таком словоупотреблении следует Х. Б. Карри [Карри, 1969, с. 63]. Возможно, такое специфическое использование термина *глагол* в логическом смысле (как отмечает сам автор, отличающемся от лингвистического [Степанов, 1981, с. 184]) в сочетании с типичностью глагола как предиката (в лингвистическом смысле) может привести к смешению этих понятий, что и проявилось в приведённой выше фразе из ресурса для студентов.

Промежуточный итог

Представленный сопоставительный анализ значений термина *предикат* демонстрирует способ практической реализации замысла междисциплинарного словаря. В настоящее время начат сопоставительный анализ 17 терминов лингвистики и логики, из них детализированное описание (по той же схеме, которая использовалась для описания *предиката*) составлено для семи терминов. Проведенный анализ и выявленную в результате картину различий пока не следует рассматривать как готовую статью словаря. Уже на текущем этапе можно заметить ряд сложностей, которые не были решены. Прежде всего, термин не существует изолированно, а является элементом определенной системы; в случае междисциплинарного исследования он входит в две разные терминологические системы. Поэтому невозможно проанализировать один термин, не затронув другие термины, также по-разному понимаемые в лингвистике и логике. Например, термин предикат связан с терминами *высказывание*, *пропозиция*, *модальность*, *экстенционал*, *интенционал*. В ближайшей перспективе предстоит продумать вопросы о том, как распределять информацию о связанных терминах между соответствующими статьями словаря и как в целом организовать его структурно.

Список литературы

- Алпатов В. М. История лингвистических учений. Учебное пособие. М.: «Языки русской культуры», 1999. 368 с.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966. С. 608.
- Драгалина-Черная Е. Г. Тяжба о «ста талерах»: *via eminentiae* // Кантовский сборник: Научный журнал. 2009. № 2(30). Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. С. 89–100.
- Карри Х. Основания математической логики. М.: Мир, 1969. 567 с.
- Кронгауз М. А. Семантика: Учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 399 с.
- Легучий А. Б. Предикативы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2017. С. 136–192.

⁴ Ю. С. Степанов разделяет понятия *предикатор* и *предикат*. Первое он определяет как «часть предложения», а второе – как «его коррелят в плане содержания» [Степанов, 1981. С. 135–138]. Термин *глагол* он использует как синоним термина *предикатор*. В логике термин *предикатор* также изредка используется (например, в [Бочаров, Маркин, 2001. С. 81–82]) для обозначения соответствующего типа символов алфавита логического языка. Однако обычно в логической литературе (и часто в лингвистической) используется только термин *предикат*. Данная статья следует этой традиции и термин *предикатор* в ней не используется.

- Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.
- Математический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1988. 847 с.
- Мельчук И. А.** Опыт теории лингвистических моделей «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст». Семантика, синтаксис. М.: Наука, 1974. 316 с.
- Пашенко Ю. А.** Предикативность и предикат в лингвистике и логике // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2006. № 2. С. 70–72.
- Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Том II. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 714 с.
- Самохвалов К. Ф.** Предикаты существования и «онтологический аргумент» // Логические исследования. 1998. Т. 6. С. 276–286.
- Степанов Ю. С.** Имена. Предикаты. Предложения. (Семиологическая грамматика). М.: Наука, 1981. 360 с.
- Теньер Л.** Основы структурного синтаксиса: Прогресс, 1988. 656 с.
- Тимофеева М. К.** Междисциплинарное исследование как межкультурная коммуникация: опыт разработки междисциплинарного сопоставительного словаря терминов (КемГУ, 2023, в печати).

References

- Alpatov, V. M.** Istoriya lingvisticheskix uchenij. *Uchebnoe posobie* [History of Linguistic Studies. Textbook] M.: «Yazyki russkoj kul'tury», 1999. 368 p. (in Russ.)
- Arutyunova, N. D.** Predlozhenie i ego smysl. *Logiko-semanticheskie problemy* [The sentence and its meaning. Logical and semantic problems] M.: Nauka, 1976. 383 p. (in Russ.)
- Ahmanova, O. S.** Slovar' lingvisticheskix terminov [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 1966. 608 p. (in Russ.)
- Dragalina-Chernaya, E. G.** (2009) Tyazhba o «sta talerax»: via eminentiae [The "hundred thalers" dispute] // *Kantovskij sbornik: Nauchnyj zhurnal*, 2009, vol. 2(30), pp. 89–100. (in Russ.)
- Curry, H.** Osnovaniya matematicheskoy logiki. [Foundations of Mathematical Logic] M.: Mir, 1969. 567 p. (in Russ.)
- Krongauz, M. A.** Semantika: Uchebnik dlya vuzov. [Semantics: Textbook for universities] M.: Ros. gos. gumanit. univ., 2001. 399 p. (in Russ.)
- Letuchij, A. B.** Predikativy. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki (<http://rusgram.ru>). [Predicatives. Materials for the corpus description of Russian grammar]. M., 2017. Pp. 136–192. (in Russ.)
- Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 1990. (in Russ.)
- Matematicheskij enciklopedicheskij slovar' [The Encyclopedic Dictionary of Mathematics]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 1988. (in Russ.)
- Mel'chuk, I. A.** Opyt teorii lingvisticheskix modelej «Smysl $\Leftrightarrow$ Tekst». Semantika, sintaksis. M.: Nauka, 1974. 316 p. (in Russ.)
- Pashhenko, Yu. A.** Predikativnost' i predikat v lingvistike i logike [Predicativity and the predicate in linguistics and logic]. *Vestnik Taganrofskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, 2006, no. 2, pp. 70–72. (in Russ.)
- Russkaya grammatika [Russian grammar]; Ch. ed. N. Yu. Shvedova. Volume II. Sintaksis. M.: Nauka, 1980. 714 p. (in Russ.)
- Samoxvalov, K. F.** Predikaty sushchestvovaniya i "ontologicheskij argument" [Predicates of existence and the 'ontological argument']. *Logicheskie issledovaniya*, 1998, vol. 6, pp. 276–286. (in Russ.)
- Stepanov, Yu. S.** Imena. Predikaty. Predlozheniya. (Semilogicheskaya grammatika). [Names. Predicates. Propositions. (Semiological Grammar)] M.: Nauka, 1981. 360 p. (in Russ.)
- Tesnière, L.** Osnovy strukturnogo sintaksisa [The basics of structural syntax] Progress, 1988. 656 p. (in Russ.)

Timofeeva, M. K. Mezhdisciplinarnoe issledovanie kak mezhtkul'turnaya kommunikaciya: opy't razrabotki mezhdisciplinarnogo sopostavitel'nogo slovary terminov [Interdisciplinary research as intercultural communication: the experience of elaborating interdisciplinary contrastive-comparative terminological dictionary] (in print), 2023. (in Russ.)

Информация об авторе

Тимофеева Мария Кирилловна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института математики им. С. Л. Соболева СО РАН

Information about the Author

Mariya K. Timofeeva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, leading researcher at the Sobolev Institute of Mathematics of the Siberian Branch of RAS

*Статья поступила в редакцию 06.11.2022;
одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 31.01.2023*

*The article was submitted 16.11.2022;
approved after reviewing 10.01.2023; accepted for publication 31.01.2023*

Научная статья

УДК 81.23

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-30-53

Жесты комфорта как невербальные маркеры стресса при обсуждении остросоциального вопроса

Горностаева Юлия Андреевна¹
Колмогорова Полина Алексеевна²

¹Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Россия

¹yulyatald@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6233-4995>
²kolmogorovapa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1708-5437>

Аннотация

Статья посвящена проблеме выявления невербальных маркеров стресса в устном дискурсе на остросоциальную тему. Актуальность проблематики обусловлена: 1) растущим интересом лингвистов к исследованию языковых проявлений эмоций и выделению маркеров различных психоэмоциональных состояний с последующей возможностью разработки алгоритмов их автоматического обнаружения; 2) остротой проблемы стресса в жизни современного общества. Новизна исследования предопределена тем, что в его фокусе находится специфический тип коммуникативного поведения (обсуждение остросоциального вопроса), изучаемый с методологических позиций мультимодальной лингвистики, постулирующей неразрывную связь между пониманием и генерированием сообщений на естественном языке и действиями тела. Цель – выявить и описать невербальные маркеры стресса, названные нами жестами комфорта, которые позволяют идентифицировать данное психоэмоциональное состояние в ходе спонтанной устной коммуникации. Материалом исследования послужили 4 часа видеозаписей структурированного интервью с 11 французскими и 11 русскими респондентами (средний возраст – 21 год) на тему радикального бодипозитива. Ведущим методом исследования стал мультимодальный анализ, реализуемый при помощи многослойной разметки в программе ELAN. В ходе разметки применялись следующие типы слов: жесты, движения глаз, мимика, вербальная составляющая, интонация. Статистический анализ частотности и распределения аннотаций позволил выявить следующие жесты комфорта: 1) поглаживание разных частей тела, 2) почесывания разных частей тела, 3) взаимодействие с другими предметами, 4) мимические маркеры. Жесты комфорта рассматриваются нами как разновидность телесно-ориентированных повторяющихся расстройств поведения, что позволяет отграничить их от жестов – заполнителей пауз хезитации. Таким образом, были определены их следующие конститутивные признаки: 1) многократность повторения действия; 2) сфокусированность на теле; 3) обусловленность чувством напряжения или тревоги, а не озабоченностью внешним видом; 4) последующее чувство облегчения и эмоциональной разрядки. Перспективу дальнейшего исследования составит расширение экспериментального материала за счет интервью с представителями иных лингвокультур, что позволит интерпретировать результаты в кросс-культурной перспективе.

Ключевые слова

невербальные маркеры стресса, жесты комфорта, остросоциальный вопрос, устный дискурс, бодипозитив, воплощенная когнитивная лингвистика, ELAN

Для цитирования

Горностаева Ю. А., Колмогорова П. А. Жесты комфорта как невербальные маркеры стресса при обсуждении остросоциального вопроса // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1. С. 30–53. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-30-53

© Горностаева Ю. А., Колмогорова П. А., 2023

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1

Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2023, vol. 21, no. 1

Consolation Gestures as Non-Verbal Markers of Stress when Discussing an Acute Social Issue

Yulia A. Gornostaeva¹, Polina A. Kolmogorova²

¹Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

²HSE University
St. Petersburg, Russian Federation

¹yulyatald@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6233-4995>
²kolmogorovapa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1708-5437>

Abstract

The article is devoted to the issue of identifying non-verbal stress markers in oral discourse on an acute social topic. The relevance of the research is due to: 1) the growing interest of linguists in the study of linguistic manifestations of emotions and the identification of markers of various psycho-emotional states with the subsequent possibility of developing algorithms for their automatic detection; 2) the severity of the problem of stress in modern society. The novelty of the study is predetermined by the fact that it is focused on a specific type of communicative behavior (discussion of an acute social issue) studied from the perspective of multimodal linguistics postulating an inextricable link between understanding and generating messages in natural language and body actions. The goal of the paper is to identify and describe non-verbal stress markers that we call consolation gestures, allowing us to identify this psychoemotional state in the course of spontaneous oral communication. The research material is represented by 4 hours of structured interview video recordings with 11 French and 11 Russian respondents (average age – 21) on the topic of radical body positivity. The leading research method is multimodal analysis, implemented using multi-layer markup in the ELAN program. In the process of marking, the following types of layers were used: gestures, eye movements, facial expressions, verbal component, intonation. The statistical analysis of frequency and distribution of annotations have revealed the following consolation gestures: 1) stroking different parts of the body; 2) scratching different parts of the body, 3) interacting with other objects, 4) facial markers. Consolation gestures are regarded by us as a kind of body-oriented repetitive behavior disorders, which allows us to differentiate them from gestures that are hesitation/silence fillers. Thus, the following constitutive features are determined: 1) repetition of the action, 2) focus on the body, 3) features conditioned by a sense of tension or anxiety rather than by preoccupation with appearance, 4) a subsequent sense of relief and emotional discharge. The prospect of further research is seen in the expansion of experimental material through interviews with representatives of other linguocultures, followed by interpreting the results in the cross-cultural perspective.

Keywords

non-verbal markers of stress, consolation gestures, acute social issue, oral discourse, body positivity, embodied cognitive linguistics, ELAN

For citation

Gornostaeva Yu. A., Kolmogorova P. A. Consolation Gestures as Non-Verbal Markers of Stress when Discussing an Acute Social Issue. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 30–53. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-30-53

Введение

Познание и язык как его неотъемлемая часть проходят через тело, которое выступает в качестве посредника между мозгом и миром [Damasio, 1994; 1996]. Ученые, работающие в русле воплощенной когнитивной науки (embodied cognitive science), ставят во главу угла физическое тело, говоря о том, что телесность играет важную роль в познавательных процессах, обуславливает многие аспекты языкового познания. Воплощенная когнитивная наука, и в частности воплощенная когнитивная лингвистика, опирается на факт обнаружения зеркальных нейронов, доказанную включенность телесных движений в процесс обработки визуального восприятия, а также на утверждение, что нередко когнитивные задачи решаются эффективней, когда в процесс включено тело человека (например, развитие мнемотехники запоминания, а также упрощение обработки лингвистической информации посредством жестикуляции) [Wilson, Foglia, 2017]. О роли теории воплощенного познания в исследованиях и моделировании эмо-

ций заговорили относительно недавно. Так, ученые заявляют о прямой связи между телесными манифестациями эмоций (посредством мимики, позирования, жестов и т. п.) и восприятием и интерпретацией эмоциональной информации [Шиллер, 2019].

Отметим, что традиционно лингвистика тяготела к изучению вербальных манифестаций эмоций и психоэмоциональных состояний, а невербальной составляющей незаслуженно уделялось недостаточно внимания. Между тем психоэмоциональные состояния, в которых находится человек во время речевого общения, могут быть выражены различными языковыми средствами, ведущую роль среди которых играет лексический уровень языка [Бабенко, 1989; Колмогорова, Горностаева, 2021; Шаховский, 2009].

Однако с появлением мультимодального анализа и компьютерных программ для аннотирования видеозаписей, регистрирующих поведение человека, стало возможным анализировать вербальную и невербальную составляющую высказывания – жесты, позы, мимику, адапторы тела – в их единстве в рамках так называемого многоканального дискурса [Litvinenko et al., 2018; Nikolaeva, 2017]. Это позволило идентифицировать и описывать когнитивные и психоэмоциональные процессы в речи.

В фокусе внимания настоящей публикации находится невербальная телесная природа языка, которая рассматривается нами как идентификатор психоэмоциональных состояний человека в устном дискурсе. Проблема эмоциональной составляющей языка и речи решается в рамках дискурса новой чувствительности и лингвоэмотиологии, основоположником которой был В. И. Шаховский. Исследователь отмечает, что комплексное и глубокое изучение объекта лингвистического исследования возможно только с учетом особенностей эмоционального состояния [Шаховский, 2009].

В мировом психологическом сообществе все чаще говорят о важности наблюдений за бессознательными (языковыми) проявлениями стресса для оценки психоэмоционального состояния пациента и анализа эффективности лечения стресса. Стандартные немедицинские процедуры обнаружения стресса – дневники самонаблюдения, самоотчеты и т. п. – не всегда эффективны, поскольку отражают только сознательные изменения психоэмоционального состояния пациента, а стресс – это зачастую бессознательные изменения, о наличии которых можно говорить только со стороны, исходя из присутствия определенных поведенческих и языковых маркеров [Mehl et al., 2017].

Таким образом, цель статьи – выявить и описать невербальные маркеры стресса в устном дискурсе на остросоциальную тематику, а также определить конститутивные признаки, позволяющие выделить отдельную группу жестов-идентификаторов стресса – жестов комфорта.

Актуальность данной темы обусловлена как растущим интересом лингвистического сообщества к исследованию языковых проявлений эмоций и выделению маркеров различных психоэмоциональных состояний с последующей возможностью разработки алгоритмов их автоматического обнаружения, так и остротой самой проблемы стресса в жизни современного общества, диагностировать который, как мы считаем, можно с помощью фиксации не только его физиологических проявлений, но и поведенческих, в том числе невербальных маркеров.

Невербальная природа языка как объект мультимодального анализа

Мультимодальный анализ предполагает изучение всех модальностей текста. Термин «модальность» встречается в психологии, нейрофизиологии и информатике: модальность – это тип внешнего стимула, воспринимаемого одним из чувств человека, в том числе зрением и слухом. Согласно этой концепции, для успешной языковой коммуникации важны и просодия, и жесты, и мимика, и направление взгляда. Так, А. А. Кибрик выделяет два вокальных (слуховых) канала – вербальный и просодический, а также группу кинетических (зрительных) каналов [2010, с. 134].

Невербальная природа языка как объект мультимодального анализа относительно недавно обратила на себя внимание отечественных лингвистов. О жестикуляции в русском мультимедийном дискурсе пишут исследователи проекта «Язык как он есть» [Федорова, 2018; Nikolaeva, 2017], основной задачей которого является разработка мультимедийных корпусов [Кибрик и др., 2018]. Объектом исследования отечественных лингвистов также становится специфика речежестового взаимодействия [Баранов, 2020; Кудинова, 2020] и прагматические характеристики жестов [Гришина, 2014]. Невербальная семиотика рассматривает последние в контексте такого понятия, как «адаптор тела», т. е. часть тела, задействованная в выполнении жеста [Иоанесян, Дронов, 2020; Крейдлин, 2002].

Ученые, работающие в русле компьютерной лингвистики, разрабатывают алгоритмы и программное обеспечение, упрощающее выбор значения многозначного слова в системе компьютерного сурдоперевода [Гриф и др., 2018]. В рамках данного междисциплинарного направления интерес лингвистов вызывает также аннотирование мультимедийных текстов [Сухова, 2017; Litvinenko et al, 2018].

Еще в середине XX века зарубежные лингвисты предпринимали попытки описать специфику невербального поведения человека [Efron, 1972; Ekman, Friesen, 1969; Kendon, 1982; McNeill, 1992]. Так, Д. Эфрон одним из первых предложил типологию жестов, которая впоследствии была доработана и изложена в трудах П. Экмана и У. Фризена [Ekman, Friesen, 1969]. Тогда были выделены четыре категории жестов: 1) эмблемы; 2) регуляторы; 3) иллюстраторы; 4) адапторы [Efron, 1972; Ekman, Friesen, 1969]. Затем жесты стали рассматриваться в динамике как процесс жестикуляции, что получило значительное развитие в работах Д. Макнила, который позиционировал жесты как мысль говорящего в действии и называл их неотъемлемыми компонентами речи, предлагая уйти от традиционного восприятия жестов в качестве простых аккомпанементов речи. Он различал иконические (имеющие прямую связь с референтом) и метафорические (описывающие абстрактные понятия) жесты [McNeill, 1992]. Позицию Д. Макнила разделял и другой выдающийся лингвист – А. Кендон, который писал о том, что жесты и речь существуют в неразрывном единстве, а жесты способствуют достижению желаемого коммуникативного намерения говорящего и придают речи экспрессивность [Kendon, 2004].

Позднее зарубежные ученые рассматривали биологическую природу языка через призму жестовых языков [Ruben, 2005]. Однако в настоящее время вопрос мультимедийного аннотирования привлекает их особое внимание (как и отечественных языковедов): они занимаются разработкой специализированного программного обеспечения, позволяющего решать данную задачу [Blache et al., 2010; Brugman, Russel, 2004].

Мы полагаем, что жесты могут выступать в качестве невербальных маркеров стресса. Иными словами, они могут служить своего рода маяками, которые помогают идентифицировать данное психоэмоциональное состояние у человека в речи.

Одними из первых о чрезвычайной важности языковых проявлений стресса заговорили зарубежные ученые [Mehl et al., 2017; Saslow et al., 2014]. Так, в журнале *Proceedings of the National Academy of Sciences* была опубликована статья, согласно которой языковые изменения позволяют специалистам лучше отслеживать биологические последствия стресса, поскольку такие изменения происходят естественно и бессознательно, а значит, наиболее достоверно отражают клиническую картину. Исследователи провели эксперимент в США с добровольцами, которые должны были носить аудиомонофоны, включающиеся каждые несколько минут, в течение двух дней. Далее проводился анализ записей, в результате которого была выявлена специфика использования различных лексических единиц при возникновении стрессовой ситуации. На заключительном этапе проводился анализ экспрессии генов в лейкоцитах, который, по сути, является медицинским идентификатором стресса. Ученые установили взаимосвязь между данными показателями и использованием служебных частей речи респондентами. Таким образом, именно языковые маркеры стресса предсказывали экспрессию генов значительно лучше и точнее, чем самоотчеты о стрессе, депрессии и тревоге [Mehl et al., 2017]. Еще в одном

исследовании анализируется взаимосвязь сложности/простоты высказывания и уровня стрессоустойчивости посредством языкового анализа и клинических анализов частоты сердечных сокращений и уровня кортизола [Saslow et al., 2014].

Отметим, что отечественными исследователями уже рассматривались некоторые частные проявления и последствия стресса в ситуации языкового общения. К примеру, стресс изучался с точки зрения его влияния на деятельность переводчика-синхрониста [Балаганов, 2018]. В рамках синергетической концепции исследовалось порождение устного текста в стрессовом состоянии с анализом изменения лексико-статистических параметров в зависимости от уровня беспокойства [Атаманова, 2018]. Писали также о лингвистических коррелятах стресса в социальных сетях и лингвистическом моделировании стресса [Паничева, 2015].

Невербальная специфика поведения при стрессе была частично затронута в ряде работ отечественного лингвиста Г. Е. Крейдлина. Так, при описании невербальной семиотики он указывал на наличие так называемых самоадапторов тела, которые определяются им как особый подкласс адапторов тела, представляющий собой как звуки, которые человек извлекает из разнообразных действий с собственным телом, так и объекты, каковыми являются части тела, участвующие в производстве таких звуков. При этом в рамках нашего исследования наибольшую актуальность приобретают спонтанные самоадапторы или неконтролируемые действия, выдающие испытываемые говорящим чувства. Автор пишет, что к самоадапторам примыкают звуки, производные от разнообразных спонтанных действий с одеждой и другими артефактами [Крейдлин, 2002]. В нашем случае в роли подобных спонтанных самоадапторов выступают жесты комфорта, свидетельствующие о наличии стресса у говорящего.

Д. Эфрон, идеи которого получили развитие в работах П. Экмана и У. Фризена, также писал о жестах-адапторах, которые напрямую не способствуют коммуникации, а выступают в качестве особой психологической характеристики личности. К жестам-адапторам авторы относят, например, поправление волос или перебирание в руках небольших предметов и отмечают их произвольный неконтролируемый характер, в связи с чем жесты-адапторы зачастую даже не фиксируются в сознании говорящего. Адапторы, по мнению исследователей, помогают человеку приспособиться к определенной ситуации и восстановить собственный комфорт [Efron, 1972; Ekman, Friesen, 1969].

В контексте настоящего исследования актуальны также работы французских ученых, в фокусе внимания которых находится жестикуляция представителей французской лингвокультуры. В 1960-х гг. Американская ассоциация преподавателей французского языка опубликовала в своем журнале статью, посвященную анализу типичных жестов франкофонов [Brault, 1963]. Позднее семиотика жестов французского языка была затронута зарубежными исследователями и в других научных работах [Calbris, 1990], представляющих собой структурное описание жестовой семантики и открывших обширные перспективы для дальнейшего изучения невербального поведения франкофонов.

Современные труды затрагивают более частные аспекты невербального поведения французов. Так, в одном из исследований рассматриваются так называемые *intensive gestures* (жесты, которые не приносят дополнительное значение, а лишь усиливают вербальную часть высказывания) во французском языке и их мультимодальные корреляты. Было установлено, что *intensive gestures* в неформальной спонтанной коммуникации на французском языке чаще дополняют такие части речи, как наречия, выражающие степени сравнения, отрицательные частицы, метафорические жесты и коннекторы. *Intensive gestures* включают разнообразные движения бровей (поднятие и нахмуривание), головы (кивок, наклон, поворот и др.) и направление взгляда. При этом, отмечают авторы, анализируемые ими жесты нельзя отнести к категории жестов-адапторов, поскольку они не сигнализируют о наличии стрессового состояния у участников коммуникации [Ferré et al., 2007]. Еще одним исследованием специфики французской жестикуляции стала работа, посвященная жестам, сопровождающим высказывания о движении/дороге, в разных возрастных группах франкофонов [Gullberg et al., 2008].

Ключевым термином для нашей работы стал термин **невербальный маркер**, который понимается как воспринимаемая визуально, но не являющаяся обязательной частью кода естественного языка семиотическая единица, самостоятельно и/или в совокупности с другими единицами с определенной частотностью присутствующая в тексте и указывающая на наличие в нем некоторой эмоции или психологического состояния [Маликова, 2020, с. 101]. Данный термин неразрывно связан с более общим родовым понятием **языкового (вербального) маркера**, который понимается как вычленяемая, подлежащая формализации и дальнейшей параметризации языковая единица, указывающая на присутствие в тексте некоторого более сложного, не поддающегося параметризации явления. При этом для всех типов маркеров характерно появление в тех же контекстах, что и некое искомое явление [Колмогорова, Горностаева, 2021].

В рамках исследования для определения начала и конца рассматриваемых жестовых рисунков мы опирались на работу А. Кендона, в которой была предложена общая схема устройства жеста и его структура. Таким образом, существует три основных этапа:

- подготовительная стадия жеста, когда жестикулирующий орган начинает движение из позиции покоя;
- ударная часть – основная семантическая часть жеста, когда все параметры, характерные для него, достигают максимального уровня выраженности, а жестикулирующий орган – максимальной степени мышечного напряжения; данная фаза является обязательной и может быть осуществлена самостоятельно, без предшествующих и последующих стадий.
- ретракция – стадия возвращения жестикуляционного органа в позицию покоя [Kendon, 1980].

Материал и методология исследования

Ведущим **методом** исследования стал мультимодальный анализ, реализуемый при помощи программного обеспечения ELAN.

Исследование проведено на **материале** аннотированных в ELAN записей интервью общей длительностью 4 часа 5 минут, взятых у 22 носителей французского и русского языков в возрасте от 16 до 28 лет.

Дизайн экспериментальной работы

В ходе эксперимента мы опросили 11 французских информантов – носителей языка (4 юноши и 7 девушек) и 11 русских респондентов – носителей языка (4 юноши и 7 девушек). Средний возраст опрошенных составил 21 год. Бóльшая часть французских респондентов – студенты университета Grenoble Alpes, обучающиеся на факультетах режиссуры, психологии, медицины и т. д. Русские информанты также являлись студентами, обучающимися на направлениях лингвистики, математики, социологии, кибербезопасности и т. д.

Участники эксперимента приглашались по одному в комнату, где им было предложено посмотреть 40-секундную рекламу средства для бритья Red, White, and You Do You компании Billie, в которой представлены девушки разного телосложения и национальности; они не стесняются волос на теле и позируют в купальниках. Слоганом рекламы стала фраза *This summer, red, white and you do you*, которая представляет собой призыв быть собой и не оглядываться на мнение окружающих. Однако в рамках проводимого эксперимента мы не просили респондентов интерпретировать данный слоган, чтобы сохранить чистоту эксперимента и исключить любого рода навязывание определенной точки зрения, поскольку для нас была важна именно эмоциональная оценка видео и самой концепции бодипозитива.

Несмотря на то, что ролик представляет собой рекламу средства для бритья, данное видео отражает взгляды представителей так называемого радикального бодипозитива, в рамках которого не только пропагандируется позитивное восприятие некоторых физических особен-

ностей, комфортное самоощущение и принятие других людей независимо от цвета кожи, расы и т. п., но и навязывается отказ от любого искусственного способа поддержания красоты: эпиляции, маникюра и т. п. По словам самих режиссеров, каждое лето медиаресурсы оказывают давление на женскую индивидуальность, призывая всех стремиться к идеальному «пляжному» телу. Так, реклама навязывает определенные стереотипы, заставляя женщин думать, что единственная возможность выглядеть хорошо в купальнике – это быть худым, подтянутым и с идеально гладкой кожей. В данном видеоролике создатели стремились нормализовать волосы на теле и уйти от традиционного понимания идеала женского тела.

После просмотра ролика респондентам предлагалось развернуто ответить на десять заранее подготовленных вопросов, тем или иным образом касающихся бодипозитива, каждый из которых озвучивался исследователем в устной форме на французском и русском языках соответственно. Все вопросы можно разделить на следующие группы:

- Вопросы, касающиеся просмотренной рекламы
 1. *Que penses-tu de cette publicité?* (Что ты думаешь об этой рекламе?)
- Вопросы, касающиеся явления бодипозитива
 2. *Tu connais le bodypositif? As-tu entendu en parler sur les réseaux sociaux et les médias, as-tu lu quelque chose sur ce sujet?* (Ты знаешь о бодипозитиве? Ты слышал об этом в социальных сетях и СМИ, читал ли что-нибудь на эту тему?)
 3. *Qu'est-ce que tu penses du bodypositif? Est-ce que tu le soutiens?* (Что ты думаешь о бодипозитиве? Ты поддерживаешь это движение?)
 4. *Quelles sont à ton avis les principales valeurs du bodypositif et avec lesquelles tu es d'accord?* (Каковы, по-твоему, основные ценности бодипозитива и с какими из них ты согласен?)
- Вопросы, касающиеся понятия красоты в общественном сознании
 5. *Qu'en penses-tu: qu'est-ce que la beauté dans la conscience publique maintenant?* (Как ты думаешь: что такое красота в общественном сознании сейчас?)
 6. *Penses-tu que l'on doit être conforme aux standards de beauté généralement acceptés dans la société?* (Считаешь ли ты, что все должны соответствовать общепринятым в обществе стандартам красоты?)
 7. *Penses-tu qu'il y a des privilèges pour les beaux? Est-ce que c'est plus facile pour eux d'obtenir un travail et d'être chanceux dans la vie privée?* (Думаешь, есть привилегии для «красивых» людей? Легче ли им получить работу и быть успешными в личной жизни?)
- Вопросы, касающиеся «отклонения» от привычного понимания красоты
 8. *As-tu déjà connu une personne harcelée (stigmatisée) à cause de son apparence?* (Знаешь ли ты кого-то, кого травили из-за внешности?)
 9. *Qu'en penses-tu: est-ce qu'il y a une attitude négative dans la société à l'égard des personnes dont l'apparence diffère des normes généralement acceptées?* (Существует ли негативное отношение в обществе к людям, внешний вид которых отличается от общепринятых норм?).
 10. *Que penses-tu des mannequins avec une apparence atypique (par exemple, plus-size, vitiligo, etc.)?* (Что ты думаешь о моделях с нетипичной внешностью (например, плюс-размер, витилиго и т. д.)?)

Запись видео осуществлялась с помощью встроенной видеокамеры и микрофона, после получения материала производилась разметка каждого видео с помощью компьютерного обеспечения ELAN, которое было разработано Институтом психолингвистики Макса Планка и представляет собой профессиональный инструмент для ручного и полуавтоматического многослойного аннотирования и транскрибирования аудио- или видеозаписей.

В ходе исследования мы разметили видео, обращая внимание на пять основных вербальных и невербальных категорий: жесты, мимика, движение глаз, вербальная составляющая и интонация. В центре внимания настоящей статьи находится жестовая составляющая интервью, а именно жесты комфорта.

Результаты и дискуссия

Разговор на противоречивую остросоциальную тематику, а также участие в эксперименте с записью видео стало стрессовой ситуацией для респондентов, что было отчетливо заметно по их невербальному поведению. Состояние стресса и беспокойства является неустойчивым психологическим состоянием, из которого человеку подсознательно хочется выйти. Так, информанты предпринимали всяческие попытки восстановить собственный комфорт при помощи цикличного выполнения дополнительных жестов, которые выступали в качестве невербальных маркеров стресса и были названы нами *жестами комфорта*. Жесты комфорта сигнализировали о том, что участники эксперимента испытывают стресс и хотят его выровнять, поэтому мы рассматриваем их в качестве *невербальных маркеров стресса*.

В ходе анализа и разметки видеоматериала мы обнаружили, что французские респонденты во время интервью использовали следующие жесты комфорта, задействующие разнообразные адапторы тела: 1) поглаживание разных частей тела, 2) почесывания разных частей тела, 3) взаимодействие с другими предметами, 4) мимические маркеры – облизывание губ, моргание.

Рисунок 1 иллюстрирует такой жест комфорта, как поглаживание колена, который был использован участницей эксперимента при ответе на вопросы интервьюера. Во время интервью участница эксперимента жестикулировала правой рукой, сопровождая речевой рисунок, в то время как ее левая рука поглаживала колено, обеспечивая дополнительный эмоциональный комфорт. Таким образом, жест комфорта, скорее, выступает фоновым для основного жеста (например, взмаха в сторону), имеющего подготовительную, ударную стадию и стадию ретракции. Респондентка сначала поднимает правую руку (подготовительная стадия), затем делает взмах вправо (ударная стадия) и кладет руку на ноги (ретракция). При этом жест поглаживания сопровождает все три стадии жестового рисунка.

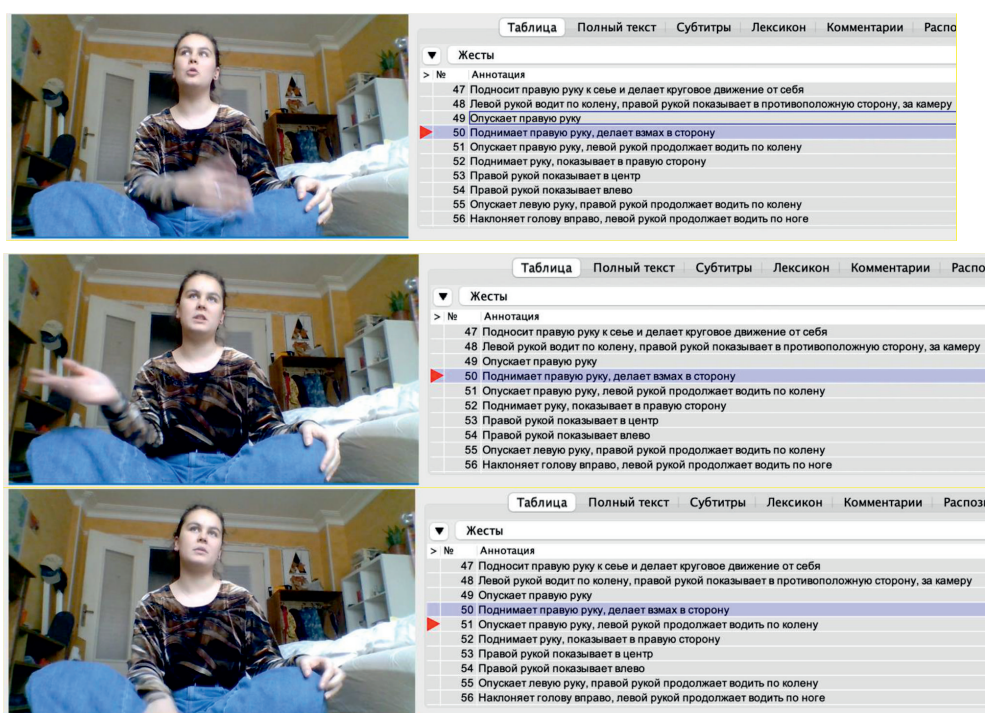


Рис. 1. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие жест комфорта «поглаживание» и подготовительную стадию жеста «взмах рукой»

Fig. 1. Annotation element and screenshot illustrating the consolation gesture of stroking and a preparatory stage of the “sweeping gesture”

Во время прослушивания вопросов интервьюера и размышления над ответами жестами комфорта участницы эксперимента часто становились почесывания (рис. 2). Так, отвечая на вопрос «As-tu entendu en parler sur les réseaux sociaux et les médias, as-tu lu quelque chose sur ce sujet?» («Ты слышал об этом в социальных сетях и СМИ, читал что-нибудь на эту тему?»), респондентка говорит: «Maintenant c'est un peu tout les temps sur mon Instagram¹, je suivi les personnes, des bonnes personnes, je dirais» («Теперь это почти постоянно в моем Instagram, я подписана на некоторых людей, я бы сказала, некоторых хороших людей»), делая круговые движения кистью правой руки (подготовительная стадия). Затем она делает паузу в речи, почесывает нос (ударная стадия), опускает руку (ретракция) и произносит: «Oui, je sais beaucoup des gens sur Instagram, les filles surtout» («Да, я знаю многих людей в Instagram, особенно девушек»). Таким образом говорящая как бы «заполняет» возникшую паузу, необходимую ей для обдумывания продолжения своего ответа, при помощи жеста комфорта. Показательно, что пауза наступает как в речи говорящей, так и в ее жестах.

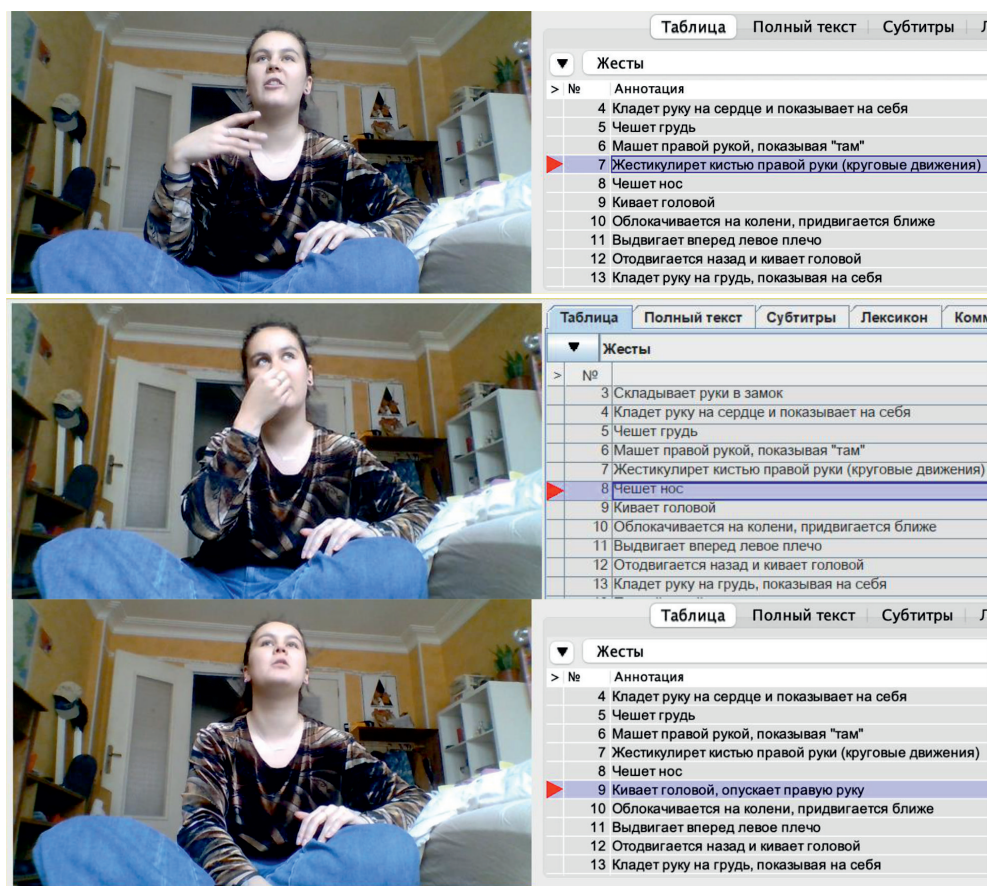


Рис. 2. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие жест комфорта «почесывания» и его стадии
Fig. 2. Annotation element and screenshot illustrating the consolation gesture of scratching and its stages

Девять из 11 французских респондентов использовали мимику для создания комфорта, например облизывали губы или быстро моргали (рис. 3). Для данного респондента облизывание губ стало типичным способом создания комфорта. Он практически не жестикулирует: его руки лежат на коленях, однако он облизывает губы, когда слушает вопросы интервьюера (взгляд при этом сфокусирован на интервьюере) или заполняет паузу (взгляд сфокусирован

¹ Социальная сеть запрещена на территории РФ

на неопределенной точке в пространстве). Во время интервью респондент выполнил данное мимическое движение 12 раз.



Рис. 3. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие жест комфорта «облизывание губ»

Рис. 3. Annotation element and screenshot illustrating the consolation gesture of licking the lips

Для некоторых респондентов жестами комфорта стали взаимодействия с другими предметами. Так, информант на рисунке 4 во время ответа на вопрос начал поправлять постельное белье. Отметим, что его речь остается быстрой и четкой при выполнении данного жеста комфорта. Стадии жеста выделяют определенные ритмические группы во фразе «Oui, oui» ('Да-да'): респондент тянется к одеялу и одергивает себя (подготовительная стадия), затем говорит: «J'ai entendu parler» ('Я слышал об этом'), поправляет постельное белье (ударная стадия жеста) и завершает фразу и жестовый цикл фразой «Sur les réseaux sociaux» ('В социальных сетях') – стадия ретракции.

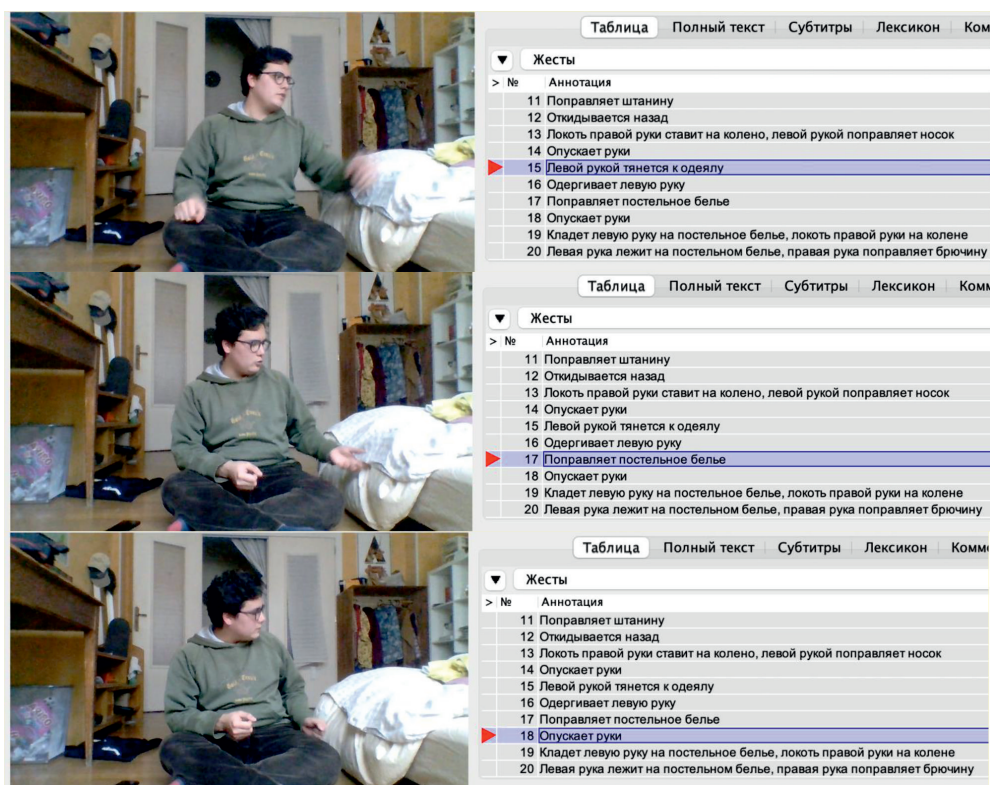


Рис. 4. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие жест комфорта «взаимодействие с другими предметами»

Рис. 4. Annotation element and screenshot illustrating the consolation gesture of interaction with other objects

После завершения одного цикла жеста комфорта респондент тут же перешел к другому, также взаимодействуя с предметом. Однако этот жест длился гораздо дольше – информант на протяжении 20 секунд поправлял штанину (рис. 5). Сначала он положил левую руку на постельное белье, а локоть правой руки лежал на колене (подготовительная стадия жеста), затем кистью правой руки начал поправлять штанину (ударная стадия жеста) и сменил положение, откинувшись назад и сложив руки в замок (стадия ретракции). Речь респондента также оставалась четкой, а жесты не соотносились с ритмическим рисунком.

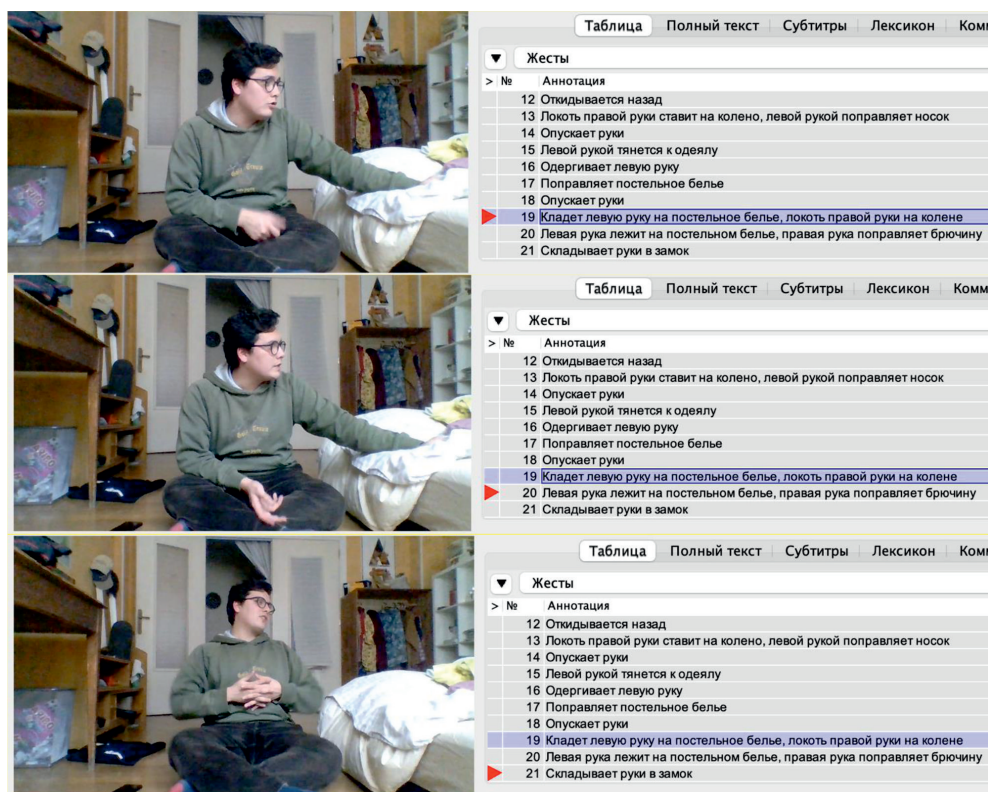


Рис. 5. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие жест комфорта «взаимодействие с другими предметами»

Рис. 5. Annotation element and screenshot illustrating the consolation gesture of interaction with other objects

Для русскоговорящих респондентов характерным и наиболее часто используемым жестом комфорта стало взаимодействие с другими предметами (суммарно около 2 минут 5 секунд). Однако русские участники эксперимента, в отличие от французов, взаимодействовали с предметами, находящимися на собственном теле – аксессуарами и ювелирными украшениями.

Так, при прослушивании вопросов и обдумывании ответов информанты поправляли обручальное кольцо (рис. 6). После того как респондентка заканчивает отвечать на один из вопросов интервью, она кладет ладонь правой руки на ладонь левой руки, затем поправляет обручальное кольцо на протяжении 15 секунд, при этом данный жест комфорта сопровождает как прослушивание вопроса, так и ответ респондентки: «Хм... Это очень такое понятие, очень такое, расплывчатое. В общественном понятии не знаю, если брать какие-нибудь такие массы быдло-людей в России, то это, наверное, что-то вообще не имеющее отношения к лицу». Продолжая свою мысль, респондентка говорит о том, что для «масс» важнее тело, и иллюстрирует жестами глагол «жамкать». Таким образом, в данной ситуации жест комфорта является скорее стадией ретракции.

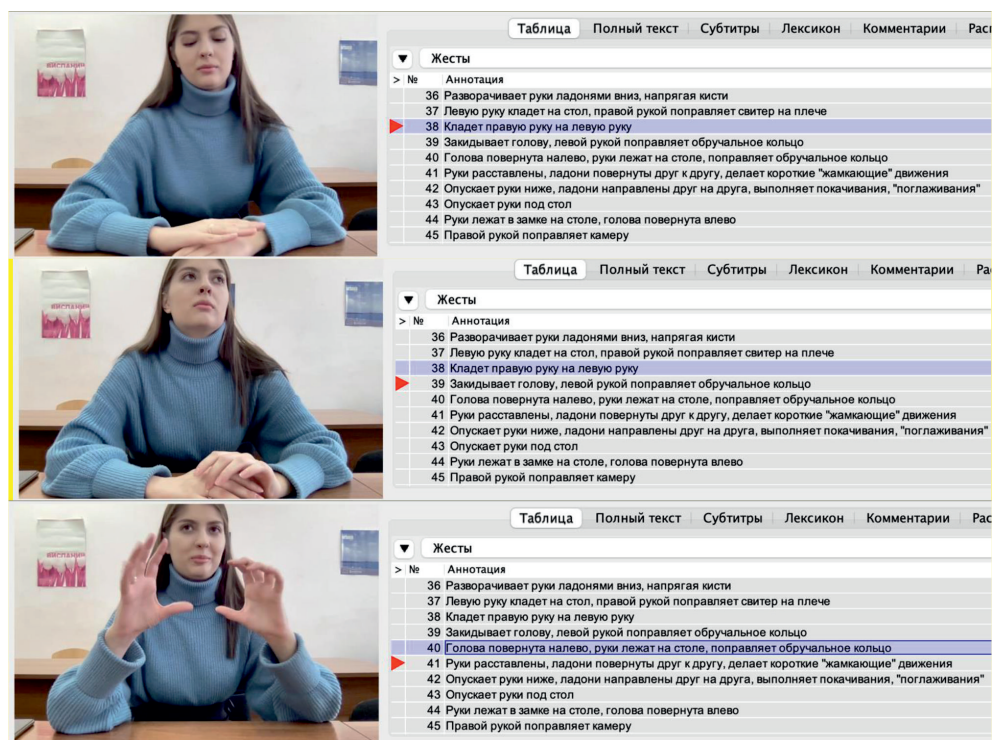


Рис. 6. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие жест комфорта «взаимодействие с другими предметами»

Рис. 6. Annotation element and screenshot illustrating the consolation gesture of interaction with other objects

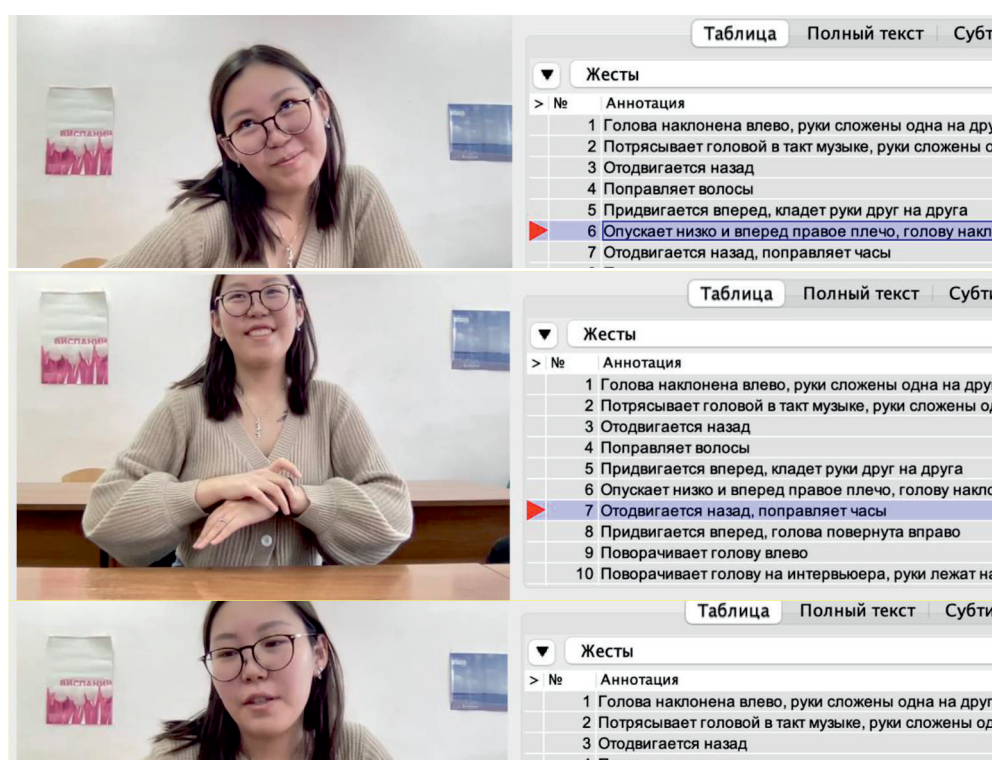


Рис. 7. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие жест комфорта «взаимодействие с другими предметами»

Fig. 7. Annotation element and screenshot illustrating the consolation gesture of interaction with other objects

Респондентка на рисунке 7 поправляет наручные часы, слушая вопрос интервьюера. Примечательно, на наш взгляд, что приведенный жестовый рисунок скорее соотносится с речью интервьюера, чем речью говорящей. Данный жест «соединяет» две части ее ответа: сначала участница эксперимента реагирует на предыдущую реплику интервьюера, опуская правое плечо и наклоняя голову вправо, при этом вербальная составляющая отсутствует. Далее респондентка слушает следующий вопрос интервьюера, сопровождая процесс жестом комфорта – поправлением наручных часов. Затем этот жест переходит в стадию ретракции – респондентка складывает руки на столе и начинает отвечать на вопрос.

Респондентка на рисунке 8 поправляет кулон, рассуждая о том, проще ли красивым людям приходится на работе. С помощью жеста комфорта она также заполняет паузу, возникшую во время монолога: «Ну, мне, как работодателю, было бы интересно, что человек может сделать», – респондентка показывает на себя, интонационно акцентирует «мне», далее в речи возникает пауза, информантка думает над дальнейшим ответом и поправляет кулон. Далее, говоря тише, респондентка добавляет: «А не то, какой он красивый, и...», сохраняя при этом повторяющийся жест комфорта. Затем респондентка переходит к выражению другой мысли, так и не завершив предыдущую фразу.

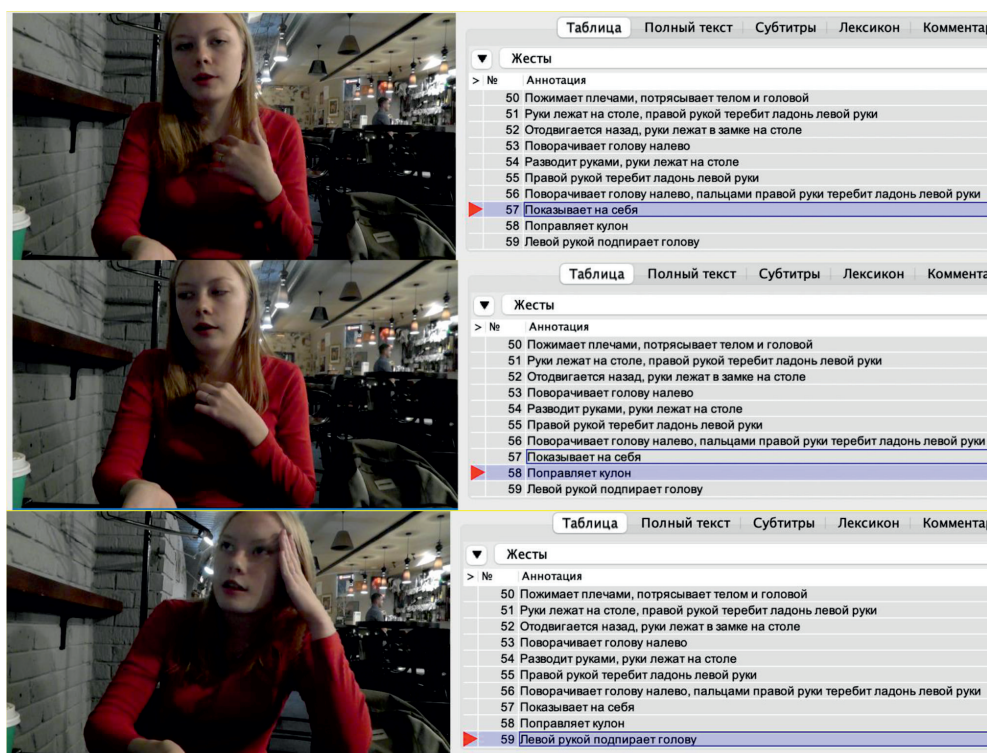


Рис. 8. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие жест комфорта «взаимодействие с другими предметами»

Fig. 8. Annotation element and screenshot illustrating the consolation gesture of interaction with other objects

Участник эксперимента на рисунке 9 поправляет очки каждый раз, когда слушает вопрос интервьюера. При этом жест комфорта становится ударным в рисунке, поскольку в основном респондент статичен и неактивно жестикулирует. Сначала его руки сложены в замок на коленях (подготовительная стадия), затем он поправляет очки (ударная стадия) и вновь опускает руки на колени (ретракция). Вербальная составляющая отсутствует.

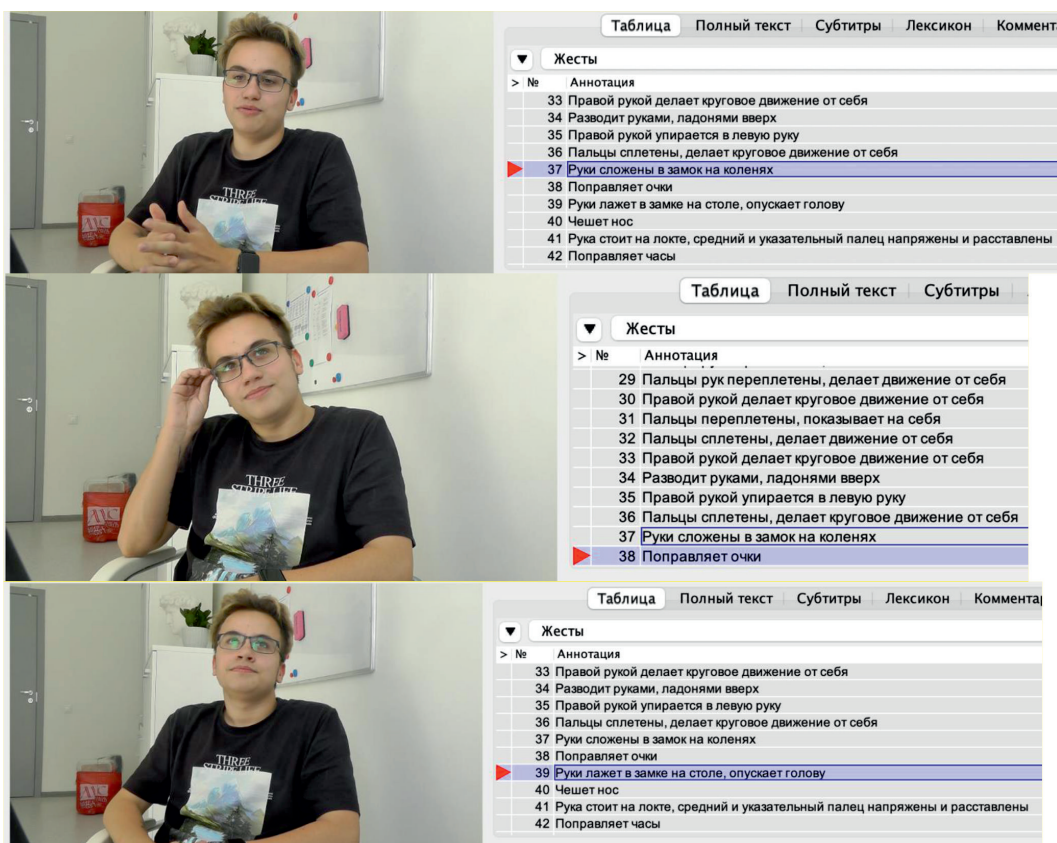


Рис. 9. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие жест комфорта «взаимодействие с другими предметами»

Fig. 9. Annotation element and screenshot illustrating the consolation gesture of interaction with other objects

У некоторых респондентов жест взаимодействия с другими предметами был коротким и наблюдался в начале ответа на пике стресса (около трех секунд), затем сходил на нет, свидетельствуя о том, что психоэмоциональное состояние информанта стабилизировалось. Другие респонденты поправляли аксессуары на протяжении всего ответа (около 1 минуты 13 секунд).

Поддержание комфорта через поправление волос и прически достаточно часто встречалось среди респондентов из России: 9 из 11 участников интервью поправляли волосы (рис. 10).

Респондентка на рисунке 10 поправляла волосы в стрессовые моменты интервью. Во фрагменте она рассуждает о том, что представители азиатских культур не защищены от расизма. «То есть если про негров говорят, что типа они черные, окей» – произнося эту фразу, респондентка показывала обеими руками направо, делая короткие движения вверх-вниз. Затем участница эксперимента делает паузу и говорит: «Я политкорректная, если что», поправляя волосы. Затем жест комфорта переходит в стадию ретракции, говорящая складывает руки в замок на столе, добавляя: «Вот».

Как и для респондентов-франкофонов, типичным жестом комфорта для русскоязычных респондентов стали почесывания (рис. 11). Десять из 11 русскоязычных респондентов регулярно почесывали разные части тела на протяжении всего интервью.

Рисунок 11 демонстрирует фрагмент разметки, в котором респондентка, слушая вопросы интервьюера, почесывает нос. Она поднимает руку (подготовительная стадия), затем чешет нос (ударная стадия) и кладет руку обратно на стул (ретракция).

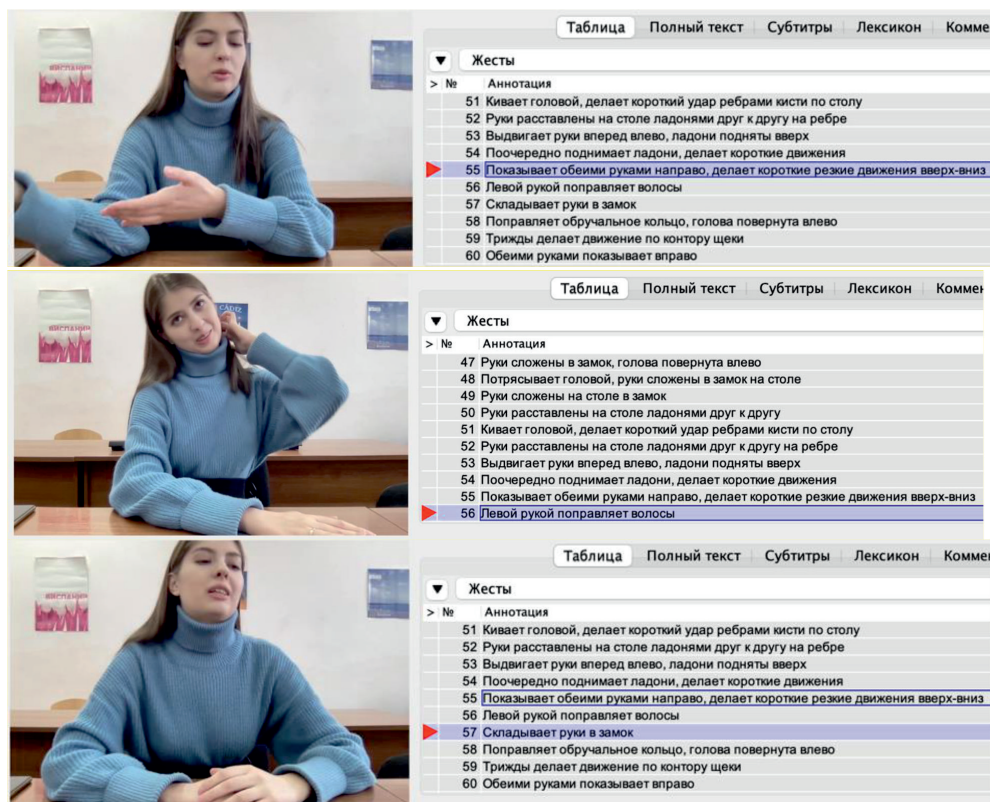


Рис. 10. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие жест комфорта «поправление прически»
 Fig. 10. Annotation element and screenshot illustrating the consolation gesture of fixing the hair

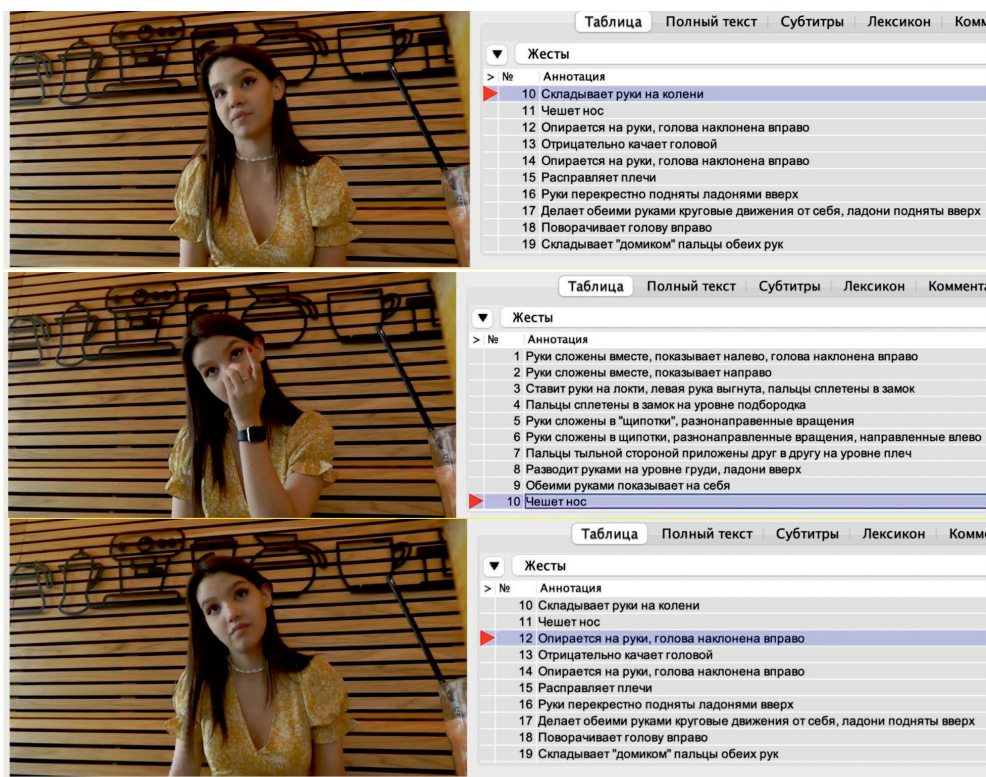


Рис. 11. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие жест комфорта «почесывание»
 Fig. 11. Annotation element and screenshot illustrating the consolation gesture of scratching

Еще одним универсальным мимическим жестом комфорта при формулировании ответов на вопросы стало облизывание губ. Так, респондентка на рисунке 12 облизывает губы, задумавшись над корректностью сказанной фразы. «Я считаю, что они [модели с нетипичной внешностью] должны... иметь... место... быть». Говоря это, она улыбается и зажимает левый глаз. Затем возникает пауза, во время которой респондентка обдумывает корректность формулировки сказанного: она облизывает (действие длится всего секунду), а затем поджимает губы (действие длится пять секунд).

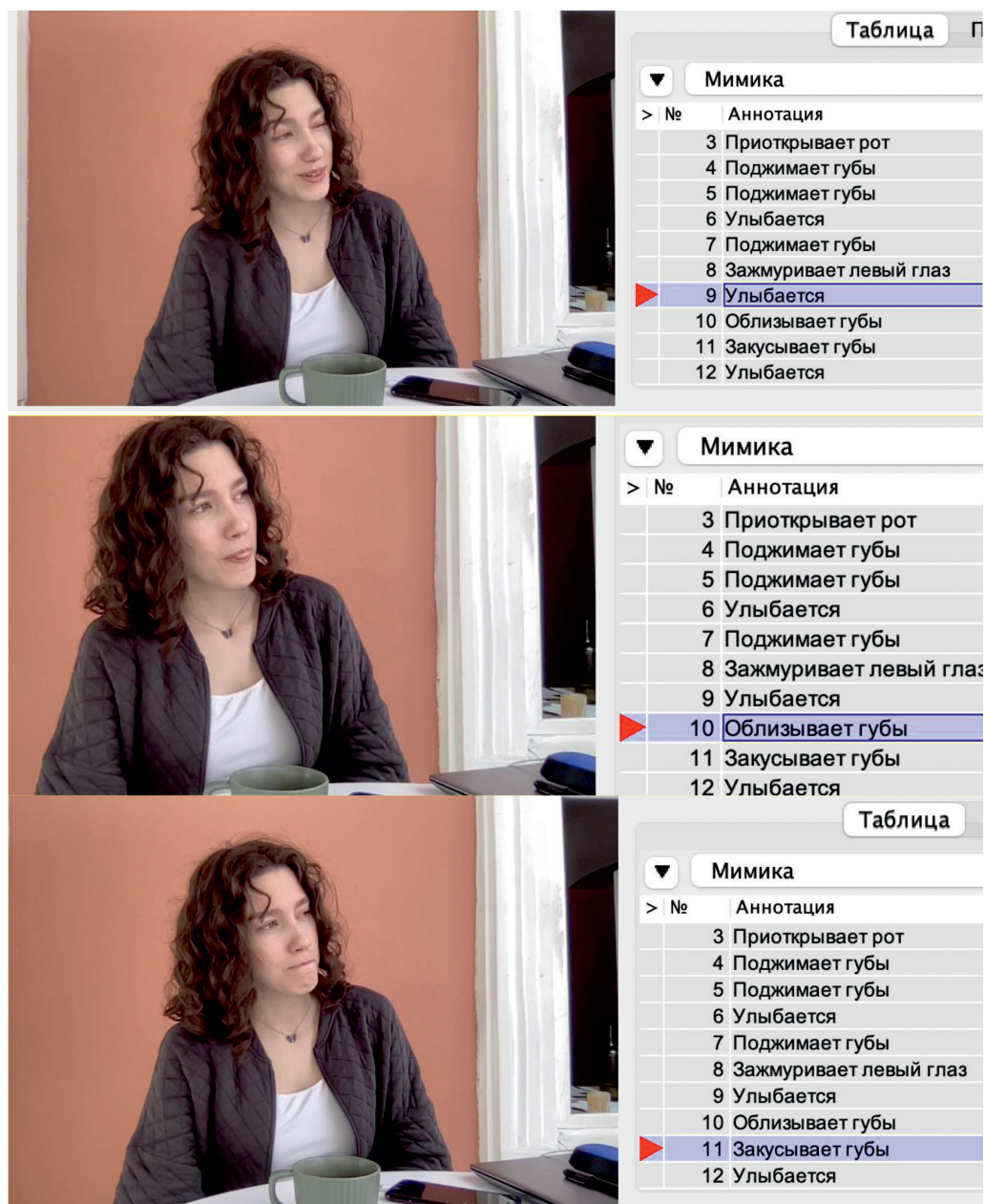


Рис. 12. Элементы разметки и скриншот, иллюстрирующие жест комфорта «облизывание губ»

Fig. 12. Annotation element and screenshot illustrating the consolation gesture of licking the lips

Для обеих групп респондентов преобладающим жестом комфорта стали почесывания (они встречаются у 21 из 22 интервьюируемых), а также облизывание губ (у 7 русскоговорящих и 10 франкоговорящих).

Целесообразность и правомерность объединения данных жестов в группу жестов комфорта, являющихся, по нашему мнению, невербальными маркерами стресса, а также их отличие от простых жестов – заполнителей пауз хезитации мы обоснуем ниже.

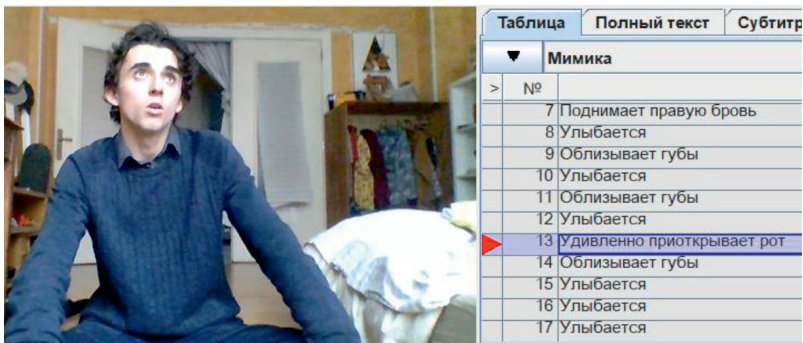
Во-первых, продолжительность жестов комфорта значительно выше, чем жестов – заполнителей пауз хезитации, они нередко сопровождают весь ответ информанта, а не только заполняют паузы колебания.

Во-вторых, жесты комфорта, сигнализирующие о наличии стресса у респондентов, имеют типичные черты так называемых расстройств циклических действий, сфокусированных на теле, или телесно-ориентированных повторяющихся расстройств поведения [Phillips, Stein, 2015], что также позволяет выделить их в отдельную группу невербальных маркеров стресса в устном дискурсе на остросоциальную тему. Среди характеристик, присущих расстройствам циклических действий, жесты комфорта обладают следующими: 1) многократность повторения действия; 2) сфокусированность на теле (облизывание губ, поправление волос, почесывание/поглаживание конкретной части тела); 3) обусловленность чувством напряжения или тревоги, а не озабоченностью внешним видом; 4) последующее чувство облегчения и эмоциональной разрядки.

Отметим, что в рамках данного исследования были выделены и другие невербальные маркеры, однако все они использовались респондентами осознанно, нециклично, всегда являлись дополнением вербальной составляющей высказывания и выполняли следующие функции: 1) выражение определенных эмоций относительно радикального бодипозитива – сочувствие, удивление, смущение; 2) выражение субъективной оценки; 3) усиление вербальной составляющей высказывания; 4) выражение стилистических приемов – иронии, пародии и т. п.; 5) невербальное выражение телесности; 6) обращение к виртуальному собеседнику (примеры невербальных маркеров, выполняющих данные функции, представлены в таблице). Таким образом, они не попадают под категорию жестов комфорта.

Элементы разметки, иллюстрирующие другие невербальные маркеры,
в соответствии с выполняемыми ими функциями

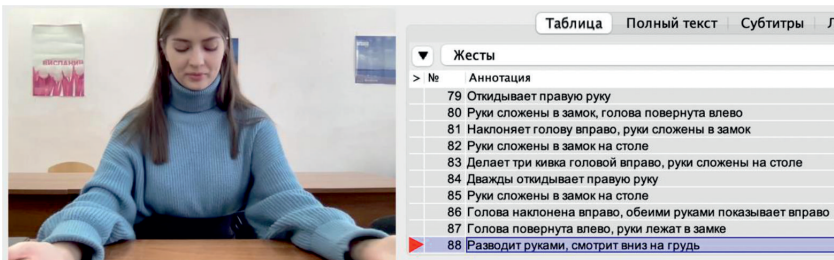
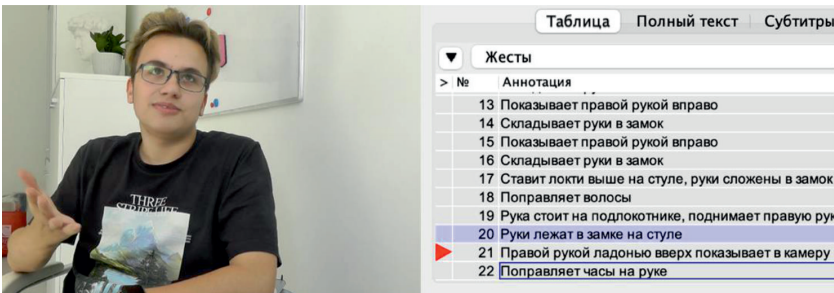
Annotation Elements Illustrating Other Non-Verbal Markers According
to Their Functions

Функция невербального маркера	Элемент разметки
1	2
Выражение эмоций (удивление)	

Продолжение табл.

1	2																																																																						
Усиление вербальной составляющей (усиление эмоционально-оценочных прилагательных – mince, normal, important)	 <table><tr><th>Таблица</th><th>Полный текст</th><th>Субтитры</th></tr><tr><td>▼</td><td>Мимика</td><td></td></tr><tr><td>></td><td>№</td><td></td></tr><tr><td></td><td>1</td><td>Щурится</td></tr><tr><td></td><td>2</td><td>Поднимает брови, ухмыляется</td></tr><tr><td></td><td>3</td><td>Улыбается</td></tr><tr><td></td><td>4</td><td>Поднимает брови</td></tr><tr><td></td><td>5</td><td>Закусывает губы</td></tr><tr><td></td><td>6</td><td>Поднимает брови</td></tr><tr><td></td><td>7</td><td>Поднимает брови</td></tr><tr><td></td><td>8</td><td>Поднимает брови</td></tr><tr><td></td><td>9</td><td>Поднимает брови</td></tr><tr><td></td><td>10</td><td>Поднимает брови</td></tr></table> Des femmes...Des hommes minces, très musclés... Pour les hommes très très musclés, pour les femmes très très minces. Женщины... Мужчины худые, очень мускулистые... Мужчины очень-очень мускулистые, женщины очень-очень худые.	Таблица	Полный текст	Субтитры	▼	Мимика		>	№			1	Щурится		2	Поднимает брови, ухмыляется		3	Улыбается		4	Поднимает брови		5	Закусывает губы		6	Поднимает брови		7	Поднимает брови		8	Поднимает брови		9	Поднимает брови		10	Поднимает брови																															
Таблица	Полный текст	Субтитры																																																																					
▼	Мимика																																																																						
>	№																																																																						
	1	Щурится																																																																					
	2	Поднимает брови, ухмыляется																																																																					
	3	Улыбается																																																																					
	4	Поднимает брови																																																																					
	5	Закусывает губы																																																																					
	6	Поднимает брови																																																																					
	7	Поднимает брови																																																																					
	8	Поднимает брови																																																																					
	9	Поднимает брови																																																																					
	10	Поднимает брови																																																																					
Выражение субъективной оценки (говоря о девушках, которые стесняются своей внешности)	 <table><tr><th>Таблица</th><th>Полный текст</th></tr><tr><td>▼</td><td>Мимика</td></tr><tr><td>></td><td>№</td></tr><tr><td></td><td>1</td><td>Улыбается</td></tr><tr><td></td><td>2</td><td>Поднимает брови</td></tr><tr><td></td><td>3</td><td>Щурится</td></tr><tr><td></td><td>4</td><td>Ухмыляется</td></tr><tr><td></td><td>5</td><td>Поднимает брови</td></tr><tr><td></td><td>6</td><td>Поднимает брови</td></tr><tr><td></td><td>7</td><td>Поднимает брови</td></tr><tr><td></td><td>8</td><td>Поднимает брови</td></tr><tr><td></td><td>9</td><td>Смеется</td></tr><tr><td></td><td>10</td><td>Улыбается</td></tr></table> C'est vraiment pas mal, parce que du coup ça permet d'une certaine façon de permettre aux femmes de s'assumer en peu plus. Et c'est un gros problème, les poils, les complexes... <i>Это действительно неплохо, потому что, внезапно, это позволяет определенным образом позволить женщинам чуть больше. И это правда большая проблема, волосы на теле, комплексы...</i>	Таблица	Полный текст	▼	Мимика	>	№		1	Улыбается		2	Поднимает брови		3	Щурится		4	Ухмыляется		5	Поднимает брови		6	Поднимает брови		7	Поднимает брови		8	Поднимает брови		9	Смеется		10	Улыбается																																		
Таблица	Полный текст																																																																						
▼	Мимика																																																																						
>	№																																																																						
	1	Улыбается																																																																					
	2	Поднимает брови																																																																					
	3	Щурится																																																																					
	4	Ухмыляется																																																																					
	5	Поднимает брови																																																																					
	6	Поднимает брови																																																																					
	7	Поднимает брови																																																																					
	8	Поднимает брови																																																																					
	9	Смеется																																																																					
	10	Улыбается																																																																					
Невербальное выражение стилистических приемов (пародия, изображает представительницу радикального боди-позитива)	 <table><tr><th>Таблица</th><th>Полный текст</th><th>Субтитры</th><th>Лексикон</th><th>Комментарии</th></tr><tr><td>▼</td><td>Жесты</td><td></td><td></td><td></td></tr><tr><td>></td><td>№</td><td></td><td></td><td>Аннотация</td></tr><tr><td></td><td>24</td><td>Разводит руки на уровне плеч, ладони направлены друг на друга</td><td></td><td></td></tr><tr><td></td><td>25</td><td>Разводит руки на уровне плеч, показывает на себя</td><td></td><td></td></tr><tr><td></td><td>26</td><td>Разводит руки на уровне плеч, направляет открытые ладони от себя</td><td></td><td></td></tr><tr><td></td><td>27</td><td>Немного приближает руки, отводит вправо</td><td></td><td></td></tr><tr><td></td><td>28</td><td>Отводит руки к центру, указательными пальцами показывает на инт</td><td></td><td></td></tr><tr><td></td><td>29</td><td>Делает мах обеими руками влево</td><td></td><td></td></tr><tr><td></td><td>30</td><td>Делает мах обеими руками влево</td><td></td><td></td></tr><tr><td></td><td>31</td><td>Сжимает руки в кулачки</td><td></td><td></td></tr><tr><td></td><td>32</td><td>Делает мах правой рукой</td><td></td><td></td></tr><tr><td></td><td>33</td><td>Разводит руками на уровне груди, трясет головой</td><td></td><td></td></tr><tr><td></td><td>34</td><td>Разводит руками, правой рукой показывает на себя, трясет головой</td><td></td><td></td></tr></table> Ça soit d'être normal que chacun fasse ce qu'il veut. Voilà. Pas dans le sens : «C'est moi qui montre les poils. <i>Должно быть нормальным то, чтобы каждый делал то, что хочет. Вот так. Но не в смысле: «это я показываю свои волосы».</i>	Таблица	Полный текст	Субтитры	Лексикон	Комментарии	▼	Жесты				>	№			Аннотация		24	Разводит руки на уровне плеч, ладони направлены друг на друга				25	Разводит руки на уровне плеч, показывает на себя				26	Разводит руки на уровне плеч, направляет открытые ладони от себя				27	Немного приближает руки, отводит вправо				28	Отводит руки к центру, указательными пальцами показывает на инт				29	Делает мах обеими руками влево				30	Делает мах обеими руками влево				31	Сжимает руки в кулачки				32	Делает мах правой рукой				33	Разводит руками на уровне груди, трясет головой				34	Разводит руками, правой рукой показывает на себя, трясет головой		
Таблица	Полный текст	Субтитры	Лексикон	Комментарии																																																																			
▼	Жесты																																																																						
>	№			Аннотация																																																																			
	24	Разводит руки на уровне плеч, ладони направлены друг на друга																																																																					
	25	Разводит руки на уровне плеч, показывает на себя																																																																					
	26	Разводит руки на уровне плеч, направляет открытые ладони от себя																																																																					
	27	Немного приближает руки, отводит вправо																																																																					
	28	Отводит руки к центру, указательными пальцами показывает на инт																																																																					
	29	Делает мах обеими руками влево																																																																					
	30	Делает мах обеими руками влево																																																																					
	31	Сжимает руки в кулачки																																																																					
	32	Делает мах правой рукой																																																																					
	33	Разводит руками на уровне груди, трясет головой																																																																					
	34	Разводит руками, правой рукой показывает на себя, трясет головой																																																																					

Окончание табл.

1	2
Невербальные маркеры телесности (говоря о том, что одноклассники буллили респондентку из-за размера груди)	 <i>В свое время, если можно так сказать, меня буллили в школе за то, что у меня там нет каких-то... Это какие, вторичные половые признаки?</i>
Обращение к виртуальному собеседнику	 <i>Меня он как-то не очень касается, но если людям (показывает в камеру) так комфортно жить и так комфортно ходить, то почему бы и нет.</i>

Вышесказанное доказывает, что выделенные нами жесты комфорта сигнализировали о наличии стресса и напряжения во время интервью, а не являлись идентификаторами эмоций и субъективной оценки говорящего, заполнителями пауз hesitation или маркерами телесности в дискурсе о бодипозитиве.

Заключение

Таким образом, при наличии в ситуации устного общения на остросоциальную тему описанных нами многократно повторяющихся и сфокусированных на теле жестов, обусловленных чувством напряжения, которые сопровождают ответ собеседника, можно говорить о стрессовой ситуации, с которой собеседник пытается справиться при помощи данных жестов комфорта, поскольку они приводят к эмоциональной разрядке. При этом главная функция жестов комфорта – сигнализировать о наличии стресса и стремлении стабилизировать психоэмоциональное состояние. Кроме того, цикличность и повторяемость жестов комфорта, на наш взгляд, потенциально дает возможность специалистам распознавать их при помощи нейросетей, что в свою очередь упростит и автоматизирует процедуру обнаружения стресса у человека.

Лингвокультурных особенностей жестов комфорта, характерных для русских или французов, мы не обнаружили, поэтому можно говорить об их универсальной природе, при этом выбор жеста комфорта зависит от индивидуальных особенностей человека. Единственным отличием стала специфика взаимодействия с другими предметами: французские информанты взаимодействовали с предметами, находящимися вокруг (например, предметами интерьера, постельным бельем), а русские – только с предметами и личными вещами, находящимися на собственном теле (аксессуарами и ювелирными украшениями).

Экспериментальные лингвистические исследования стресса дают возможность изучать языковую природу данного явления, а невербальные маркеры стресса позволяют идентифицировать стрессовое психоэмоциональное состояние в ситуации устного речевого общения и выстраивать эффективную коммуникацию с учетом данного фактора.

В краткосрочной перспективе планируется выявление вербальных маркеров стресса в русском и французском языках, а в долгосрочной – проведение междисциплинарного исследования на стыке лингвистики и биомедицины с привлечением биологических маркеров стресса, получаемых посредством клинических анализов (измерение уровня кортизола, пролактина, тиреотропного гормона, С-реактивного белка и магния), что позволит добиться более валидных результатов и верифицировать выделенные нами невербальные маркеры стресса – жесты комфорта.

Список литературы

- Атаманова О. В.** Исследование лингво-статистической природы стресса как синергетического явления // Международный научно-исследовательский журнал. Филологические науки. 2018. № 8 (74). С. 122–125.
- Бабенко Л. Г.** Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1989. 184 с.
- Балаганов Д. В.** Влияние стресса на деятельность переводчика-синхрониста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12 (90). Ч. 1. С. 74–78.
- Баранов А. Н.** Слово и жест в лингвистических экспертизах по делам о взятках: к семантике и прагматике «закрытых» дискурсов. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19, № 1. С. 64–76.
- Гриф М. Г., Королькова О. О., Мануева Ю. С.** Разработка алгоритмического и программного обеспечения выбора значения многозначного слова и омонима в системе компьютерного сурдоперевода русского языка на основе семантической модели // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 32–44.
- Гришина Е. А.** Жесты и прагматические характеристики высказывания // Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования. М.: Буки-Веди, 2014. С. 25–47.
- Иоанесян Е. Р., Дронов П. С.** Естественно-языковые номинации жестов с адапторами // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2020. Т. 30, Вып. 6. С. 959–967.
- Кибрик А. А.** Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. 2010. Вып. IV. С. 134–152.
- Кибрик А. А., Федорова О. В., Подлеская В. И.** Мультиканальные корпуса: вчера, сегодня, завтра // Гуманитарные чтения РГГУ – 2017. М.: РГГУ, 2018. С. 499–511.
- Колмогорова А. В., Горностаева Ю. А.** Дискурсивная специфика эмоциональной легитимации монархии в испанских СМИ // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 3. С. 79–94.
- Колмогорова А. В., Горностаева Ю. А.** Вербальные маркеры манипуляции в англоязычном поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации и автоматической обработки. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2021. 188 с.
- Крейдлин Г. Е.** Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
- Кудинова Е. С.** Современные методы исследования речежестового взаимодействия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 1 (830). С. 122–133.

- Маликова А. В.** Невербальные маркеры эмоций для sentiment-анализа русскоязычных интернет-текстов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 97–107.
- Паничева П. В.** Лингвистическое моделирование стресса, благополучия и темных личностных характеристик на материале текстов русскоязычных пользователей Facebook // Структурная и прикладная лингвистика. 2015. № 11. С. 240–251.
- Сухова Н. В.** Значения жестовых единиц: к вопросу об аннотировании жестов головы // Российская психология-4: тренды и драйверы: сборник трудов в честь профессора Л. В. Минаевой / Под ред. А. Д. Кривоносова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 82–87.
- Федорова О. В.** О русской жестикуляции с лингвистической точки зрения (к выходу монографии Е. А. Гришиной) // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 114–123.
- Шаховский В. И.** Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 29–42.
- Шиллер А. В.** Роль теорий воплощенного познания в исследованиях и моделировании эмоций // *Философские науки*. 2019. № 62 (5). С. 124–138.
- Blache et al.** Multimodal annotation of conversational data // The Fourth Linguistic Annotation Workshop. ACL. 2010. Pp. 186–191.
- Brault G. J.** Kinesics and the Classroom: Some Typical French Gestures // The French Review. 1963. Vol. 36, no. 4. Pp. 374–382.
- Brugman H., Russel A.** Annotating Multimedia. Multi-modal resources with ELAN // Proceedings of the Fourth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'04). Lisbon, 2004.
- Calbris G.** The Semiotics of French Gestures. Indiana University Press, 1990. 260 p.
- Damasio A. R.** Descartes's error: emotion, reason, and the human brain. New York: Putnam Publishing, 1994.
- Damasio A. R.** The somatic marker hypothesis and the possible functions of the prefrontal cortex // Philosophical Transaction: Biological Sciences. 1996. № 351. Pp. 1413–1420.
- Efron D.** Gesture, Race and Culture: A Tentative Study of the Spatio-Temporal and Linguistic Aspects of the Gestural Behavior of Eastern Jews and Southern Conditions (Approaches to Semiotics). The Hague: Mouton & Co, 1972. 226 p.
- Ekman P., Friesen W. V.** The Repertoire of nonverbal behavior: categories, origins, usage, and coding // Semiotica. 1969. No. 1 (1). Pp. 49–98.
- Ferré G., Bertrand R., Blache Ph., Espesser R., Rauzy S.** Intensive Gestures in French and Their Multimodal Correlates // Interspeech. 2007. No. 27-31. Pp. 690–693.
- Gullberg M., Hendriks H., Hickmann M.** Learning to talk and gesture about motion in French // First Language. Sage Publications. 2008. Vol. 8(2). Pp. 200–236. DOI 10.1177/0142723707088074
- Kendon A.** The study of gesture: Some observations on its history // Recherches Sémiotiques/ Semiotic Inquiry. 1982. No. 2 (1). Pp. 45–62.
- Kendon A.** Gesticulation and speech: Two aspects of the process of utterance. 1980. Pp. 207–227.
- Kendon A.** Gesture: Visible action as utterance. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 400 p.
- Litvinenko A. O., Kibrik A. A., Fedorova O. V., Nikolaeva J. V.** Annotating hand movements in multichannel discourse: Gestures, adaptors and manual postures // Российский журнал когнитивной науки. 2018. № 5 (2). С. 4–17.
- McNeill D.** Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought. Chicago: Chicago University Press, 1992. 423 p.
- Mehl M.R. et al.** Natural language indicators of differential gene regulation in the human immune system // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2017. Vol. 114, no. 47. Pp. 12554–12559.

- Nikolaeva J. V.** Pragmatic gestures in Russian Retellings of “The peer stories”. 2017. No. 4 (2-3). Pp. 6–12.
- Phillips K. A., Stein D. J.** Handbook on Obsessive-Compulsive and Related Disorders // The American Journal of Psychiatry. 2015. Vol. 172, iss. 11. Pp. 1164–1165.
- Ruben R. J.** Sign language: its history and contribution to the understanding of biological nature of language // *Acta Oto-laryngologica*. 2005. No. 125. Pp. 464–467.
- Saslow L. R. et al.** Speaking under pressure: Low linguistic complexity is linked to high physiological and emotional stress reactivity // *Psychophysiology*. 2014. No. 51 (3). Pp. 257–266.
- Wilson R. A., Foglia L.** Embodied Cognition // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (2017 Edition) [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2017/entries/embodied-cognition> (дата обращения: 04.10.2022)

Источники

- Billie. Red, White, and You Do You [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/XYsacX9LwSw> (дата обращения: 05.08.2022).

References

- Atamanova, O. V.** Investigation of the linguistic-statistical nature of stress as a synergetic phenomenon. *International Research Journal. Philological sciences*, 2018, no. 8 (74), pp. 122–125. (in Russ.)
- Babenko, L. G.** Lexical means of emotion designation in the Russian language. Sverdlovsk: Ural State University, 1989. 184 p. (in Russ.)
- Balaganov, D. V.** Influence of stress on the activity of a simultaneous interpreter. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 2018, no. 12(90), pt 1, pp. 74–78. (in Russ.)
- Baranov, A. N.** Word and gesture in linguistic examinations in cases of bribes: towards the semantics and pragmatics of “closed” discourses. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 2020, vol. 19, no. 1, pp. 64–76. (in Russ.)
- Grif, M. G., Korol’kova, O. O., Manueva, Yu. S.** Development of algorithmic and software for choosing the meaning of a polysemous word and homonym in the system of computer sign language translation of the Russian language based on a semantic model. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, pp. 32–44. (in Russ.)
- Grishina, E. A.** Gestures and pragmatic characteristics of utterance. Multimodal communication: theoretical and empirical research. Moscow: Buki-Vedi, 2014, pp. 25–47. (in Russ.)
- Ioanesyan, E. R., Dronov, P. S.** Natural language nominations of gestures with adaptors. *Bulletin of the Udmurt University. The series “History and Philology”*. 2020, vol. 30, iss. 6, pp. 959–967. (in Russ.)
- Kendon, A.** The study of gesture: Some observations on its history. *Recherches Sémiotiques / Semiotic Inquiry*, 1982, no. 2(1), pp. 45–62.
- Kibrik, A. A.** Multimodal linguistics. Cognitive research, 2010, iss. IV, pp. 134–152. (in Russ.)
- Kibrik, A. A., Fedorova, O. V., Podlesskaya, V. I.** Multichannel buildings: yesterday, today, tomorrow. Humanities readings of RSUH – 2017. Moscow: RSUH, 2018, pp. 499–511. (in Russ.)
- Kolmogorova, A. V., Gornostaeva, Yu. A.** Discursive specificity of the emotional legitimization of the monarchy in the Spanish media. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. The series “Philology. Theory of language. Language education”*, 2021, no. 3. Pp. 79–94. (in Russ.)
- Kolmogorova, A. V., Gornostaeva, Yu. A.** Verbal markers of manipulation in English polarized political discourse: the experience of parametrization and automatic processing. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2021. 188 p. (in Russ.)
- Kreidlin, G. E.** Non-verbal semiotics: body language and natural language. M.: New Literary Review, 2002. 592 p. (in Russ.)

- Kudinova, E. S.** Modern methods of speech-to-speech interaction research. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2020, iss. 1(830), pp. 122–133. (in Russ.)
- Malikova, A. V.** Nonverbal markers of emotions for sentimental analysis of Russian-language Internet texts. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2020, no. 4, pp. 97–107. (in Russ.)
- Panicheva, P. V.** Linguistic modeling of stress, well-being and dark personal characteristics based on the texts of Russian-speaking Facebook users. *Structural and Applied Linguistics*, 2015, no. 11, pp. 240–251. (in Russ.)
- Suhova, N. V.** Meanings of sign units: on the question of annotating head gestures. A.D. Krivonosov (ed.) *Russian Public Relations-4: trends and drivers: a collection of works in honor of Professor L. V. Minaeva*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2017, pp. 82–87. (in Russ.)
- Fedorova, O. V.** On Russian gesticulation from a linguistic point of view (to the publication of the monograph by E. A. Grishina). *Questions of Linguistics*, 2018, no. 5, pp. 114–123. (in Russ.)
- Shahovskij, V. I.** Emotions as an object of research in linguistics. *Questions of psycholinguistics*, 2009, no. 9, pp. 29–42. (in Russ.)
- Shiller, A. V.** The role of theories of embodied cognition in research and modeling of emotions. *Philosophical Sciences*, 2019, no. 62(5), pp. 124–138. (in Russ.)
- Blache et al.** Multimodal annotation of conversational data. The Fourth Linguistic Annotation Workshop. ACL, 2010. Pp. 186–191.
- Brault, G. J.** Kinesics and the Classroom: Some Typical French Gestures. *The French Review*, 1963, vol. 36, no. 4, pp. 374–382.
- Brugman, H., Russel, A.** Annotating Multimedia. Multi-modal resources with ELAN. Proceedings of the Fourth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'04). Lisbon, 2004.
- Calbris, G.** *The Semiotics of French Gestures*. Indiana University Press, 1990. 260 p.
- Damasio, A. R.** *Descartes's error: emotion, reason, and the human brain*. New York: Putnam Publishing, 1994.
- Damasio, A. R.** The somatic marker hypothesis and the possible functions of the prefrontal cortex. *Philosophical Transaction: Biological Sciences*, 1996, no. 351, pp. 1413–1420.
- Efron, D.** *Gesture, Race and Culture: A Tentative Study of the Spatio-Temporal and Linguistic Aspects of the Gestural Behavior of Eastern Jews and Southern Conditions (Approaches to Semiotics)*. The Hague: Mouton & Co, 1972. 226 p.
- Ekman, P., Friesen, W. V.** The Repertoire of nonverbal behavior: categories, origins, usage, and coding. *Semiotica*, 1969, no. 1(1), pp. 49–98.
- Ferré, G., Bertrand, R., Blache, Ph., Espesser, R., Rauzy, S.** Intensive Gestures in French and Their Multimodal Correlates. *Interspeech*, 2007, no. 27-31, pp. 690–693.
- Gullberg, M., Hendriks, H., Hickmann, M.** Learning to talk and gesture about motion in French. *First Language*. Sage Publications. 2008, vol. 8(2), pp. 200–236. DOI 10.1177/0142723707088074
- Kendon, A.** The study of gesture: Some observations on its history. *Recherches Sémiotiques/Semiotic Inquiry*, 1982, no. 2(1), pp. 45b–62.
- Kendon, A.** *Gesture: Visible action as utterance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 400 p.
- Litvinenko, A. O., Kibrik, A. A., Fedorova, O. V., Nikolaeva, J. V.** Annotating hand movements in multichannel discourse: Gestures, adaptors and manual postures. *Rossijskij zhurnal kognitivnoj nauki*, 2018, no. 5(2), pp. 4–17.
- McNeill, D.** *Hand and Mind: What Gestures Reveal about 'Thought'*. Chicago: Chicago University Press, 1992. 423 p.
- Mehl, M. R. et al.** Natural language indicators of differential gene regulation in the human immune system. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2017, vol. 114, no. 47, pp. 12554–12559.

- Nikolaeva, J. V.** Pragmatic gestures in Russian Retellings of “The peer stories”, 2017, no. 4 (2-3), pp. 6–12.
- Phillips, K. A., Stein, D. J.** Handbook on Obsessive-Compulsive and Related Disorders. *The American Journal of Psychiatry*, 2015, vol. 172, iss. 11, pp. 1164–1165.
- Ruben, R. J.** Sign language: its history and contribution to the understanding of biological nature of language. *Acta Oto-laryngologica*, 2005, no. 125, pp. 464–467.
- Saslow, L. R. et al.** Speaking under pressure: Low linguistic complexity is linked to high physiological and emotional stress reactivity. *Psychophysiology*, 2014, no. 51(3), pp. 257–266.
- Wilson, R. A., Foglia, L.** Embodied Cognition. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (2017 Edition) [Online]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2017/entries/embodied-cognition> (accessed on: 04.10.2022).

Sources

- Billie. Red, White, and You Do You [Online]. URL: <https://youtu.be/XYsacX9LwSw> (accessed on: 05.08.2022).

Информация об авторах

Горностаева Юлия Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории германских и романских языков и прикладной лингвистики Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Колмогорова Полина Алексеевна, магистрант института гуманитарных наук и искусств, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Information about the Authors

Yulia A. Gornostaeva, PhD (Philology), Associate professor of the Department of the Theory of Germanic and Romance Languages and Applied Linguistics, Institute of Philology and Language Communication, SFU

Polina A. Kolmogorova, master student of School of Arts and Humanities, HSE University

Статья поступила в редакцию 17.10.2022;
одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 13.01.2023

The article was submitted 17.10.2022;
approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 13.01.2023

Научная статья

УДК 004.89

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-54-66

Генерация ключевых слов для аннотаций русскоязычных научных статей

Дмитрий Алексеевич Морозов¹, Анна Валерьевна Глазкова²
Михаил Андреевич Тютюльников³, Борис Леонидович Иомдин⁴

^{1,3}Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

²Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

⁴Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия

¹morozowdm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4464-1355>

²a.v.glazkova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8409-6457>

³mishatyty@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5367-3944>

⁴iomdin@ruslang.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1767-5480>

Аннотация

В этой работе мы попробовали адаптировать различные известные механизмы генерации ключевых слов к весьма специфичному корпусу: аннотациям русскоязычных научных статей из области математики и компьютерных наук. В такой постановке сразу несколько сложностей: отсутствие масштабных исследований механизмов генерации для русского языка, отсутствие крупных корпусов аннотаций и в целом длина аннотаций: если для полного текста ключевые слова обычно встречаются в статье и достаточно лишь выделить их, для аннотаций характерно отсутствие ключевых слов в тексте в явном виде. При этом в открытый доступ попадают обычно именно аннотации, и автоматическая генерация ключевых слов для них позволила бы существенно улучшить возможности поиска по статьям. Причем генерировать слова стоит и для тех статей, в которых авторы сами их указали, так как в ходе исследования мы обнаружили, что используемые ключевые слова нередко уникальны для конкретной статьи, а значит, по таким словам невозможно сформировать подкорпус статей по заданной тематике. Для визуализации результатов работы мы создали ресурс keyphrases.mca.nsu.ru, на котором начинающие исследователи могут сформировать приблизительный список слов для своей первой публикации.

Ключевые слова

статья, отсутствие крупных корпусов аннотаций, слова, целом длина аннотаций, ключевые

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта № МК-3118.2022, поддержанного грантом Президента Российской Федерации для молодых ученых – кандидатов наук.

Для цитирования

Морозов Д. А., Глазкова А. В., Тютюльников М. А., Иомдин Б. Л. Генерация ключевых слов для аннотаций русскоязычных научных статей // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1. С. 54–66. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-54-66

© Морозов Д. А., Глазкова А. В., Тютюльников М. А., Иомдин Б. Л., 2022

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1

Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2023, vol. 21, no. 1

Keyphrase Generation for Abstracts of the Russian-Language Scientific Articles

Dmitry A. Morozov¹, Anna V. Glazkova²
Mikhail A. Tyutyulnikov³, Boris L. Iomdin⁴

^{1,3}Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia

²Tyumen State University
Tyumen, Russia

³Vinogradov Russian Language Institute RAS
Moscow, Russia

¹morozowdm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4464-1355>

²a.v.glazkova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8409-6457>

³mishatyty@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5367-3944>

⁴iomdin@ruslang.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1767-5480>

Abstract

In this paper, we attempted to adapt various well-known algorithms for keyword selection to a very specific text corpus containing abstracts of Russian academic papers from the mathematical and computer science domain. We faced several challenges including the lack of research in the field of keyword extraction for Russian, the absence of large text corpora of academic abstracts, and the insufficient length of the abstracts. Keywords are often found in the full text of the paper and can simply be highlighted, whereas abstracts may not include keywords in an explicit form. At the same time, it is abstracts that are usually in the public domain, so automatic selection of keywords from them would significantly facilitate the process of searching for papers. Moreover, an automatic keyword selection would be useful even for papers for which keywords were already specified by the authors. During the study, we found that authors often use unique keywords for their papers. This complicates their systematization on a given topic. For visualizing the results, we have created a web resource keyphrases.mca.nsu.ru, where young/beginning scholars can form an approximate list of keywords for their first research paper.

Keywords

article, lack of large corpora of abstracts, words, overall length of annotations, key

Acknowledgments

The work was carried out within the framework of project No. MK-3118.2022, supported by a grant from the President of the Russian Federation for young scientists - candidates of science.

For citation

Morozov D. A., Glazkova A. V., Tyutyulnikov M. A., Iomdin B. L. Keyphrase Generation for Abstracts of the Russian-Language Scientific Articles. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 54–66. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-54-66

Введение

Системы поиска для экспертов обладают рядом особенностей, отличающих их от, например, систем поиска в интернете. Такие системы зачастую предоставляют пользователю намного более широкие возможности настройки поиска. Так, в лингвистических корпусах текстов нередко присутствует возможность сформулировать запрос к нескольким аспектам искомого, например к грамматическим признакам и форме слова одновременно, или отобрать для поиска лишь часть документов в качестве подкорпуса. Один из способов обогатить поисковые возможности при использовании поискового движка в подобном узком экспертном поле – кластеризация документов по тематике текста с предоставлением в дальнейшем возможности поиска по кластерам. Примером такого механизма служат ключевые слова, повсеместно используемые в научных журналах. При этом они могут быть плохо выбраны (слишком специфичные или наоборот слишком абстрактные; вместо употребимого ключевого слова авторы используют менее распространенный синоним и т. д.) или отсутствовать вовсе.

Решением в такой ситуации могла бы стать автоматическая разметка ключевыми словами. Однако у подавляющего числа статей текст не является общедоступным, при этом почти всегда доступны тексты аннотаций. Они обладают рядом недостатков, таких как размер текста и доля ключевых слов, встречающихся в тексте в явном виде. Поэтому мы решили исследовать, насколько хорошо можно сгенерировать ключевые слова на таком материале. Поскольку нам не удалось найти крупных корпусов аннотаций, было принято решение собрать свой корпус и проанализировать на нем широко известные методы генерации ключевых слов.

1. Ключевые слова

Ключевые слова представляют собой одно- или многокомпонентные лексические группы, которые отражают основное содержание документа [Шереметьева, Осминин, 2015]. Автоматическое извлечение ключевых слов – важная задача в области обработки естественного языка, инструменты для решения которой могут выступать в роли необходимого компонента систем информационного поиска в различных предметных областях. В частности, список ключевых слов является обязательным элементом текста научной статьи, который позволяет упрощать ее поиск и систематизацию и, следовательно, оказывает влияние на видимость статьи научному сообществу и ее цитируемость [Тихонова, Косычева, 2021; Ghanbarpour, Naderi, 2019].

С точки зрения характера используемых алгоритмов подходы к извлечению ключевых слов делятся на методы обучения без учителя и с учителем (unsupervised и supervised learning соответственно). В ходе обучения без учителя тексты представляются в виде наборов признаков (например, словам могут быть сопоставлены их частотности), после чего производится ранжирование слов текста на основании выделенных признаков и выбор нужного количества слов, имеющих наивысший ранг. К этому классу методов относятся, в частности, статистические алгоритмы (например, TF-IDF, KPMine [El-Beltagy, Rafea 2009], YAKE! [Campos et al., 2020]) и алгоритмы, основанные на построении графов (TextRank [Mihalcea, Tarau, 2004], TopicRank [Bougouin et al., 2013]). В качестве признаков могут быть использованы векторы, полученные из современных нейросетевых моделей (к примеру, метод KeyBERT [Grootendorst, 2020]).

Методы обучения с учителем предполагают наличие обучающей выборки для настройки алгоритма. Обучающая выборка состоит из текстов, из которых извлекаются ключевые слова, и эталонного списка ключевых слов, составленного, как правило, специалистом-экспертом. На основании этой выборки производится выбор параметров алгоритма, чтобы впоследствии он мог использоваться для извлечения ключевых слов из других текстов. Один из широко используемых методов обучения с учителем – KEA [Witten et al., 1999], использующий наивный байесовский классификатор для определения вероятности того, что слово является ключевым. Ряд методов основан на применении нейронных сетей [Meng et al., 2017; Chen et al., 2020]. Традиционные методы демонстрируют достаточно высокие результаты на англоязычных корпусах текстов, однако обладают рядом ограничений. В частности, большинство существующих методов способны извлечь только те ключевые слова, которые в явном виде присутствуют в исходном тексте. На практике же списки ключевых слов могут включать слова или фразы, напрямую не употребляющиеся в тексте (гиперонимы, синонимы и т. д.). Кроме того, методы обучения с учителем требуют наличия обучающей выборки, формирование которой может быть затруднено для малоресурсных языков. Тестирование методов обучения без учителя так же требует наличия размеченного текстового корпуса для оценки качества поиска ключевых слов.

Есть ряд исследований, посвященных адаптации существующих методов извлечения ключевых слов для русского языка [Sandul, Mikhailova, 2018; Sokolova et al., 2018; Wienecke, 2020; Koloski et al., 2021]. В перечисленных работах различаются используемые метрики и тематика статей, поэтому сравнивать полученные в них результаты затруднительно. Для получения объективных данных о результативности методов требуется проанализировать их результаты на материале русскоязычного корпуса научных текстов из различных источников.

2. Эксперимент

2.1. Данные

Для исследования был подготовлен датасет [Morozov, Glazkova, 2022], содержащий аннотации, заголовки, ключевые слова, год публикации и названия журналов. Данные были собраны из интернет-ресурсов «Киберленинка»¹ (7 044 статей из 421 журнала) и MathNet² (3 605 статей из пяти журналов). Для эксперимента мы исключили из рассмотрения те статьи, в которых приведено менее пяти ключевых слов. Краткое описание обеих частей собранного датасета приведено в таблице 1.

Таблица 1

Краткая характеристика использованных датасетов

Table 1

Brief Description of the Used Datasets

	Киберленинка	MathNet	Совокупность
Статей	5 433	3 091	8 524
Журналов	421	5	426
Среднее количество ключевых слов на статью	9,22	10,55	9,70
Суммарное количество ключевых слов	50 100	32 619	82 719
Количество уникальных ключевых слов	12 333	10396	18 565
Средняя доля ключевых слов, встречающихся в тексте аннотаций	42,41 %	43,64 %	42,86 %

2.2. Методы

Для проведения сравнения мы выбрали ряд алгоритмов, используемых в задаче выделения ключевых слов: TF-IDF, YAKE!, KEA, KeyBERT, TopicRank. KEA – это обучение с учителем (supervised), все остальные – без учителя (unsupervised). Среди алгоритмов без учителя можно выделить три группы: статистические (TfIdf, YAKE!), графовые (TopicRank) и нейросетевые (KeyBERT).

Алгоритм TF-IDF (от Term Frequency – Inverse Document Frequency) часто применяется во многих задачах компьютерной лингвистики. Идея этого алгоритма состоит в выделении относительно редких слов, встречающихся в документе чаще, чем в среднем по корпусу. Для каждого слова текста вычисляется частота употребления в тексте, равная отношению числа вхождений слова в текст к общему числу слов текста (TF). Далее для этого слова вычисляется доля текстов корпуса, в которых встречается это слово, и от полученного значения вычисляется логарифм обратного к нему (IDF). Итоговый вес слова равен произведению TF и IDF. К примеру, если в тексте слово «ключевой» встретилось 15 раз, объем текста равен 1 000 слов, а всего это слово встретилось в 12 из 100 текстов корпуса, значение TF-IDF будет равным:

¹ <https://cyberleninka.ru/>.

² <https://www.mathnet.ru/>.

$$\frac{15}{1000} \times \log\left(\frac{100}{12}\right) = 0,046$$

Кандидатами на роль ключевых слов становятся слова с наибольшим вычисленным значением среди всех слов текста.

Алгоритм YAKE! (Yet Another Keyword Extractor) [Campos et al., 2020] использует для определения значимости слова набор вычислимых эвристик: вероятность написания слова с большой буквы, наиболее вероятную позицию слова в предложении (предполагается, что ключевые слова чаще стоят в начале), частота употребления слова в тексте, долю предложений, содержащих слово, а также разнообразие слов, которые могут стоять до и после исследуемого. Более подробно описание формул, по которым эти эвристики вычисляются и агрегируются в одно значение, приведено в оригинальной статье.

TopicRank [Bougouin, 2013] в отличие от двух предыдущих алгоритмов является графовым. Все последовательности идущих подряд прилагательных и существительных в тексте обозначаются как потенциальные ключевые фразы, а затем объединяются в группы близких по семантике с использованием алгомеративной иерархической кластеризации. На следующем шаге среди получившихся кластеров выбираются наиболее значимые при помощи известного алгоритма PageRank [Page et al., 1998], лежавшего в основе поисковой системы Google.

Среди исследованных алгоритмов единственный, использующий так называемое обучение с учителем, – KEA (Keyphrase Extraction Algorithm) [Witten et al., 1999]. В ходе его работы обучается наивный байесовский классификатор, выделяющий ключевые слова на основании метрики TF-IDF и некоторых численных характеристик (например, предположительной позиции внутри предложения) среди всего текста.

Алгоритм KeyBERT [Grootendorst, 2020] представляет собой нейросетевой алгоритм на основе алгоритма BERT [Devlin et al., 2019], появившегося в 2019 году. BERT обучается, предсказывая пропущенные в предложении слова и прогнозируя, является ли второе предложение продолжением первого. Таким образом можно обучать модели на гигантских моноязычных корпусах без дополнительной разметки, а затем дообучать их на конкретных задачах. Благодаря очень высокому качеству и легко достигаемому результату BERT быстро стал одним из наиболее широко применяемых алгоритмов в обработке естественного языка. Принцип работы KeyBERT заключается в поиске слова или словосочетания, чей семантический вектор (эмбединг), полученный из модели BERT, больше всего схож с эмбедингом текста в целом. Преимущество этого алгоритма заключается в возможности выбора из широкого списка предобученных BERT-моделей.

Для экспериментов мы использовали реализацию алгоритма KeyBERT из библиотеки KeyBERT³, предобученную BERT-модель `rubert_base_cased` [Kuratov, Arkhipov, 2019] и реализацию алгоритмов YAKE!, KEA и TopicRank из библиотеки PKE⁴ [Boudin, 2016], адаптировав их для русского языка и конкретного набора данных. Для корректной работы алгоритмов из библиотеки PKE используется `spacy`⁵-модель языка, в нашем случае – `ru_core_news_lg`. В качестве кандидатов на роль ключевых слов рассматривались 1-, 2- и 3-граммы.

2.3. Метрики

Для оценки качества мы использовали три метрики: F-мера, ROUGE-1 [Lin, 2004] и BERTScore [Zhang et al., 2019]. Для того чтобы исключить проблемы, связанные с согласованием, мы нормализовали все слова в каждой ключевой фразе при помощи библиотеки `rumorphy2` [Korobov, 2015].

³ <https://github.com/MaartenGr/KeyBERT>.

⁴ <https://github.com/boudinfl/pke>.

⁵ <https://spacy.io/>.

F-мера вычисляется с помощью показателей точности и полноты для двух списков ключевых слов: полученного с помощью алгоритма и составленного вручную автором текста. При этом точность определяется как доля ключевых слов (n -грамм) из списка ключевых слов, полученных с помощью алгоритма, которые присутствуют в списке, составленном автором текста вручную. Полнота представляет собой долю найденных алгоритмом ключевых слов относительно всех ключевых слов, подобранных вручную. Значения точности и полноты вычисляются на основе таблицы для каждой n -граммы текста:

Таблица 2

Методика вычисления точности и полноты

Table 2

Methodology for Evaluating Precision and Recall

N-грамма текста		Авторский (экспертный) выбор ключевых слов	
		Входит в список ключевых слов, составленный вручную	Не входит в список ключевых слов, составленный вручную
Автоматический выбор ключевых слов	Входит в список ключевых слов, полученный с помощью алгоритма	TP	FP
	Не входит в список ключевых слов, полученный с помощью алгоритма	FN	TN

TP в таблице 2 означает истинно положительное решение, то есть случай, когда n -грамма входит в список ключевых слов, составленный вручную, и определяется алгоритмом как ключевое слово. TN – истинно отрицательное решение (n -грамма не является ключевым словом и не определяется таковым с помощью алгоритма). FP – ложноположительное решение (n -грамма не входит в список ключевых слов, составленный вручную, однако распознается алгоритмом как ключевое слово). FN – ложноотрицательное решение (n -грамма входит в список ключевых слов, составленный вручную, но алгоритм не считает ее ключевым словом).

На основании составленной таблицы точность (precision), полнота (recall) и F-мера ($F1$ -score) вычисляются по формулам:

$$Precision = \frac{TP}{TP+FP} \quad Recall = \frac{TP}{TP+FN}$$

$$F1_{score} = \frac{2 \times Precision \times Recall}{Precision + Recall}.$$

Метрика ROUGE-1 показывает степень сходства униграмм (отдельных слов) авторского и полученного списков ключевых слов и вычисляется по принципу нахождения F-меры:

$$ROUGE_1 = \frac{2 \times ROUGE_1(Recall) \times ROUGE_1(Precision)}{ROUGE_1(Recall) + ROUGE_1(Precision)}.$$

Значение показателя полноты для данной метрики (ROUGE-1 (Recall)) показывает, какая доля отдельных слов, полученных алгоритмом, присутствует в списке ключевых слов, составленном вручную. Точность метрики ROUGE-1 (ROUGE-1 (Precision)) характеризует долю отдельных слов, входящих в список ключевых слов, составленный вручную, относительно общего количества слов, полученных алгоритмом. Для вычисления точности и полноты ис-

пользуются выражения, аналогичные формулам вычисления точности и полноты для F-меры, логика расчета значений TP , TN , FP и FN для каждой униграммы текста представлена в таблице 3.

Таблица 3

Методика вычисления метрики ROUGE

Table 3

Method for Evaluating the ROUGE Metric

Униграмма текста		Авторский (экспертный) выбор ключевых слов	
		Входит в список униграмм, содержащихся в ключевых словах, составленных вручную	Не входит в список униграмм, содержащихся в ключевых словах, составленных вручную
Автоматический выбор ключевых слов	Входит в список униграмм, содержащихся в ключевых словах, полученных с помощью алгоритма	TP	FP
	Не входит в список униграмм, содержащихся в ключевых словах, полученных с помощью алгоритма	FN	TN

В отличие от ранее описанных метрик BERTScore оценивает не наличие точных совпадений в списках ключевых слов, составленных вручную и машинным способом, а семантическую близость между ними. Метрика использует векторные представления документов (document embeddings), полученные из современных контекстуализированных лингвистических моделей [Devlin et al., 2019]. За счет предварительного обучения лингвистических моделей на больших текстовых корпусах полученные представления документов могут использоваться в широком спектре задач обработки естественного языка. BERTScore получает представление двух текстов (списков ключевых слов в нашем случае) из лингвистической модели, после чего попарно оценивает близость токенов текстов с помощью меры косинусного сходства. На основании дистрибутивной гипотезы [Harris, 1954] расстояние между близкими по смыслу токенами будет меньше, чем между более далекими по смыслу. Полученные показатели близости используются для расчета значения метрики с помощью точности и полноты совпадений токенов по принципу F-меры. Текст разбивается на токены с помощью токенизатора выбранной лингвистической модели. В данной работе мы использовали мультязычную модель BERT⁶ для получения векторных представлений текстов.

2.4. Результаты

В таблицах 4–6 приведены значения метрик, получившиеся при сравнении сгенерированных ключевых слов с авторскими. Для каждой пары «алгоритм – датасет» приведены три значения: метрики для 5, 10 и 15 сгенерированных слов. Для каждой метрики и каждого набора данных лучший результат выделен полужирным шрифтом.

⁶ <https://huggingface.co/bert-base-multilingual-cased>.

Таблица 4

Вычисленное значение F-меры (%)

Table 4

F1-Value (%)

Алгоритм	Киберленинка			MathNet			Совокупность		
	Количество сгенерированных слов								
	5	10	15	5	10	15	5	10	15
TF-IDF	3,84	2,99	2,39	5,63	4,84	4,03	4,49	3,66	2,99
YAKE!	2,94	5,34	6,46	3,28	5,38	6,36	3,06	5,35	6,43
KEA	4,32	4,34	4,58	3,30	4,34	4,34	3,93	4,34	4,48
TopicRank	4,79	5,07	5,03	5,13	5,15	4,90	4,91	5,10	4,98
KeyBERT	1,78	2,51	3,08	1,38	1,96	2,24	1,64	2,31	2,78

Таблица 5

Вычисленное значение ROUGE-1, %

Table 5

ROUGE-1 Values, %

Алгоритм	Киберленинка			MathNet			Совокупность		
	Количество сгенерированных слов								
	5	10	15	5	10	15	5	10	15
TF-IDF	17,02	17,16	16,73	17,01	17,30	16,48	17,01	17,21	16,64
YAKE!	17,69	21,22	21,40	16,14	19,75	20,53	17,13	20,68	21,09
KEA	12,77	15,12	16,78	13,76	16,35	17,31	13,12	15,56	16,98
TopicRank	21,24	22,41	22,40	20,31	21,27	20,87	20,90	21,99	21,85
KeyBERT	14,81	16,31	16,79	13,18	14,58	14,79	14,22	15,69	16,06

Таблица 6

Вычисленное значение BERTScore, %

Table 6

BERTScore Values, %

Алгоритм	Киберленинка			MathNet			Совокупность		
	Количество сгенерированных слов								
	5	10	15	5	10	15	5	10	15
TF-IDF	68,14	66,55	64,03	68,45	67,23	65,74	68,25	66,80	64,65
YAKE!	69,23	68,24	67,04	68,82	67,89	66,93	69,08	68,11	67,00
KEA	68,73	66,23	65,59	69,24	67,62	66,62	68,91	66,75	65,97
TopicRank	73,60	73,65	73,61	73,13	73,03	72,77	73,43	73,43	73,30
KeyBERT	68,87	67,93	66,96	68,66	67,95	66,95	68,80	67,94	66,96

Использованные нами метрики оценивают качество различных аспектов подбора ключевых слов. С позиции применения F-меры лучшие результаты были получены с помощью алгоритма YAKE!. Это значит, что в наших экспериментах YAKE! лучше остальных методов спра-

вился с генерацией ключевых слов, точно совпадающих со словами, подобранными вручную. Наиболее высокий результат по метрике ROUGE-1 был достигнут алгоритмом TopicRank. Напомним, что ROUGE-1 оценивает количество совпадающих униграмм в составленном вручную списке ключевых слов и списке, полученном с помощью компьютерных методов. TopicRank также показал лучшее качество по полученным значениям метрики BERTScore, оценивающей семантическое сходство текстов. Алгоритм KeyBERT, использующий векторные представления документов, полученные из современных лингвистических моделей, продемонстрировал сравнительно высокое качество с позиции метрики BERTScore, однако показал самое низкое качество среди рассмотренных алгоритмов в большинстве случаев для других метрик. Кроме того, для разных метрик лучшие показатели были достигнуты при различном количестве ключевых слов (15 для F-меры, 10 для ROUGE-1, 5 и 10 для BERTScore).

Наши эксперименты показывают, что выбор алгоритма автоматического подбора ключевых слов зависит от специфики задачи, стоящей перед автором текста, и авторских предпочтений. Некоторые алгоритмы лучше справляются с извлечением ключевых слов, присутствующих в тексте в явном виде, а другие направлены на генерацию ключевых слов, семантически полно описывающих текст, но включающих в себя меньшее количество подстрок исходного текста. Кроме того, большинство существующих алгоритмов не способно самостоятельно определять необходимое количество ключевых слов. Выбор данного параметра также производится автором текста.

2.5. Сервис автоматического подбора ключевых слов

Для демонстрации того, как работают представленные в статье алгоритмы, мы разработали и выложили в публичный доступ сервис KeyPhrases⁷ (интерфейс представлен на рис.), который по аннотации генерирует при помощи выбранного алгоритма ключевые слова. Несмотря на ряд очевидных недостатков, среди которых сразу бросается в глаза ненормализованность генерируемых фраз, сервис позволяет получить представление о том, насколько хорошо можно автоматизировать выбор ключевых слов. К примеру, ключевые слова для настоящей статьи были сгенерированы именно так. Сервис будет интересен и для начинающих исследователей, которые оформляют свою первую заявку на конференцию и не могут подобрать удачные ключевые слова.

Пример работы сервиса
Developed web service

⁷ <https://keyphrases.mca.nsu.ru/>.

Заключение

Выбор метода автоматического подбора ключевых слов в первую очередь подразумевает определение требований к их специфике и параметрам алгоритма. Наши эксперименты показали, что качество и приоритет тех или иных алгоритмов зависит от того, какую метрику мы выбираем для их оценки. Так, некоторые методы лучше справляются с выделением словосочетаний, наиболее похожих на ключевые слова, подобранные вручную, а другие более успешно формируют список ключевых слов, семантически полно описывающих содержание текста. При этом большинство широко используемых методов обладает рядом ограничений. В частности, количество ключевых слов и максимальную длину *n*-граммы, которая может быть признана ключевым словом, требуется задавать вручную. Кроме того, методы, рассмотренные в данной статье, основаны на извлечении ключевых слов из исходного текста, однако на практике ключевые слова часто представляют собой обобщенные понятия или синонимы понятий, упоминаемых в тексте, что подтверждается данными статистического анализа собранного нами корпуса. Рассмотренные алгоритмы не способны справиться с задачей генерации ключевых слов, отсутствующих в тексте в явном виде. Реализация и адаптация алгоритмов генерации ключевых слов, напрямую не встречающихся в тексте, для русского языка является одним из перспективных направлений дальнейших исследований.

Другое наблюдение, сделанное в ходе анализа собранного корпуса, заключается в том, что ключевые слова, подобранные авторами текстов, часто являются уникальными. Так, каждое отдельное ключевое слово встречается в корпусе в среднем реже, чем три раза, то есть многие слова встречаются только в одном-двух текстах. Подобранные таким образом ключевые слова не могут быть непосредственно использованы для систематизации научных текстов в электронных библиотеках, поскольку дают представление скорее о методологии конкретной статьи, чем о ее предметной области. В таком случае использование ключевых слов для автоматического упорядочивания текстов требует дополнительных знаний о структуре предметной области или анализа других элементов текста статьи и требует дальнейшего изучения. Также стоит отметить, что в рамках данной работы мы рассматривали научные тексты по математике, информационным технологиям и смежным наукам. Вопрос о переносимости сделанных выводов на тексты других предметных областей нуждается в дополнительном исследовании.

Список литературы

- Тихонова Е. В., Косычева М. А. Эффективные ключевые слова: стратегии формулирования // *Health, Food & Biotechnology*. 2021. № 4 (3). С. 7–15.
- Шереметьева С. О., Осминин П. Г. Методы и модели автоматического извлечения ключевых слов // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. 2015. № 1 (12). С. 76–81.
- Boudin F. PKE: an open source python-based keyphrase extraction toolkit // *Proceedings of COLING 2016, the 26th international conference on computational linguistics: system demonstrations* / ed. by H. Watanabe. The COLING 2016 Organizing Committee. 2016. Pp. 69–73.
- Bougouin A., Boudin F., Daille B. TopicRank: Graph-based topic ranking for keyphrase extraction // *Proceedings of the Sixth International Joint Conference on Natural Language Processing* / ed. by R. Mitkov and J. C. Park. Asian Federation of Natural Language Processing. 2013. Pp. 543–551.
- Campos R., Mangaravite V., Pasquali A., Jorge A., Nunes C., Jatowt A. YAKE! Keyword extraction from single documents using multiple local features // *Information Sciences*. 2020. 509. Pp. 257–289.
- Chen W., Chan H. P., Li P., King I. Exclusive Hierarchical Decoding for Deep Keyphrase Generation // *Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics* / ed. by D. Jurafsky, J. Chai, N. Schluter and J. Tetreault. Association for Computational Linguistics. 2020. Pp. 1095–1105.

- Devlin J., Chang M. W., Lee K., Toutanova K.** BERT: Pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding // *Proceedings of NAACL-HLT* / ed. by J. Burstein, C. Doran, T. Solorio. Association for Computational Linguistics. 2019. Pp. 4171–4186.
- El-Beltagy S. R., Rafea A.** KP-Miner: A keyphrase extraction system for English and Arabic documents // *Information Systems*. 2009. № 1 (34). Pp. 132–144.
- Ghanbarpour A., Naderi H.** A model-based method to improve the quality of ranking in keyword search systems using pseudo-relevance feedback // *Journal of Information Science*. 2019. № 4 (45). Pp. 473–487.
- Grootendorst M.** KeyBERT: Minimal Keyword Extraction with BERT. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://doi.org/10.5281/zenodo.4461265> (дата обращения: 29.11.2022).
- Harris Z. S.** Distributional structure // *Word*. 1954. № 2-3 (10). Pp. 146–162.
- Koloski B., Pollak S., Škrlić B., Martinc M.** Extending Neural Keyword Extraction with TF-IDF tagset matching // *Proceedings of the EACL Hackashop on News Media Content Analysis and Automated Report Generation* / ed. by H. Toivonen, M. Boggia. Association for Computational Linguistics. 2021. Pp. 22–29.
- Korobov M.** Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages // *International conference on analysis of images, social networks and texts* / ed. by M. Yu. Khachay, N. Konstantinova, A. Panchenko, D. Ignatov, V. G. Labunets. Springer, Cham. 2015. Pp. 320–332.
- Kuraton Y., Arkhipov M.** Adaptation of deep bidirectional multilingual transformers for Russian language // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2019”*. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dialog-21.ru/media/4606/kuratonvyplusarkhipovm-025.pdf> (дата обращения: 29.11.2022).
- Lin C. Y.** ROUGE: A package for automatic evaluation of summaries // *Text summarization branches out*. Association for Computational Linguistics. 2004. Pp. 74–81.
- Meng R., Zhao S., Han S., He D., Brusilovsky P., Chi Y.** Deep Keyphrase Generation // *Proceedings of the 55th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 1: Long Papers)* / ed. by R. Barzilay, M.-Y. Kan. Association for Computational Linguistics. 2017. Pp. 582–592.
- Mihalcea R., Tarau P.** TextRank: Bringing order into text // *Proceedings of the 2004 conference on empirical methods in natural language processing* / ed. by D. Lin, D. Wu. Association for Computational Linguistics. 2004. Pp. 404–411.
- Morozov D., Glazkova A.** Keyphrases CS&Math Russian, Mendeley Data. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <http://doi.org/10.17632/dv3j9wc59v.1> (дата обращения: 29.11.2022).
- Page L., Brin S., Motwani R., Winograd T.** The PageRank citation ranking: Bringing order to the web. Stanford InfoLab. 1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://ilpubs.stanford.edu:8090/422/1/1999-66.pdf> (дата обращения: 02.12.2022).
- Sandul M., Mikhailova E.** Keyword extraction from single Russian document // *Proceedings of the Third Conference on Software Engineering and Information Management (full papers)* / ed. by Y. Litvinov, M. Akhin, B. Novikov, V. Itsykson. CEUR Workshop Proceedings, 2018. Pp. 30–36.
- Sokolova E., Moskvina A., Mitrofanova O.** Keyphrase Extraction from the Russian Corpus on Linguistics by Means of KEA and RAKE Algorithms // *Data analytics and management in data intensive domains: Proceedings of the XX International Conference – DAMDID/RCDL’2018* / ed. by L. Kalinichenko, Y. Manolopoulos, S. Stupnikov, N. Skvortsov, V. Sukhomlin. FRC CSC RAS, 2018. Pp. 369–372.
- Wienecke Y.** Automatic Keyphrase Extraction From Russian-Language Scholarly Papers in Computational Linguistics: University Honors Theses. Portland State University, 2020. 36 p.
- Witten I. H., Paynter G. W., Frank E., Gutwin C., Nevill-Manning C. G.** KEA: Practical automatic keyphrase extraction // *Proceedings of the fourth ACM conference on Digital libraries* / ed. by N. Rowe, E. A. Fox. Association for Computing Machinery, 1999. Pp. 254–255.
- Zhang T., Kishore V., Wu F., Weinberger K. Q., Artzi Y.** BERTScore: Evaluating Text Generation with BERT // *International Conference on Learning Representations*. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://openreview.net/pdf?id=SkeHuCVFDr> (дата обращения: 29.11.2022).

References

- Boudin, F.** PKE: an open source python-based keyphrase extraction toolkit. Proceedings of COLING 2016, the 26th international conference on computational linguistics: system demonstrations. Osaka, Japan, 2016, pp. 69–73.
- Bougouin, A., Boudin, F., Daille, B.** TopicRank: Graph-based topic ranking for keyphrase extraction. Proceedings of the Sixth International Joint Conference on Natural Language Processing. Nagoya, Japan, 2013, pp. 543–551.
- Campos, R., Mangaravite, V., Pasquali, A., Jorge, A., Nunes, C., Jatowt, A.** YAKE! Keyword extraction from single documents using multiple local features. *Information Sciences*, 2020, 509, pp. 257–289.
- Chen, W., Chan, H. P., Li, P., King, I.** Exclusive Hierarchical Decoding for Deep Keyphrase Generation. Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Online, 2020, pp. 1095–1105.
- Devlin, J., Chang, M. W., Lee, K., Toutanova, K.** BERT: Pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding. Proceedings of NAACL-HLT. Minneapolis, USA, 2019, pp. 4171–4186.
- El-Beltagy, S. R., Rafea, A.** KP-Miner: A keyphrase extraction system for English and Arabic documents. *Information Systems*, 2009, no. 1 (34), pp. 132–144.
- Ghanbarpour, A., Naderi, H.** A model-based method to improve the quality of ranking in keyword search systems using pseudo-relevance feedback. *Journal of Information Science*, 2019, no. 4 (45), pp. 473–487.
- Grootendorst, M.** KeyBERT: Minimal Keyword Extraction with BERT, 2020. Available at: <http://doi.org/10.5281/zenodo.4461265> (accessed 29.11.2022).
- Harris, Z. S.** Distributional structure. *Word*, 1954. no. 2-3 (10), pp. 146–162.
- Koloski, B., Pollak, S., Škrlić, B., Martinc, M.** Extending Neural Keyword Extraction with TF-IDF tagset matching. Proceedings of the EACL Hackashop on News Media Content Analysis and Automated Report Generation. Online, 2021, pp. 22–29.
- Korobov, M.** Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages. International conference on analysis of images, social networks and texts. Yekaterinburg, 2015, pp. 320–332.
- Kurатов, Y., Arkhipov, M.** Adaptation of deep bidirectional multilingual transformers for Russian language. Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2019”. Moscow, 2019. Available at: <https://www.dialog-21.ru/media/4606/kuratovplusarkhipovm-025.pdf> (accessed 29.11.2022).
- Lin C. Y.** ROUGE: A package for automatic evaluation of summaries. Text summarization branches out. Osaka, Japan, 2004, pp. 74–81.
- Meng, R., Zhao, S., Han, S., He, D., Brusilovsky, P., Chi, Y.** Deep Keyphrase Generation. Proceedings of the 55th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 1: Long Papers). Vancouver, Canada, 2017, pp. 582–592.
- Mihalcea, R., Tarau, P.** TextRank: Bringing order into text. Proceedings of the 2004 conference on empirical methods in natural language processing. Barcelona, Spain, 2004, pp. 404–411.
- Morozov, D., Glazkova, A.** Keyphrases CS&Math Russian, Mendeley Data, 2022. Available at: <http://doi.org/10.17632/dv3j9wc59v.1> (accessed 29.11.2022).
- Page L., Brin S., Motwani R., Winograd T.** The PageRank citation ranking: Bringing order to the web, Stanford InfoLab, 1998. Available at: <http://ilpubs.stanford.edu:8090/422/1/1999-66.pdf> (accessed 02.12.2022).
- Sandul, M., Mikhailova, E.** Keyword extraction from single Russian document. Proceedings of the Third Conference on Software Engineering and Information Management (full papers). Saint Petersburg, 2018, pp. 30–36.

- Sheremetyeva, S. O., Osminin, P. G.** [On Methods and Models of Keywords Automatic Extraction]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of South Ural State University, Series «Linguistics»], 2015, no. 1 (12), pp. 76–81. (In Russ.)
- Sokolova, E., Moskvina, A., Mitrofanova, O.** Keyphrase Extraction from the Russian Corpus on Linguistics by Means of KEA and RAKE Algorithms. Data analytics and management in data intensive domains: Proceedings of the XX International Conference – DAMDID/RCDL'2018. Moscow, 2018, pp. 369–372.
- Tikhonova, E. V., Kosycheva, M. A.** Effective Keywords: Strategies for Their Formulation. *Health, Food & Biotechnology*, 2021, no. 4 (3), pp. 7–15. (In Russ.)
- Wienecke, Y.** Automatic Keyphrase Extraction From Russian-Language Scholarly Papers in Computational Linguistics: University Honors Theses. Portland State University, 2020. 36 p.
- Witten, I. H., Paynter, G. W., Frank, E., Gutwin, C., Nevill-Manning, C. G.** KEA: Practical automatic keyphrase extraction. Proceedings of the fourth ACM conference on Digital libraries. Berkeley, USA, 1999, pp. 254–255.
- Zhang, T., Kishore, V., Wu, F., Weinberger, K. Q., Artzi, Y.** BERTScore: Evaluating Text Generation with BERT. International Conference on Learning Representations. Online, 2019 Available at: <https://openreview.net/pdf?id=SkeHuCVFDr> (accessed 29.11.2022).

Информация об авторах

- Морозов Дмитрий Алексеевич**, младший научный сотрудник Лаборатории прикладных цифровых технологий Международного математического центра Новосибирского национального исследовательского государственного университета
- Глазкова Анна Валерьевна**, канд. тех. наук, доцент кафедры программного обеспечения Института математики и компьютерных наук Тюменского государственного университета
- Тютюльников Михаил Андреевич**, инженер, Лаборатория прикладных цифровых технологий Международного математического центра Новосибирского национального исследовательского государственного университета
- Иомдин Борис Леонидович**, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Information about the Authors

- Dmitry A. Morozov**, junior researcher, Laboratory of Applied Digital Technologies, Mathematical Center in Akademgorodok, Novosibirsk State University
- Anna V. Glazkova**, Cand. Sc. (Technology), Associate Professor, Department of Software, Institute of Mathematics and Computer Science of the University of Tyumen
- Mikhail A. Tyutyulnikov**, engineer, Laboratory of Applied Digital Technologies, Mathematical Center in Akademgorodok, Novosibirsk State University
- Boris L. Iomdin**, Cand. Sc. (Philology), Leading Researcher at the Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

*Статья поступила в редакцию 12.12.2022;
одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 13.01.2023*
*The article was submitted 12.12.2022;
approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 13.01.2023*

Научная статья

УДК 81'32+519.767.2

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-67-82

Высокоуровневая семантическая интерпретация структуры статических моделей для русского языка

Олег Алексеевич Сериков¹, Вероника Александровна Ганеева²
Анна Александровна Аксенова³, Эдуард Станиславович Клышинский⁴

¹Московский физико-технический институт
Москва, Россия

¹Институт искусственного интеллекта AIRI
Москва, Россия

¹Институт языкознания РАН
Москва, Россия

^{1,2,4}Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

³ПАО «Сбербанк»
Москва, Россия

¹srkvoa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3746-2642>

²vaganeeva@edu.hse.ru, <https://0000-0002-4020-488X>

³aaaksenova2@gmail.com

⁴eklyshinsky@hse.ru, <https://0000-0002-9569-9197>

Аннотация

С момента своего появления векторное пространство Word2vec стало универсальным инструментом для научной и практической деятельности. С течением времени стало понятно, что необходима разработка новых методов интерпретации расположения слов в векторном пространстве. Существующие методы включали рассмотрение узкого круга аналогий либо кластеризацию пространства. В последние годы активно развивается подход на основе пробинга – анализа влияния небольших изменений в модели на результат. В этой работе мы предлагаем метод интерпретации расположения слов в векторном пространстве, применимый ко всему пространству в целом. Метод позволяет выявлять основные направления, вдоль которых выделяются наиболее крупные группы слов (около трети всех слов словаря), противопоставляемые друг другу по некоторым семантическим признакам, а также строить неглубокую иерархию таких признаков. Эксперименты были проведены на трех моделях, обученных на разных корпусах: Национальном корпусе русского языка, Araneum Russicum и коллекции научных статей из разных предметных областей. Для экспериментов использовались только имена существительные, входящие в словарь моделей. Рассмотрена экспертная интерпретация подобного разделения вплоть до третьего уровня. Набор и иерархия этих признаков отличаются для разных моделей, однако все они являются достаточно общими. Было обнаружено, что выделенные признаки разделения зависят от состава корпусов, на которых проводилось обучение моделей, их направленности и стиля. Полученное разделение не всегда коррелирует с принятым в области разработки онтологий. Так, совпадающим признаком является абстрактность или вещность объекта. Однако для моделей на верхнем уровне оказывается более важным разделение на повседневную/специальную лексику, архаичную лексику, разделение на имена собственные и нарицательные. В статье приведены примеры слов, входящих в полученные группы.

Ключевые слова

векторные модели, интерпретация модели, Word2vec, сингулярное разложение, построение онтологий

© Сериков О. А., Ганеева В. А., Аксенова А. А., Клышинский Э. С., 2023

Благодарности

Авторы глубоко признательны Екатерине Владимировне Рахилиной за вдохновение, которое она дарила нам по мере написания этой статьи.

Для цитирования

Сериков О. А., Ганеева В. А., Аксенова А. А., Клышинский Э. С. Высокоуровневая семантическая интерпретация структуры статических моделей для русского языка // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1. С. 67–82. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-67-82

High-Level Semantic Interpretation of the Russian Static Models Structure

Oleg A. Serikov¹, Veronika A. Geneeva²
Anna A. Aksenova³, Eduard S. Klyshinskiy⁴

¹Moscow Institute of Physics and Technology
Moscow, Russia

¹Artificial Intelligence Research Institute
Moscow, Russia

¹Institute of Linguistics RAS
Moscow, Russia

^{1,2,4}HSE University
Moscow, Russia

³JSC Sberbank
Moscow, Russia

¹srkvoa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3746-2642>

²vaganeeva@edu.hse.ru, <https://0000-0002-4020-488X>

³aaaksenova2@gmail.com

⁴eklyshinsky@hse.ru, <https://0000-0002-9569-9197>

Abstract

Since its inception, the Word2vec vector space has become a universal tool both for scientific and practical activities. Over time, it became clear that there is a lack of new methods for interpreting the location of words in vector spaces. The existing methods included consideration of analogies or clustering of a vector space. In recent years, an approach based on probing—analysis of the impact of small changes in the model on the result—has been actively developed. In this paper, we propose a new method for interpreting the arrangement of words in a vector space, applicable for the high-level interpretation of the entire space as a whole. The method provides for identifying the main directions which are selecting large groups of words (about a third of all the words in the model's dictionary) and opposing them by some semantic features. The method allows us to build a shallow hierarchy of such features. We conducted our experiments on three models trained in different corpora: Russian National Corpus, Araneum Russicum and a collection of scientific articles from different subject domains. For our experiments, we used only nouns from the models' dictionaries. The article considers an expert interpretation of such division up to the third level. The set of selected features and their hierarchy differ from model to model, but they have a lot in common. We have found that the identified semantic features depend on the texts comprising a corpus used for the model training, their subject domain, and style. The resulting division of words does not always correlate with the common sense used for ontology development. For example, one of the coinciding features is the abstract or material nature of the object. However, at the upper level of models, words are divided into everyday/special lexis, archaic lexis, proper names and common nouns. The article provides examples of words included in the derived groups.

Keywords

vector models, interpretation of models, Word2vec, singular vector decomposition, ontology development

Acknowledgements

The authors are extremely grateful to Ekaterina V. Rakhilina for her support and inspiration all the way along the process.

For citation

Serikov O. A., Ganeeva V. A., Aksenova A. A., Klyshinskiy E. S. High-Level Semantic Interpretation of the Russian Static Models Structure. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 67–82. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-67-82

Введение

Векторные модели представляют собой удобный инструмент для решения практических задач – таких, для которых раньше не существовало решений на приемлемом уровне. При этом гораздо меньше внимания привлекает применение онтологий и тезаурусов, фреймовых моделей, а также некоторых других методологий. Подобное смещение связано с тем, что применение старых подходов требует больших затрат. Создание полной онтологии одной предметной области может занять многие годы работы большого коллектива¹, тогда как новые модели требуют относительно небольших затрат процессорного времени.

Первой успешной реализацией идеи дистрибутивной семантики [Gallant, 1991] стала работа по Word2Vec [Mikolov, 2013]. В ней было также показано, что полученное векторное пространство обладает возможностью интерпретации, и была поставлена задача нахождения аналогий между понятиями, при этом таких, что пара, задающая аналогию, позволяет найти новые пары, отвечающие этой аналогии (см., например, [Ethayarajh, 2019; Korogodina, 2021]). Вместе с тем векторные представления плохо интерпретируются с точки зрения прагматики. Кроме того, в многомерном пространстве рядом оказываются семантически близкие слова, но слова из одной предметной области могут оказаться далеко друг от друга.

Подобные сложности с интерпретацией результатов приводят к возникновению задачи выделения осей, имеющих очевидную смысловую нагрузку. Для ее решения предложено два пути: разработка интерпретируемых моделей (см. [Faruqui, 2015; Subramanian, 2018]) либо интерпретация существующих. Поиску интерпретируемых моделей посвящена, например, работа [Kozłowski, 2017], где было предложено найти показатели для мужского/женского пола, статуса в обществе, достатка и некоторых других. Данные измерения выделялись на основе слов одной тематики, взятых из тематических словарей. В [Rubinstein, 2015] показано, что статические векторные модели лучше улавливают таксономические характеристики слов, чем другие их семантические атрибуты.

У векторных моделей, построенных по данным разной природы, могут обнаруживаться похожие признаки. В [Yao, 2019] показано сходство векторных представлений, полученных из текстовых описаний организаций и данных о биржевой торговле их акциями. В работе [Kutuzov, 2020] показано, что модели, построенные по разным корпусам, позволяют выявить регулярности в соотношениях между одними и теми же концептами, являющиеся информативными для сравнения корпусов, представляющих один и тот же домен в разные эпохи.

Аналогичный перенос работает и при сопоставлении векторных моделей, построенных для разных языков. В [Conneau, 2017] используется межъязыковая схожесть концептов, сопоставление моделей для разных языков проводится при помощи алгоритма прокрустово выравнивания. У [Rabinovich, 2020] строится мультязычное семантическое поле для автоматизации сравнения средств лексического выражения концептов в разных языках. Анализ результатов позволяет авторам выделить филогенетические и другие экстралингвистические факторы, значимые для типологии полисемии.

Перечисленные методы хорошо подходят для анализа отдельных явлений, однако выделение всех измерений, существующих в векторном пространстве, оказывается труднее, поскольку оно состоит в локальной интерпретации слов. Более того, в векторном пространстве наблюдаются нелинейные искажения выделяемых измерений, препятствующие интерпретации [Kozłowski, 2017]. Авторы [Weeds, 2014] иллюстрируют тезис о трудности отделения синонимов и антонимов слов.

В данной работе мы ставим задачу исследовать интерпретационные свойства векторного пространства на верхнем уровне и выдвигаем гипотезу о том, что в текстовом массиве можно

¹ Так, онтология медицинской диагностики [Грибова, 2018] создается уже около пяти лет, в то время как самая крупная медицинская онтология Unified Medical Language System (UMLS) и ее тезаурус Metathesaurus создаются международным сообществом уже два десятилетия [Bodenreider, 2004].

выделить большие зоны (порядка четверти всего списка слов), которые объединены по какому-то лексико-семантическому признаку. Также мы проверяли возможность дальнейшего разделения этих зон на большие интерпретируемые фрагменты. Нахождение подобных интерпретируемых областей позволит понять природу трудностей в решении некоторых практических задач.

1. Контекстные модели и пробинг «черного ящика»

Пробинг – это направление, открывающее неявные, часто глубинные представления в моделях обработки текстов (дискурса, а не слов). Пробинговые исследования можно структурировать как реализующие три последовательных этапа анализа моделей [Lasri, 2022]: бихевиоральный, диагностический и инвазивный.

Бихевиоральный пробинг фокусируется на проверке того, имеет ли смысл подробное исследование модели с позиции лингвистических характеристик. Результаты работы модели подвергаются анализу с позиции произвольно выбранной лингвистической характеристики, например способности корректно дописывать текст.

Авторы [Linzen, 2016] оценили синтаксические возможности моделей, проанализировав их поведение на участках текстов, репрезентативных с точки зрения грамматической категории числа и соответствующих этой категории механизмов согласования. Авторы смогли отделить синтаксическую компетенцию модели от заложенных в нее простых эвристик (например, согласование прилагательного с ближайшим существительным). В работе [Loureiro, 2019] удалось построить алгоритм, относящий токены текста к тезаурусу WordNet, что позволяет установить наличие тезаурусоподобной подструктуры в векторных представлениях. Однако предложенный алгоритм указывал лишь на наличие/отсутствие признаков лингвистического знания в модели, а не на ответственные за него части модели.

Диагностический пробинг выявляет реакцию модели, рассматриваемой исследователем как «черный ящик». Пробинговые исследования, опирающиеся на модели линейной корреляции [Adi, 2016], устанавливают отношение между внутренними векторными представлениями и выбранной лингвистической характеристикой. Так, замеряется корреляция между представлениями слов в определенных слоях моделей и соотносённостью этих слов с определенными частями речи. В работе [Conneau, 2018] автор исследует модели машинного перевода и понимание ими поверхностной семантики текста, его грамматической структуры и глубинной семантики по векторному представлению текста.

В работе [Voloshina, 2022] пробинг показал, что лингвистическая информация усваивается на ранних этапах обучения. При этом модели способны фиксировать различные свойства языка на уровнях морфологии, синтаксиса и дискурса, но могут не справляться с задачами, которые воспринимаются как простые (итоговый уровень владения языком примерно соответствует уровню 11-летнего ребенка: следование общей теме диалога, дискурсивные особенности текста, богатство используемой лексики и др.).

Для поиска элементов модели, влияющих на точность решения лингвистической задачи, используют *инвазивный пробинг*. В [Ravfogel, 2021] области нейронной сети, выявленные диагностическими методами, искусственно зашумляются, чтобы можно было определить их влияние на анализируемое свойство. В [Vig, 2020] веса нейронов замораживаются для определения их влияния на «гендерную предвзятость» сети. В результате проводимого в работе [Chizhikova, 2022] *пробинга синтаксисом* делается вывод о том, что механизм внимания фокусируется не только на синтаксических отношениях, но и на семантике. Такой подход позволяет авторам указать на непоследовательность упорядочения объектов в энциклопедии Wikidata.

2. Задачи и гипотезы

На данный момент существует значительное количество работ, посвященных качественному анализу того, как векторным моделям удается отражать семантику предметной области. Методов определения семантической подструктуры в статических векторных моделях, способных упорядочить все пространство, пока не было представлено. Разработке такого метода и посвящена наша работа.

Исследуя векторное пространство, естественно задаться вопросом об устройстве базиса этого пространства (или базисов его подпространств) и о возможности выделения в нем интерпретируемого базиса. Если таковой существует, можно предположить существование измерений, каждому из которых сопоставлен семантический (или прагматический) признак (или набор признаков), внутри которого проводится противопоставление слов. Структура этих семантических и прагматических признаков может иметь вид дерева или онтологии. Таким образом, наша гипотеза состоит в том, что существуют интерпретируемые компоненты в статических векторных моделях и что возможно выделить графовую подструктуру этих компонент.

3. Используемые данные

Мы не знали заранее, как лингвистические свойства (семантические, прагматические или грамматические) распределятся по уровням ветвления выделенных компонент. Глаголы могли разделиться на верхнем уровне по категориям вида, возвратности и переходности, так как эти параметры также влияют на сочетаемость глагола с другими словами. В противоположность им у существительных категория рода выражает не столько различия между особями мужского и женского пола или одушевленными и неодушевленными предметами, сколько устоявшееся разделение слов по грамматическим признакам. Поэтому мы отказались от использования слов тех частей речи, грамматические параметры которых могут выражать семантику использования слова – глаголов, причастий и деепричастий. Количество служебных частей речи невелико, они чаще не несут собственной семантики, поэтому они также были отброшены.

В качестве кандидатов на проведение исследования были выбраны имена существительные (нарицательные и собственные), взятые из словарей использованных статических векторных моделей Word2Vec. Эти словари содержат неточности (ошибки лемматизации, аббревиатуры, опечатки и т. д.), которые мы отбросили при помощи метода, предложенного в [Bocharov, 2011], исключив также слова короче трех символов. Слово считалось существительным, если среди вариантов морфологического анализа имелось существительное в начальной форме.

Эксперименты проводились на трех моделях Word2vec. Первой была рассмотрена модель `rusecorpورا_upos_cbow_300_20_2019`, взятая с сайта [RusVectors](https://rusvectors.org/)². Данная модель обучена на корпусе текстов НКРЯ объемом 270 млн слов и включает художественную литературу, коллекцию исторических текстов (начиная с XVII века), учебники, устную речь и др.³ Второй моделью была `araneum_upos_skipgram_300_2_2018`, также взятая с сайта [RusVectors](https://rusvectors.org/). Она была обучена на корпусе *Araneum Russicum* объемом около 10 млрд слов, состоящем в основном из текстов, полученных из сети Интернет (новости, форумы, объявления), учебников, художественной литературы. Третью модель мы обучили самостоятельно на основе коллекции научных статей по нескольким отраслям науки: архитектура, искусствоведение, автоматизация, геология, история, культурология, лингвистика, филология. Общий объем данного корпуса ок. 550 млн слов.

² <https://rusvectors.org/ru/models/>.

³ Более подробно о составе корпуса: <https://rusecorpора.ru/>. Однако состав корпуса значительно поменялся с момента обучения модели.

4. Метод поиска интерпретируемых компонент

Метод поиска интерпретируемых компонент заключается в следующем. Для списка слов проводится сингулярное разложение, выделяющее измерения с наибольшим разбросом в данных. Слова сортируются по координате вдоль выбранной оси и разделяются на три подгруппы (в простейшем случае – на три равные части). Мы предполагаем, что слова, попавшие в среднюю группу, должны быть семантически нейтральны по анализируемому признаку, поэтому исследуются только слова с периферии оси. Каждая выделенная пара групп слов анализировалась экспертом-лингвистом на предмет выявления признака, по которому они могли бы быть противопоставлены.

Для каждой из двух крайних выделенных групп слов мы рекурсивно повторяли SVD-разложение и разделение списка на три части. На практике выяснилось, что внутри подгрупп, выделенных на предыдущих шагах, первые измерения, возвращаемые SVD, могут совпадать. В связи с этим на шаге с номером n мы пропускаем первые выделенные оси и берем для анализа ось с номером n .

5. Результаты экспериментов

Общая работоспособность предложенного метода была проверена на специально составленном списке растений, включающем в себя травы, кустарники и деревья (с выделением плодоносящих и окультуренных). Эксперименты проводились на модели, обученной на текстах Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Во время первой итерации растения, являющиеся привычными для российской культуры, отделились от нехарактерных: например, растения средней полосы России vs пальмы и кактусы. Одним из объяснений здесь может быть частотность употребления подобных слов в исходном корпусе текстов, однако у нас не было возможности проверить эту гипотезу. На втором уровне привычные растения (или их плоды) разделились по признаку употребления в пищу. Необычные растения разделились на те, что ассоциируются с пропагандой здорового образа жизни (*киноа*, *авокадо* и др.), и все остальные, чаще не употребляемые в пищу.⁴

Убедившись, что предложенный метод показывает интерпретируемые результаты, мы продолжили наши эксперименты уже на существительных, представленных в словаре выбранных моделей. Первой также рассматривалась модель, обученная на текстах НКРЯ.

На первом этапе предложенный метод выделил ось, к краям которой тяготели слова, которые могут быть проинтерпретированы как противопоставление конкретных и абстрактных существительных по Розенталю [1976]. Признаками абстрактных существительных в этом словаре являются суффиксы (например, *-ость*-, *-ени-*) и отсутствие множественного числа у таких существительных, или иначе – множественное число, несочетаемое с количественными числительными: **пять правд*, **три абстрактности*. К краю оси физического мира (к конкретным) тяготеют существительные, обладающие грамматически выражаемой неотчуждаемостью.

Полученную ось следует рассматривать скорее как шкалу, спектр или континуум для выделенных признаков, где максимальными значениями этих признаков обладают слова, тяготеющие к краям оси. Однако разделение слов не является идеальным, а предложенная нами трактовка полученных результатов не всегда полностью описывает ситуацию.

Чтобы прояснить сказанное, приведем здесь списки из 20 слов, отнесенных нашим методом к концам оси, то есть получивших максимальные и минимальные значения координаты с приписанными нами признаками конкретности и абстрактности. Здесь и далее мы не стали

⁴ Заметим, что НКРЯ содержит относительно небольшое количество современных текстов, посвященных здоровому образу жизни в его новом понимании, и потому полученное разделение было для нас сюрпризом, так как оно не полностью соответствует нашим представлениям об онтологии предметной области.

удалять слова из списков, чтобы продемонстрировать точность работы метода. Интерпретация осей проводилась по полным спискам слов, которые не приводятся в связи с ограниченным объемом работы.

- Конкретные: *ладонь, стол, шея, изба, шапка, рубаха, спина, комната, палец, щека, колено, грудь, губа, голова, платок, глаз, рука, крыльцо, дверь, нога.*
- Абстрактные: *развитие, деятельность, отношение, условие, система, задача, организация, действие, процесс, правительство, значение, изменение, государство, исследование, вопрос, решение, влияние, период, возможность, закон.*

На втором этапе абстрактные слова разделились по признакам «индустриальное» (прикладные науки и производство) vs «духовное» (внутренний мир человека, чувства, качества человека). Конкретные же термины разделились по признакам «архаичность» и «современность».

- Духовное, отнесенное ранее к абстрактному: *вера, истина, убеждение, чувство, любовь, добродетель, мысль, христианство, народ, жизнь, стремление, невежество, идеал, зло, поступок, страдание, воззрение, разум, религия, отрицание.*
- Индустриальное, отнесенное ранее к абстрактному: *топливо, транспорт, аэропорт, офис, скважина, стоимость, заявка, комбайн, аппаратура, температура, мощность, доставка, маршрут, тонна, доллар, зона, автомобиль, вертолет, компания, база.*
- Архаичное, отнесенное ранее к конкретному: *козак, боярин, воевода, верста, стрелец, слобода, казак, купец, лях, государев, острог, барин, изба, поселянин, пан, деревня, разбойник, ямщик, лошадь, конь.*
- Современное, отнесенное ранее к конкретному: *холл, блокнот, сантиметр, колготки, комбинезон, футболка, майка, сумочка, шприц, галстук, витрина, очки, флакон, тумбочка, лампочка, холодильник, свитер, плитка, блузка, пепельница.*

Как видно из результатов, на втором этапе проявляются сложности, связанные с разделением на группы на первом этапе. Так, слова *деревня, село, милость, божий* отнесены к конкретному архаичному, хотя слова *село* и *деревня* могут обозначать как конкретные поселения, так и их собирательный образ. По сведениям НКРЯ, частота употребления слов *село* и *деревня* в архаичном контексте (подкорпусы 1682–1960 гг.) выше, чем в современном, где они уступают место *населенному пункту*. Аналогичная картина наблюдается в корпусе Google N-grams, где популярность слов *село* и *деревня* пошла на спад после 2000 года. Аналогично *комбайн, автомобиль* и *вертолет* были отнесены к абстрактным понятиям. По всей видимости, здесь проявляется эффект разделения слов вдоль оси на три равные части. В итоге слова, расположенные ближе к середине списка, поднимаются к краям оси при следующем разделении.

Наконец, на третьем этапе разделение произошло следующим образом. Абстрактные слова из духовной сферы, разделились на «духовное» (на краю оси оказались следующие: *добродетель, токмо⁵, чувствование, наставление, прилежание, житие, оный, слог, похвала, любовь*) и «общественно-социальное» (*лозунг, сторонник, конфликт, пропаганда, капитализм, фашизм, война, диктатура, кризис, социализм*). Абстрактные слова, относящиеся к индустриальной сфере, разделились на «сфера (индустрия) развлечений» (*фестиваль, шоу, чемпионат, фильм, чемпион, компьютер, экран, дизайнер, турнир, гонщик*) и «сфера управления предприятиями и хозяйственной деятельности» (*хозяйство, доход, ведение, распоряжение, увеличение, принятие, предотвращение, перевозка, подвоз, усиление*). Конкретные архаичные слова разделились на «книжные» (*сердце, взор, чертог, душа, меч, темница, око, уста, богиня, мрак*) и «повседневные» (*починка, трактир, огород, картуз, девчата, писарь, лавка, сельсовет,*

⁵ Данное слово присутствует в словаре [Bocharov, 2011] как существительное, поэтому мы не стали убирать его из выдачи, стремясь показать не только достоинства, но и недостатки метода. Аналогично мы поступили с примерами ниже, которые метод неаккуратно выделил на предыдущих этапах.

фельдшер, артельщик). Конкретные современные слова разделились так же на «книжные»⁶ (*волос, румянец, кудри, лицо, локон, платье, глаз, личико, бровь, борода*) и «повседневные» (*фургон, электричка, метро, ангар, самосвал, камера, площадка, мусор, вездеход, кран*). Более подробные списки слов по разделам приведены в приложении к статье, вынесенном на внешний ресурс.⁷

Здесь мы сталкиваемся со сходным разделением двух групп на разных ветках разделения: как архаичные, так и современные слова разделяются на более возвышенную и редкоупотребимую в быту лексику (книжную) и на входящую в повседневную жизнь. Сходное разделение может быть связано с тем, что метод пропустил более высокоуровневое разделение, присущее двум ветвям, из-за деления слов на группы. Заметим также, что среди книжных слов присутствуют *сердце*, отнесенное к абстрактным, и *волос, лицо, глаз, бровь*, отнесенные к конкретным. Очевидно, что все эти слова имеют отношение к органам человека, но слово *сердце* употребляется в НКРЯ чаще в значении души, чем органа.

Результаты разбиения слов по тематикам для модели, построенной на основе НКРЯ, сведены в таблицу 1.

Таблица 1

Схема разделения модели на основе НКРЯ

Table 1

Hierarchy of the Model Trained over Russian National Corpus
(ruscorpora_upos_cbow_300_20_2019)

Абстрактное, виртуальные референты				Конкретное, референты в физ. мире			
Духовное, внутренний мир человека, литература		Индустрия, прикладные науки		Архаичное		Современное	
Духовное	Общественное	Развлечение	Наука	Книжное	Повседневное	Книжное	Повседневное

Второй изучалась модель, обученная на корпусе Araneum Russicum. На первом и втором этапах для нее были выделены следующие группы:

- люди (социальное регулирование): *пашика, малец, сашка, гришка, шурка, санька, женька, гриша, валерка, ванька, колька, старуха, эдик, борька, васька, прохвост, машика, митя, володька, поганец*;
– абстрактное: *иррационализм, догматизм, обскурантизм, отрицание, релятивизм, индивидуализм, рационализм, аморализм, мистицизм, интеллектуализм, безнравственность, агностицизм, спиритуализм, морализм, отступничество, пантеизм, односторонность, критицизм, этноцентризм, материализм*;
– конкретное: *аленушка, санька, дубок, анжела, андюшка, девчата, рябинка, регин, данил, нюся, есения, мишина, олесек, сережа, фунтик, светланка, артем, синичка, пчелка, чирик*;
- организации (технологии и правовое регулирование): *котирование, поставка, пакет, планир, неиспользование, длительность, долгосрочность, авизование, обновление, минимизация, учет, периодичность, объем, формирование, видеотерминал, обеспечить, фотопродукция, закупка, телерадиограмма, бизнес-сектор*;
– технология производства: *смачивание, перемешивание, нагрев, вспенивание, натяжение, изгибание, прилипание, разбрызгивание, встряхивание, прижатие, смешива-*

⁶ По сведениям НКРЯ, слово *волос* встречается 15 684 раза в 4749 нехудожественных текстах и 39 293 раза в 5652 художественных текстах. Подобное соотношение будет являться критерием для разделения лексики на «книжную» (чаще встречающуюся в художественной литературе), «повседневную» и «специальную» (чаще встречающуюся в других источниках). Заметим, что полученный список «книжных» слов соответствует предыдущим исследованиям, показавшим, что для женщин в книгах чаще описывается внешность, а для мужчин — характер.

⁷ https://github.com/klyshinsky/interpretation_paper_2023.

ние, обжатие, склеивание, шлифование, термоэлемент, стекание, выглаживание, эмульгирование, засаливание, вдавливание;

– управление производством: саратовэнерго, башавтотранс, бишкек, темиртау, ханты, караганда, октябрь, октябрьск, ставрополье, белогорск, сибакадемстрой, зеленодольск, краснодар, директор, армавир, жигулевск, пенза, гидрострой, братск, астана.

Здесь мы видим, что со сменой корпуса для обучения модели меняется выделяемая лексика и ее группировка. НКРЯ содержит в себе больший объем литературы, написанной в прошлые века. Поэтому на верхнем уровне мы видим разделение на абстрактное и конкретное, а также на современное и архаичное. Корпус Araneum Russicum содержит в основном современные тексты, в том числе из сети Интернет. Как следствие, в нем можно увидеть, как человек и социум противопоставляется организации и ее функционированию. Интересно, что в гуманитарно-социальной сфере уже на втором уровне наблюдается разделение на абстрактное и конкретное, встретившееся и в модели НКРЯ. Следовательно, некоторые измерения обладают достаточно высоким уровнем абстракции для того, чтобы встречаться в разных моделях. Здесь мы также видим на краю оси кластер с именами собственными, причем имена людей отделяются от названий организаций и мест.

Разделение слов на трех уровнях показано в таблице 2, список слов приведен во внешнем приложении.

Таблица 2

Схема разделения модели на основе Araneum Russicum

Table 2

Hierarchy of the Model Trained over Araneum Russicum Corpus
(araneum_upos_skipgram_300_2_2018)

Люди, социальное регулирование				Организация, технология, правовые отношения			
Абстрактное		Конкретное		Технологии производства		Управление и производство	
Оскорбления	Духовный мир	Диминутивы, имена	Природа	Химия и биология	Физика, автоматизация	Экономика	Политика и общество

Третьей изучалась модель, обученная на научных текстах. На первом этапе здесь выделились слова, имеющие повседневное и специальное употребление. Так, *стих* находится в группе общепринятого, а *дольник* или *акростих* – в группе более научного употребления, то есть сложность первых будет меньше, чем вторых. При этом в научные термины попали фамилии ученых и авторов статей, названия институтов, университетов и других учреждений, города их расположения.

Слова, которые метод распределил по группам после разделения на первом и на втором этапах, показаны ниже. Напомним, что здесь приводятся только слова, оказавшиеся на краю выделенной оси.

- Повседневное: мочь, образ, место, вода, значение, лицо, день, сцена, ребёнок, действие, женищина, количество, комната, девушка, желание, линия, площадь, смерть, группа, эпизод.
 - Абстрактное: отношение, власть, интерес, идея, деятельность, позиция, поведение, убеждение, жизнь, признание, мысль, закон, характер, идеал, государство, смысл, норма, отказ, доверие, мочь.
 - Конкретное: блишка, улитка, галька, лунка, рулон, коврик, палочка, кусочек, солонка, поднос, серьга, ящик, подол, войлок, доска, палатка, веточка, кувшин, трубка, яма.

- Научное: музыкознание, прагматик, дейк, рецепция, диахронии, реферирование, социолингвистика, кемерово, симпозиум, новосибирск, востоковедение, информ, лексикология, доцент, семиотика, методы, религиоведение, мгу, типология, семинара.
 - Терминология: подход, формирование, дискурс, функционирование, мышление, коммуникация, синтез, взаимосвязь, интеграция, актуальность, лингвистика, адаптация, становление, синкретизм, идентификация, усложнение, адекватность, идентичность, разработка, развёртывание.
 - Имена собственные: вилайет, петропавловск, глазго, маадыр, осло, георги, танзания, летие, оон, огайо, абакан, анадырь, калевала, зао, фио, сургут, тоо, йов, тегеран, элиста.

Здесь снова проявляется разделение на абстрактное и конкретное для повседневной лексики и разделение на научное (книжное) и повседневное, которое появляется в модели НКРЯ на третьем уровне для предметных слов. Разделение слов на трех уровнях показано в таблице 3, список слов приведен во внешнем приложении.

Таблица 3

Схема разделения модели на основе научных статей

Table 3

Hierarchy of the Model Trained on Scientific Articles

Более повседневный дискурс				Более научный дискурс			
абстрактное		предметное		Научные термины		места и люди	
Общество и политика	Литература и духовный мир	Объекты – специальные термины	Бытовые предметы	Внешнее научное	Внутреннее научное	Фамилии и имена ученых	Места и организации

Показательным является разделение слов из некоторых тематических списков. Так, из списка слов, относящихся к информатике, используемый метод отнес к общеупотребительным слова *аргумент, почта, ядро, модуль, компьютер, буфер, сценарий, контейнер, субъект, протокол*, а к специальным – *кэширование, транслятор, репликация, октет, инкапсуляция, кодирование, трекер, эмуляция, битрейт, профайл*. Слова, относящиеся к философии, разделились следующим образом: общеупотребительные – *время, образ, случай, форма, действие, начало, момент, ситуация, душа, тело*; научные – *рефлексия, феномен, дихотомия, триада, трансцендентность, акциденция, относительность, дискурс, философия, онтология*. Заметим, что хотя общеупотребительные термины и являются более частотными, некоторые (но далеко не все) слова, оказавшиеся на разных концах осей, обладают сходной частотой употребления в НКРЯ. Для общеупотребительных и научных слов в подкорпусах художественных и нехудожественных текстов НКРЯ также не наблюдается зависимости от положения слов на осях и их частотности.

6. Интерпретация и обсуждение полученных результатов

На трех исследованных моделях видно, что разделение слов на самом верхнем уровне зависит от использованных текстовых корпусов, то есть разные векторные модели не создают единого разделения пространства на сходные области. Если НКРЯ содержит в себе большое (относительно других корпусов) количество старых текстов, то на верхнем уровне разделения входящих в его модель слов это оказывается важным параметром разделения (хотя и только на втором уровне) лексики на более старую и более современную. Модель на основе корпуса *Araucum*, содержащая в себе большое количество обсуждений тем на интернет-форумах, выделяет отношения внутри социума и производственные отношения. Наконец, для модели,

обученной на научных текстах, оказывается важным то, как употребляется слово: несет ли оно более общее значение или имеет узкое значение и употребляется в специальных текстах.

Несмотря на различия, в моделях можно выделить некоторые универсалии. Так, во всех трех моделях наблюдается следующее разделение: «абстрактное vs конкретное», «материальное vs идеальное», «общепринятое vs специальное», «имя собственное vs нарицательное». Исследование разных моделей может позволить выделить список таких универсалий и использовать их для анализа новых моделей. Заметим, что часть из них будет отвечать не столько за семантику, сколько за употребление слов в дискурсе. Таким образом, архаичность термина отражает скорее контекст употребления, чем прагматику. Однако на нижних уровнях иерархии проявляются свойства прагматики: пол, наличие плодов у растения, метод перемещения животного или механизма и проч.

Интересно, что логика разделения слов в векторном пространстве не похожа на логику построения онтологий и тезаурусов. К примеру, в модели, обученной на научных статьях, имена собственные расположились среди специальных терминов. Специальные термины часто выносятся в названия статей, а сами эти названия помещаются в списки литературы вместе с именами авторов и названиями организаций. То есть употребление названия организации или имени ученого носит примерно тот же характер, что и употребление термина. Вообще, судя по всему, модель учитывает не только предметную область, но и стиль текста, период его создания (то есть актуальная на тот момент лексика), частотность использования слова и некоторые другие параметры.

Заметим, что сходство слов подразумевает близость всех или почти всех параметров, а различие – несовпадение даже одного параметра. В итоге расположение близких по семантике слов в одной области пространства является очевидным, а вот измерения, в которых будут располагаться различающиеся слова, не задаются каким-то тривиальным образом. Логично высказать следующую гипотезу: если подобрать три группы слов так, чтобы слова внутри групп были сходны, а между группами наблюдалось отличие только по одному или двум параметрам (например, плодоносящие деревья, не плодоносящие деревья, плодоносящие кустарники), то и сами группы должны располагаться в векторном пространстве близко друг к другу. Однако на их взаимное расположение будет оказывать влияние расположение как семантически сходных, так и семантически далеких групп. При этом высокая размерность пространства дает большой простор для перемещений. Все это делает нетривиальной задачу определения связей между группами сходных слов, тогда как выделение самих сходных слов – задача по-прежнему относительно простая.

В целом, можно сказать, что векторные модели демонстрируют логику, отличающуюся от той, которой придерживаются разработчики тезаурусов и онтологий. Так, для онтологии WordNet также важно разделение на абстрактное и вещное, но для вещного на следующем уровне идет разделение на живое и неживое. В нашем случае мы видим совсем другие параметры: архаичность термина, его научность, социальные-производственные отношения и т. д. Как следствие, автоматически созданная онтология может быть отвергнута экспертом как не отражающая его представления о предметной области. Здесь мы также видим, что в зависимости от тематики текстов меняется представление слова и его окружение в векторном пространстве.

С другой стороны, наши эксперименты показывают, что создание единого интерпретируемого пространства – сложная задача, так как слова, относящиеся к разным подразделам онтологии, имеют разные наборы признаков. Иллюстрацией может послужить противопоставление материального в конкретных существительных и нематериального в абстрактных: материальное может быть противопоставлено по признакам размера, цвета, формы, одушевленности, а нематериальное этими признаками обладает далеко не всегда.

Вообще иерархия выделенных направлений обладает рядом интересных свойств и нуждается в тщательном изучении. Сами выделенные оси не могут составить метрического про-

пространства, так как они не ортогональны. Сложно ввести какую-то единицу, относительно которой измерялось бы наличие или отсутствие того или иного свойства, что уже было замечено в работе [Kozłowski, 2017]. Даже само расположение осей необычно. Как уже говорилось выше, абстрактные непредметные сущности не обладают теми же свойствами, что конкретные предметные сущности. Это означает, что вместо привычного нам многомерного пространства, где каждая из точек имеет значение для каждой из координат, мы получаем пространство в форме дерева или графа, где переход в ту или иную сторону по одной из осей определяет наличие или отсутствие части координат. Подобное можно увидеть в сравнении векторов в работе [Faruqi, 2015], где показывается, что сходные слова обладают примерно одинаковым набором ненулевых значений, а слова отличающиеся имеют не так много общих ненулевых координат. И сам этот факт является вполне обычным для составителей онтологий.

Заключение

В данной работе был представлен метод семантической интерпретации пространств, заключающийся в выделении древовидной структуры в векторном пространстве с помощью многократного направленного применения метода разложения по собственным значениям.

Метод был применен для трех векторных моделей, отличавшихся использованными при обучении корпусами. Анализ результатов указывает как на общие закономерности, свойственные моделям, так и на индивидуальные свойства моделей. Так, прослеживается разделение на повседневное и квазиспециальное, материальное и нематериальное, абстрактное и конкретное. Описанные разделения, однако, возникают на различных по глубине уровнях дерева компонент, что не позволяет ввести четкую иерархию таких противопоставлений. Помимо смыслового сходства в разделении слов наблюдается зависимость от обучающего корпуса.

На первых этапах ветвления компонент обнаруживаются наиболее общие признаки, с большой вероятностью присущие всем или почти всем словам из списков. Первые разделения показывают стилистическую разницу: вероятно, потому что слова одного стиля чаще встречаются в текстах корпусов рядом друг с другом, чем со словами противоположного стиля.

Анализ указывает на представленность в векторном пространстве не только структур, соответствующих отдельным характеристикам слова, но и структур, соответствующих определенным типам дискурса. Более низкие уровни ветвления деревьев компонент, однако, не обнаруживают дискурсивных свойств.

Таким образом, предложенный подход к иерархической интерпретации статических векторных моделей позволяет установить закономерность в расположении векторов соответствующего пространства, и проинтерпретировать эту закономерность с качественной точки зрения. Предложенный метод также указывает на закономерности в самих корпусах, использованных для обучения моделей.

Список литературы

- Грибова В. В., Петряева М. В., Окунь Д. Б., Шалфеева Е. А. Онтология медицинской диагностики для интеллектуальных систем поддержки принятия решений // Онтология проектирования. 2018. Т. 8, № 1(27). С. 58–73.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд. М.: Просвещение, 1976, 543 с.
- Adi Y. et al. Fine-grained analysis of sentence embeddings using auxiliary prediction tasks [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/abs/1608.04207> (дата обращения 01.09.2022).
- Bocharov V., Bichineva S., Granovsky D., Ostapuk N., Stepanova M. Quality assurance tools in the OpenCorpora project // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). Вып. 10(17). М.: РГГУ, 2011. С. 107–115.

- Bodenreider, O.** The Unified Medical Language System (UMLS): integrating biomedical terminology [Электронный ресурс]. Oxford University Press, 2004, pp. 267–270. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC308795/> (дата обращения: 01.09.2022)
- Chizhikova A., Murzakhmetov S., Serikov O., Shavrina T., Burtsev M.** Attention Understands Semantic Relations // Proc. of the 13th Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2022), 2022, pp. 4040–4050.
- Conneau A., Lample G., Ranzato M. A., Denoyer L., Jégou H.** Word Translation Without Parallel Data. [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/abs/1710.04087> (дата обращения: 01.09.2022).
- Conneau A. et al.** What you can cram into a single vector: Probing sentence embeddings for linguistic properties [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/abs/1805.01070> (дата обращения: 01.09.2022).
- Ethayarajh K.** How contextual are contextualized word representations? Comparing the Geometry of BERT, ELMo, and GPT-2 Embeddings // Proc. of Association for Computational Linguistics, Hong Kong, 2019, pp. 55–65.
- Faruqui M., Tsvetkov Y., Yogatama D., Dyer C., Smith N. A.** Sparse Overcomplete Word Vector Representations // Proceedings of the 53rd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and the 7th International Joint Conference on Natural Language Processing, 2015, pp. 1491–1500.
- Gallant S.** Context vector representations for document retrieval // Proc. of AAAI Workshop on Natural Language Text Retrieval, 1991.
- Gustaf S.** Meaning and change of meaning: with special reference to the English language. Indiana University Press, 1964, 490 p.
- Korogodina, O., Karpik, O., Klyshinsky E.** Evaluation of Vector Transformations for Russian Word2Vec and FastText Embeddings // Proc. of Graphicon-2020. DOI 10.51130/graphicon-2020-2-3-18
- Kozlowski A., Taddy M., Evansa J.** The Geometry of Culture: Analyzing the Meanings of Class through Word Embeddings // American Sociological Review. 2017. Pp. 905–949.
- Kutuzov A.** Distributional word embeddings in modeling diachronic semantic change [Электронный ресурс] / Doctoral Thesis, University of Oslo, 2020. <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/81045/1/Kutuzov-Thesis.pdf>.
- Lasri K., Pimentel T., Lenci A., Poibeau T., Cotterell R.** Probing for the Usage of Grammatical Number // Proc. of the 60th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2022. Vol. 1, Pp. 8818–8831.
- Linzen T., Dupoux E., Goldberg Y.** Assessing the ability of LSTMs to learn syntax-sensitive dependencies // Transactions of the Association for Computational Linguistics. 2016. Vol. 4. Pp. 521–535.
- Loureiro D., Alipio M. J.** Language Modelling Makes Sense: Propagating Representations through WordNet for Full-Coverage Word Sense Disambiguation // Proceedings of the 57th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2019. Pp. 5682–5691.
- Representations. Virtual Event, Austria, May 3-7, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://openreview.net/forum?id=mNtmhaDkAr> (дата обращения 01.09.2022)
- Mikolov T., Chen K., Corrado G., Dean J.** Efficient estimation of word representations in vector space // Proc. of International Conference on Learning Representations (ICLR), 2013 a.
- Mikolov T., Chen K., Corrado G., Dean J.** Distributed Representations of Words and Phrases and their Compositionality // Proc. of 27th Annual Conference on Neural Information Processing Systems. 2013. Pp. 3111–3119.
- Rabinovich E., Xu Y., Stevenson S.** The Typology of Polysemy: A Multilingual Distributional Framework, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/abs/2006.01966v1> (дата обращения 01.09.2022).

- Ravfogel S. et al.** Counterfactual interventions reveal the causal effect of relative clause representations on agreement prediction [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/abs/2105.06965> (дата обращения 01.09.2022).
- Rubinstein D., Levi E., Schwartz R., Rappoport A.** How well do distributional models capture different types of semantic knowledge? [Электронный ресурс] // Proceedings of the 53rd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and the 7th International Joint Conference on Natural Language Processing. Association for Computational Linguistics. 2015. Pp. 726–730. <https://aclanthology.org/P15-2119.pdf>.
- Subramanian A., Pruthi D., Jhamtani H., Berg-Kirkpatrick T., Hovy E.** SPINE: SParse Interpretable Neural Embeddings // The 32nd AAAI Conference on Artificial Intelligence (AAAI-18), 2018.
- Tenney I., Das D., Pavlick E.** BERT rediscovers the classical NLP pipeline. [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/abs/1905.05950> (дата обращения 01.09.2022).
- Vig J. et al.** Causal mediation analysis for interpreting neural nlp: The case of gender bias [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/abs/2004.12265> (дата обращения 01.09.2022).
- Voloshina E., Serikov O., Shavrina T.** Is neural language acquisition similar to natural? A chronological probing study // Proc. of Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2022”, 2022. Pp. 550–563.
- Weeds J., Clarke D., Reffin J., Weir D., Keller B.** Learning to distinguish hypernyms and co-hyponyms // Proceedings of COLING 2014. Dublin, the 25th International Conference on Computational Linguistics: Technical Papers, 2014. Pp. 2249–2259.
- Yao S., Yu D., Xiao K.** Enhancing Domain Word Embedding via Latent Semantic Imputation, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/abs/1905.08900> (дата обращения 01.09.2022).

References

- Gribova, V. V., Petryaeva, M. V., Okun, D. B., Shalfeeva, E. A.** Medical Diagnosis Ontology for Intelligent Decision Support Systems. *Ontologiya Proektirovaniya* [Ontology of designing], 2018, vol. 8, no. 1(27), pp. 58–73. (in Russ.)
- Rozental, D. E., Telenkova, M. A.** Dictionary of Linguistic Terms [Slovar-Spravochnik Lingvisticheskikh Terminov]. 2nd ed. Moscow: Prosveschenie, 1976, 543 p. (in Russ.)
- Adi, Y. et al.** Fine-grained analysis of sentence embeddings using auxiliary prediction tasks [Online]. 2016 URL: <https://arxiv.org/abs/1608.04207> (accessed on 01.09.2022).
- Bocharov, V., Bichineva, S., Granovsky, D., Ostapuk, N., Stepanova, M.** Quality assurance tools in the OpenCorpora project. In: Proc. of Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2011”. Moscow: RSUH, 2011, pp. 107–115
- Bodenreider, O.** The Unified Medical Language System (UMLS): integrating biomedical terminology [Online]. Oxford University Press, 2004, pp. 267–270. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC308795/> (accessed on: 01.09.2022)
- Chizhikova, A., Murzakhmetov, S., Serikov, O., Shavrina, T., Burtsev, M.** Attention Understands Semantic Relations. In: Proc. of the 13th Conference on Language Resources and Evaluation (LREC-2022), 2022, pp. 4040–4050.
- Conneau, A., Lample, G., Ranzato, M. A., Denoyer, L., Jégou, H.** Word Translation Without Parallel Data [Online]. URL: <https://arxiv.org/abs/1710.04087> (accessed on: 01.09.2022).
- Conneau, A. et al.** What you can cram into a single vector: Probing sentence embeddings for linguistic properties [Online]. URL: <https://arxiv.org/abs/1805.01070> (accessed on: 01.09.2022).
- Ethayarajh, K.** How contextual are contextualized word representations? Comparing the Geometry of BERT, ELMo, and GPT-2 Embeddings. In Proc. of Association for Computational Linguistics, Hong Kong, 2019, pp. 55–65.

- Faruqui, M., Tsvetkov, Y., Yogatama, D., Dyer, C., Smith, N. A.** Sparse Overcomplete Word Vector Representations. Proceedings of the 53rd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and the 7th International Joint Conference on Natural Language Processing, 2015, pp. 1491–1500.
- Gallant, S.** Context vector representations for document retrieval. In: Proc. of AAAI Workshop on Natural Language Text Retrieval, 1991.
- Gustaf, S.** Meaning and change of meaning: with special reference to the English language. Indiana University Press, 1964, 490 p.
- Korogodina, O., Karpik, O., Klyshinsky E.** Evaluation of Vector Transformations for Russian Word2Vec and FastText Embeddings. In: Proc. of Graphicon 2020. DOI 10.51130/graphicon-2020-2-3-18
- Kozlowski, A., Taddy, M., Evansa, J.** The Geometry of Culture: Analyzing the Meanings of Class through Word Embeddings. American Sociological Review, 2017, pp. 905–949.
- Kutuzov, A.** Distributional word embeddings in modeling diachronic semantic change [Online]. Doctoral Thesis, University of Oslo, 2020. URL: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/81045/1/Kutuzov-Thesis.pdf>.
- Lasri, K., Pimentel, T., Lenci, A., Poibeau, T., Cotterell, R.** Probing for the Usage of Grammatical Number. In: Proc. of the 60th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, vol. 1, 2022, pp. 8818–8831.
- Linzen, T., Dupoux, E., Goldberg, Y.** Assessing the ability of LSTMs to learn syntax-sensitive dependencies. Transactions of the Association for Computational Linguistics, 2016, vol. 4, pp. 521–535.
- Loureiro, D., Alipio, M. J.** Language Modelling Makes Sense: Propagating Representations through WordNet for Full-Coverage Word Sense Disambiguation. Proceedings of the 57th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, 2019, pp. 5682–5691.
- Representations. Virtual Event, Austria, May 3-7, 2021. URL: <https://openreview.net/forum?id=mNtmhaDkAr> (accessed on: 01.09.2022).
- Mikolov, T., Chen, K., Corrado, G., Dean, J.** Efficient estimation of word representations in vector space. Proc. of International Conference on Learning Representations (ICLR), 2013 a.
- Mikolov, T., Chen, K., Corrado, G., Dean, J.** Distributed Representations of Words and Phrases and their Compositionality. In: Proc. of 27th Annual Conference on Neural Information Processing Systems, 2013, pp. 3111–3119.
- Rabinovich, E., Xu, Y., Stevenson, S.** The Typology of Polysemy: A Multilingual Distributional Framework, 2020 [Online]. URL: <https://arxiv.org/abs/2006.01966v1> (accessed on: 01.09.2022).
- Ravfogel, S. et al.** Counterfactual interventions reveal the causal effect of relative clause representations on agreement prediction [Online]. URL: <https://arxiv.org/abs/2105.06965> (accessed on: 01.09.2022).
- Rubinstein, D., Levi, E., Schwartz, R., Rappoport, A.** How well do distributional models capture different types of semantic knowledge? In: Proceedings of the 53rd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and the 7th International Joint Conference on Natural Language Processing. Association for Computational Linguistics, 2015, pp. 726–730. <https://aclanthology.org/P15-2119.pdf>.
- Subramanian, A., Pruthi, D., Jhamtani, H., Berg-Kirkpatrick, T., Hovy, E.** SPINE: SParse Interpretable Neural Embeddings. The 32nd AAAI Conference on Artificial Intelligence (AAAI-18), 2018.
- Tenney, I., Das, D., Pavlick, E.** BERT rediscovers the classical NLP pipeline [Online]. URL: <https://arxiv.org/abs/1905.05950> (accessed on: 01.09.2022).
- Vig, J. et al.** Causal mediation analysis for interpreting neural NLP: The case of gender bias [Online]. URL: <https://arxiv.org/abs/2004.12265> (accessed on: 01.09.2022).

- Voloshina, E., Serikov, O., Shavrina, T.** Is neural language acquisition similar to natural? A chronological probing study. In Proc. of Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2022”. 2022. pp. 550-563
- Weeds, J., Clarke, D., Reffin, J., Weir, D., Keller, B.** Learning to distinguish hypernyms and co-hyperonyms. In: Proceedings of COLING-2014. Dublin, the 25th International Conference on Computational Linguistics: Technical Papers, 2014, pp. 2249–2259.
- Yao, S., Yu, D., Xiao, K.** Enhancing Domain Word Embedding via Latent Semantic Imputation, 2019 [Online]: arXiv:1905.08900v1. URL: <https://arxiv.org/abs/1905.08900> (accessed on: 01.09.2022).

Информация об авторах

Сериков Олег Алексеевич, исследователь, Школа Лингвистики НИУ ВШЭ; МФТИ; Институт искусственного интеллекта AIRI; Лаборатория исследования и сохранения малых языков ИЯЗ РАН

Ганеева Вероника Александровна, магистрант, НИУ ВШЭ

Аксенова Анна Александровна, исследователь данных, ПАО «Сбербанк»

Клышинский Эдуард Станиславович, доцент, канд. тех. наук, НИУ ВШЭ

Information about the Authors

Oleg A. Serikov, researcher at HSE University; MIPT; AIRI; Laboratory for Study and Preservation of Minority Languages of the Institute of Linguistics RAS

Veronika A. Geneeva, master student at HSE University

Anna A. Aksenova, data analyst, JSC Sberbank

Eduard S. Klyshinskiy, Assoc. Prof., PhD in CS, researcher at HSE University

*Статья поступила в редакцию 06.09.2022;
одобрена после рецензирования 03.01.2023; принята к публикации 13.01.2023*

*The article was submitted 06.09.2022;
approved after reviewing 03.01.2023; accepted for publication 13.01.2023*

Обзорная статья

УДК 81'25, 81'119

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-83-101

Лексико-семантическое поле *post-truth* в пространстве от истины до правды

Анатолий Федорович Фефелов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

bobyrgan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1015-3433>

Аннотация

Данная статья является обзором работ Р. Кейеса, Ф. И. Гиренока, О. В. Хлебниковой, Л. Макинтайэра по проблематике *post-truth* с терминологическими комментариями автора. На их концептуальной основе и их лексическом материале предпринимается попытка выявить потенциальный состав лексико-семантического поля слабо оформленной лексемы *post-truth* в ее сочетаниях с различными существительными, являющимися индикаторами его предметной интерпретации. В англоязычных словарях она относится еще только к категории прилагательных, в предметной аналитике начинает семантизироваться как понятие, по синонимическим, антонимическим и ассоциативным связям которого выявляются две области понятийной интерпретации: широкая и узкая. Широкая связывает дискурс *post-truth* и анализирует его с позиций науки и традиционной этики, сложившейся под влиянием классических христианских текстов. Узкая, не рассматриваемая в данном обзоре, фокусирует внимание на сдвигах в целях, технологиях, механизмах и, прежде всего, риториках массовой общественно-политической коммуникации в странах «коллективного Запада», выявляя изменения в информационных каналах как на уровне отправителя, так и получателя. Методологическая специфика статьи состоит в том, что анализ семантики лексических единиц *post-truth* и его претензии на новизну проводится на фоне исторического диалога англо-американской, французской и русской культур по вопросу о *truth*, *vérité*, истине и правде, представленных высказываниями писателей, философов и ученых о перечисленных концептах. Соответственно, большое внимание уделяется выявлению корреляции сем *post-truth* и *truth* с семантикой слов истина и правда.

Ключевые слова

ментальный лексикон, постправда, постистина, дезидеративное мышление, дилетантизм, словарная интерпретация, предметная интерпретация, межкультурный диалог, переводческая релокация, смысловая рефракция

Для цитирования

Фефелов А. Ф. Лексико-семантическое поле *post-truth* в пространстве от истины до правды // Вестник НГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1. С. 83–101. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-83-101

Lexico-Semantic Field of POST-TRUTH through the Prism of its Russian Correspondences *Istina* and *Pravda*

Anatoli F. Fefelov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

bobyrgan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1015-3433>

Abstract

This article is a review of the works by R. Keyes, F. I. Girenok, O. V. Khlebnikova, L. McIntyre on the issue of post-truth the author's terminological comments. On their conceptual basis and lexical material, an attempt is made to identify the potential composition of the lexico-semantic field of this yet loosely-formed lexeme through its combinations with various nouns, indicators of its subject interpretation. English-language dictionaries define the lexeme only as an adjective, while in subject analytics it begins to be analyzed as a separate concept. With regard to its synonymic, antonymic and associative relationships, two areas of conceptual interpretation are revealed: broad and narrow. The former analyzes the discourse about post-truth from the standpoint of science and traditional ethics, developed under the influence of classical Christian texts. The narrow one, which is not considered in this review, focuses on shifts in goals, technologies, mechanisms, and, above all, the rhetoric of mass socio-political communication in the countries of the "collective West", revealing changes in information channels both at the sender and recipient levels. The methodological specificity of the article lies in the fact that the semantic analysis of lexical units related to post-truth and its claim to novelty is carried out against the background of a historical dialogue of Anglo-American, French and Russian cultures on the issue of truth, vérité, pravda and istina, represented in the statements and quotes by writers, philosophers and scientists about these concepts. Much attention is paid, therefore, to identifying the correlation of the post-truth and truth semantics with its Russian correspondences pravda and istina not only in lexicographic sources but, first of all, in the translation of statements, made by the author.

Keywords

mental lexicon, post-truth, vérité, post-vérité, wishful thinking, death of expertise, translation relocation, semantic splitting, refraction of meaning, dictionary interpretation, subject interpretation, intercultural dialogue, English, French, Russian

For citation

Fefelov A. F. Lexico-semantic field of POST-TRUTH through the Prism of its Russian Correspondences *Istina* and *Pravda*. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 83–101. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-83-101

"Truth is seldom friend to any crowd"

R. Kipling, The Fabulists

Ici, « le mensonge a autant de force que la vérité »

J. Green

Введение

Целью статьи является обзор работ, прямо или косвенно интерпретирующих семиозис словосочетания post-truth, предметные значения и общественные смыслы которого находятся еще на этапе первичного становления. Не случайно одна из недавних реферативных статей, опубликованная в журнале по социальной эпистемологии, самым своим названием трактует его уничижительно [Martin, 2019]¹. Косвенно это указывает на искусственность острого интереса, возникшего в 2016 году и поддержанного словарной статьей в «Оксфордском словаре» (далее – OD). Дискуссия связана не только с «отменой» понятия truth, на что указывает семантика форманта post-, но и с обнаружением среды, в которой она возникла, с прагматико-коммуникативными интенциями различных ее представителей, реакциями внешнего культур-

¹ "What's the Fuss about Post-Truth?" – «Почему столько шума вокруг постправды?». Или постистины. – А. Ф.

но-языкового окружения, к которому мы относим не только французские и русские отклики, но и накопленные культурами высказывания по концептам VÉRITÉ (в первом случае) и ПРАВДА или ИСТИНА (во втором). Действительно, проблема понятийной и переводческой интерпретации осложняется тем, что в русской ментальности начиная с глубокой древности сложилось два тесно взаимосвязанных, но специфичных в когнитивном и морально-нравственном отношении понятия [Топоров, 1958, с. 83; Успенский, 1994, с. 48, 193; Черников, 1999; Степанов, 2001, с. 443; Знаков, 1999].

Корреляция их с truth, post-truth и vérité также очень важная задача статьи, причем в качестве ее методологического инструмента будет использоваться не только анализ их семантики, но и перевод на русский язык с учетом рефракции словарной семантики единиц в определенном предметном и/или жанровом контексте. Эта зависимость уже была проверена на французском и английском поэтическом и библейском текстах в [Мехонцева, 2004; Иванов, 2008]. Приведем статистику (рис. 1) на материале соответствий лексеме truth в переводах сонетов Шекспира (то есть в любовной лирике), показывающую важность предметного контекста и сложность взаимоотношений между исследуемыми единицами.

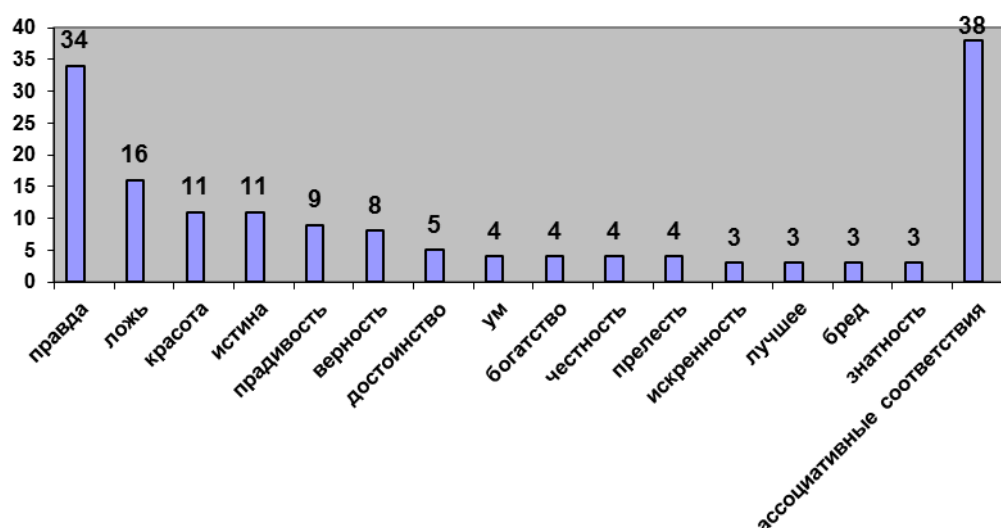


Рис. 1. Частотность вариантов интерпретации понятия truth в переводах сонетов Шекспира
Fig. 1. The frequency of different interpretations of truth in Russian translations of Shakespeare's sonnets

В сонетах, переведенных видными советскими переводчиками, доминирует значение *правда*, которое передается как прямым эквивалентом *правда*, так и антонимом *ложь*, передающим в контексте противоположный смысл, и аналогами *правдивость*, *честность*, *искренность*. В совокупности это 66 эквивалентов, тогда как значение *истина* с аналогами *верность*, *ум* насчитывает 23 эквивалента. Заметим, что часть значений антонима *ложь* может быть больше связана с истиной, чем с правдой, но вывод о доминировании понятия *правда* это не дезавуирует. С точки зрения предметно-жанровой специфики важно подчеркнуть наличие большого числа всевозможных контекстуальных эквивалентов, которые словарными синонимами truth вообще не являются. Особенно это касается ассоциативных лексем, первых по численности, вроде «квинтэссенция», «ты», «твой дух», «сокровища», «цвет», «совершенство», «скромность», «естественное чувство», «здравый смысл», «злоречивая молва», «должное», «очарование», «сила», «свята», «цель», «смысл», «путь», «воля».

Одному понятию truth в разных контекстах и переводах сонетов соответствуют 47 перевыражений. Это говорит в первую очередь об индивидуальности декодирования переводчиками (и затем читателями) этого понятия, а также о его особо сложной корреляции с правдой и исти-

ной в русской лингвокультуре. И французские постмодернисты с их плюралистичной истиной восприятия оказываются в этой никем не нормируемой сфере правыми. Именно сумма фиксируемых индивидуальностей показывает, как одна культура интерпретирует текстовые смыслы другой; другого способа выявить это нет, так как словарь фиксирует лишь языковые значения лексемы *truth*, а не предметные смыслы и тем более художественные видения.

Другое дело религиозный, специальный предметный или общенаучный дискурс; в них значения слов обязательно нормируются, приобретают статус терминов и переводятся как термины или же приобретают статус устойчивых регулярных эквивалентов. Русский синодальный перевод и английская King James Version, например, создавались независимо друг от друга и в разные культурно-исторические эпохи, но пары *truth* – *истина* и *truth* – *правда*, *правда* – *righteousness* оказались семантически прочно связанными. При этом число альтернативных вариантов неизмеримо меньше, чем в переводах сонетов.

Нормирование прямо касается и терминоида *post-truth*. Задача обзора (предмет исследования) состоит в том, чтобы выявить структуру лексико-семантического поля этой единицы.

Лингвистическое описание лексемы *post-truth* и ее семантического поля

Начнем с анализа лингвистической и лингвопрагматической – текстовой, жанрово-стилистической – информации, доступной в настоящий момент в различных толковых и специальных словарях, о слове *post-truth*. Она есть не только в британских и американских справочных изданиях, но и во французских [«*Tourpictionnaire*» : *Le dictionnaire de politique*], где фигурирует в виде существительного *post-vérité* и прилагательного *post-factuel(le)*. Анализ словарных статей позволил сделать ряд выводов.

Доминирует письменная форма с дефисом, но для British English Collins English Dictionary дает и альтернативную орфографию без дефиса – *posttruth*².

Доминирует полное произношение, но в единичном случае³ указываются возможность редукции согласного на стыке префикса и корня: [ˌpəʊs(t)ˈtruːθ] и стандартное различие между британским [ˌpəʊstˈtruːθ] и американским [ˌpoʊstˈtruːθ] вариантами дифтонга.

Во всех толковых словарях слово относится к категории прилагательных, что подкрепляется соответствующими примерами. Их перечень обозначает приоритетную сферу их функционирования. Это публичная политика, политическая жизнь, политическая коммуникация:

- *the era of post-truth politics; the world has entered an era of **post-truth** politics;*
- *...helps to foster this “**post-truth**” era of politics⁴;*
- *Would it be fair to say we live in a **post-truth** era? a “**post-truth**” White House;*
- *“Fake News in a **Post-truth** World” (название лекции);*
- *...adaptation to the **post-truth** environment;*
- *The candidate has run a **post-truth** campaign...;*
- *Welcome to the **post-truth** world⁵;*
- *We exist in the postmodern, relativistic, **post-truth**, post-fact multiverse of our own making⁶;*
- *We live in a **post-truth** age⁷.*

² <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/post-truth>.

³ <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/post-truth>.

⁴ New York Times (Nov. 8, 2016). URL: <https://www.nytimes.com/2016/11/09/opinion/were-near-the-breaking-point.html>.

⁵ The New Yorker (Nov. 3, 2016). URL: <http://www.newyorker.com/culture/culture-desk/adam-curtiss-essential-counterhistories>.

⁶ Nola.com (Mar. 6, 2017). URL: http://www.nola.com/opinions/index.ssf/2017/03/you_wont_believe_this_or_at_le.html.

⁷ The Atlantic (Aug. 24, 2012). URL: <http://www.theatlantic.com/business/archive/2012/08/the-age-of-niallism-ferguson-and-the-post-fact-world/261395/>.

Все цитируемые источники примеров, как видим, американские, но явление подается как мировое, универсальное, что далеко не очевидно. Это объясняется привычкой экстраполировать американские тенденции политической или общественной жизни на «весь мир», подразумевая при этом весь американоцентричный мир. Отметим также, что в большинстве примеров трансформация политикума подается как свершившийся факт, и лишь в двух случаях он подвергается сомнению с помощью кавычек. Это важный сигнал, аналогичный прием концептуализации в условиях неопределенности и/или слома часто встречается и при описании оснований развивающейся параллельно культуры отмены [Фефелов, 2022].

Намечается и альтернативная точка зрения на post-truth. Утверждение *We are in post-truth politics. ...We have always been in post-truth politics*⁸ предлагает рассмотреть его, во-первых, в более широкой политико-исторической перспективе и, во-вторых, на базе более серьезных предметных подходов.

Забегая несколько вперед, можно сказать, что понятие truth politics, то есть политика, основанная исключительно на правдивой информации и принципиально избегающая нечестных приемов, манипуляции, скрытой лжи, апелляции к чувствам, вообще никогда не существовала где бы то ни было. На эту особенность политической жизни указывают многие, и в частности французский источник, цитирующий авторитетнейшего американского социального философа Ханну Арендт: «Честность никогда не числилась среди политических добродетелей, тогда как ложь всегда считалась совершенно оправданным средством в политических делах»⁹ (перевод наш – А. Ф.). К такому же выводу пришел некогда и французский писатель американского происхождения Жюльен Грин (Julien Green), его слова приведены во втором эпиграфе к настоящей статье, причем он противопоставляет ложь/вранье правде, а не истину заблуждению: «Ложь [здесь] обладает не меньшей силой, чем правда» (или иначе: имеет не меньшее значение, чем правда). А другой французский мыслитель, Реми де Гурмон (1858–1915), имел смелость пояснять компромиссы прессы с правдой суровой действительностью издательского бизнеса: «Тираж должен расти непременно. Это основное требование – принцип. Сколько газет закрылось из-за того, что им не хватало выдуманных новостей (*fausses nouvelles*), ярких скандалов, изобретательных выдумок (*spirituels mensonges*)»¹⁰. Аналоги основных нынешних английских неологизмов у него были уже на рубеже XX века.

Возвращаясь к словарям, заметим, что утверждение в примере *In this post-truth era, science is needed more than ever* напоминает о том, что проблема должна рассматриваться и в своей законной области, в сфере предметной научной и философской мысли, то есть там, где были сформированы критерии истинности знания. Именно с ней связан пессимистичный эпиграф Киплинга, справедливо указавшего (среди многих других, конечно) на то, что профанному человеку Истина (и истины) доступна в виде исключения. Но он может жить по правде.

Для словарных дефиниций характерно отсутствие точных геокультурных координат областей распространения *post-truth* или культурных систем, пораженных ею, что сильно снижает когнитивную и прагматическую ценность информации. Вместо геокультурных координат фигурируют существительные *circumstances in which...*¹¹, *a situation in which...*¹², *a culture in which...*¹³, *a situation or system in which...*¹⁴.

⁸ Slate Magazine (Aug. 31, 2016). URL: http://www.slate.com/articles/news_and_politics/politics/2016/08/the_biggest_political_lie_of_2016.html.

⁹ «La vérité n'a jamais figuré au nombre des vertus politiques, et le mensonge a toujours été considéré comme un moyen parfaitement justifié dans les affaires politiques».

¹⁰ «Il faut faire monter le tirage. C'est un grand principe. On a vu des journaux mourir faute de fausses nouvelles, fautes d'injures inédites, faute de spirituels mensonges.» Rémy de Gourmont. *Épilogues* (février 1898).

¹¹ Oxford Languages. URL: <https://languages.oup.com/google-dictionary-en>.

¹² <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/post-truth>.

¹³ <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/post-truth>.

¹⁴ <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/post-truth>.

Они могут относиться к любой исторической эпохе и любой политической или социокультурной системе, элиминируя, например, существенные характеристики долгой борьбы света светской науки и просвещения против обскурантизма и «шарлатанства» христианской церкви как раз по вопросам истины и правды. Проиллюстрируем эту динамику двумя цитатами. Андре Лорюло (1885–1963) мотивировал некогда интенцию своей «Комической Библии с картинками» и всю ее риторику осмеяния желанием «показать инфантильную суть Священного Писания, акцентировать ее абсурд, аморальность и ложь», и все это «во имя борьбы против эксплуататорского клерикализма, пагубных суеверий и предрассудков»¹⁵ [Lorulot, цит. по Tourpilles]. Современный европоцентричный культурный контекст с его культом прав отдельной личности показывает, однако, что духовность человека от этого никак не выросла; скорее наоборот – человек стал эгоцентричнее и циничнее, превращая себя строго по библейскому тексту в «пуп земли». Как раз в этом смысле высказался еще в 1970 году Жан Бодрийар, предсказав «перекося» по критерию истинности в области эмансипации тела в сознании современного западного человека (особенно американского), оказавшегося беззащитным перед очередным валом (вполне, впрочем, управляемым) «революционных» идей, связанных с защитой разнообразия половых практик, волюнтаристского гендерного самоопределения. Они полностью игнорируют фундаментальные истины биологии, генетики и психологии, хотя иногда и соответствуют правде жизни. Обычно «открытие»¹⁶ тела трактовалось в морально-этическом и философском планах, написал он, как критика церковных догм о сакральном, как движение к большей свободе, к истине, к эмансипации, то есть как бой (интеллектуалов) за человека и против Бога. Однако эта борьба привела не к искомой десакрализации сознания, а к попыткам его ресакрализации. Другими словами, от культа освободиться не удалось. Строго по формуле «свято место пусто не бывает» вместо прежнего религиозного культа души (и духовного) в обществе стал возникать культ тела, который при этом унаследовал *прежнюю идеологическую* функцию души/духовного в ментальности человека¹⁷. На наш взгляд, актуальность post-truth проблематики состоит только лишь в том, что пренебрежение принципом достоверности публикуемой информации и подмена рационально-логической аргументации аффективным воздействием возникли в самом неожиданном месте, в «передовой» для широкой публики стране и оттуда стали распространяться на остальной мир.

Датировка появления post-truth в словарных статьях отсутствует, хотя понятно, что явление мыслится как современное, поскольку само слово имеет статус неологизма. Однако некоторые социокультурные особенности примеров указывают на период примерно с 2016 года. Для толковых словарей такая неопределенность вполне допустима, но нужно иметь в виду, что они не анализируют само явление во всей его полноте, а всего лишь дают первое определение не столько новой лексической единице, сколько настораживающим сдвигам в ментальности американского медийного сообщества, которые ассоциируются с post-truth.

Специальные же источники, отражающие материал и выводы предметных исследований, указывают, например, что книга американского социолога и социального психолога Ральфа Кейеса «Эра постправды» с красноречивым подзаголовком «Нечестность и обман в современ-

¹⁵ « Mais derrière le rire, mon but est de faire un peu d'éducation. En me moquant, j'espère amener le lecteur à réfléchir. En faisant ressortir le caractère enfantin des «Saintes Ecritures», en mettant en relief les absurdités, les immoralités, les mensonges contenus dans le «Livre de Dieu», j'ai conscience de faire oeuvre utile contre le cléricalisme exploiteur et contre la superstition néfaste [...] avec bon sens, joyeusement, démolissons l'oeuvre des charlatans! Débourrons les crânes! » André Lorulot (1885–1963). La bible comique illustrée.

¹⁶ Кавычки Бодрийара.

¹⁷ «Sa «découverte», qui fut longtemps une critique du sacré, vers plus de liberté, de *vérité*, d'émancipation, bref un combat pour l'homme contre Dieu, se fait aujourd'hui sous le signe de la *resacralisation*. Le culte du corps n'est plus en contradiction avec celui de l'âme : il lui succède et hérite de sa fonction idéologique.» Baudrillard, Jean. La Société de consommation, 1970.

ной жизни»¹⁸ увидела свет в 2004 году, а взрывной рост употребления термина в 2016 году они связывают с референдумом по Брекситу в Соединенном Королевстве и победой Д. Трампа на президентских выборах. При этом наиболее ярким и бесспорным примером действий, стимулировавших признание идеологии post-truth в качестве новой информационно-коммуникативной реальности, признается факт, имевший место еще 5 февраля 2003 года, когда тогдашний госсекретарь США Колин Пауэлл во время официального выступления в ООН предъявил в качестве объективного доказательства (оказавшегося, однако, сфабрикованным и подложным) пробирку, ставшую главным аргументом, повлиявшим на голосование в ООН и послужившим основанием для обвинения Ирака в производстве химического оружия массового поражения. Р. Кейес приводит много примеров подобного рода, пусть и не столь цинично трактующих альтернативную ментальность американоцентричного адресата, из гораздо более ранней истории США, как, впрочем, и Ноам Хомский¹⁹.

Таким образом, суть новой на первый взгляд информационной культуры, идентифицируемой с постправдой, состоит в том, чтобы склонять общественное мнение в свою пользу, воздействуя на него с помощью демагогии и простых эмоциональных аргументов. Соответствующие семы выделяются в слове post-truth всеми толковыми словарями: 'shaping public opinion'; 'people are more likely to accept'; 'appeals to emotion and personal belief'; 'an argument based on their emotions and beliefs, rather than one based on facts'; 'appeals to the emotions tend to prevail over facts and logical arguments' и т. п. При этом радикальнее других формулирует позицию Macmillan Dictionary: 'the truth is neglected or ignored in favour of emotions and beliefs', вольно или невольно утверждая, что эмоции (или реабилитируемый теперь эмоциональный интеллект), верования и мнения (ср. типичное английское I believe) несовместимы с truth. Передавать смысл сказанного в этом контексте будет адекватнее всего русским соответствием *истина*, а не *правда*.

За пределами словарей предлагается еще один – сугубо прагматический – критерий определения истинности, правдивости, надежности и серьезности предлагаемой печатной информации: степень авторитетности и профессионализма органа печати. Так, социальный эпистемолог Дес Хьюитт закономерно задается вопросом: "...but when did newspapers such as The Sun and Daily Mail ever have a reputation other than that of entertainment" [Des Hewitt, 2020, p. 50]. Тем самым он оживляет в языковом сознании термины вроде «бульварное издание», «таблоид», «желтая пресса», «семейная газета», «женский журнал», «рекламный листок» и т. п., которые напоминают, что понятие truth принципиально не могло и не может находиться в центре их внимания в силу специфических информационных ожиданий их профильного адресата и что вся актуальная истинностная повестка неизбежно подвергнется в них смысловой рефракции. Сема *истина/правда* в данном случае вообще нейтрализуется, поскольку перед изданиями стоят другие коммуникативные цели. Эту ремарку Д. Хьюита логично экстраполировать и на торгово-маркетинговую сферу, руководящими и направляющими стимулами в которой являются бренды, марки, программы лояльности, то есть особая культура манипулирования «свободными предпочтениями» потребителей.

¹⁸ Ralph Keyes (2004). The Post-Truth Era: dishonesty and deception in contemporary life. Наряду с термином *post-truth era* в книге широко употребляется и существительное post-truthfulness, характеризующее новую «альтернативную» этику коммуникативного поведения индивидов и юридических лиц, кодируемую также креативным эвфемизмом *alt.ethics* ("This term refers to ethical systems in which dissembling is considered okay, not necessarily wrong, therefore not really 'dishonest' in the negative sense of the word" [Keyes, 2004, p. 16]). В философском заключении французского писателя Геэнно (Guéhenno) та же мысль была выражена в стандартных терминах: «Мы прозябаем в промежутке между истиной и заблуждением, правдой и обманом, в котором перемешаны и справедливость, и ее противоположность». Заметим, что оригинальное *vérité et mensonge* в русском **приходится передавать дважды**, поскольку отделить здесь истину от правды невозможно.

¹⁹ См. резюме его версии post-truth в [Фефелов, 2017].

Категоризация и концептуализация post-truth в значительной степени облегчаются с помощью выявления круга его реальных или потенциальных синонимов, антонимов и ассоциатов. Macmillan Dictionary предлагает очень длинный список синонимов, принцип отбора которых требует комментария. Все они развивают так или иначе *буквальную* семантику компонентов комплекса post-truth с точки зрения способности выполнять функции эвиденциальности и/или эпистемологической модальности. Но в них практически полностью отсутствует связь с той или иной практической или профессиональной областью деятельности, в которых реализуются этические установки деятелей и где, с одной стороны, видна специфическая связь деятельности с проблематикой истинности, а с другой — возмущающее влияние информационной технологии на соотношение объективности/эмоциональности в информационном канале. Так, несмотря на длину списка, в нем отсутствует, например, выражение *highly likely*, ставшее уже знаковым для характеристики достоверности умозаключений в современном британском дипломатическом и государственном дискурсе.

- Наречия (adv.): apparently, allegedly, seemingly, outwardly, seemingly, supposedly.
- Прилагательные (adj.): supposed, alleged, doubtful, speculative, unfounded, anecdotal, unsubstantiated, apocryphal, baseless (formal), debatable, deniable, disputable, disputed, equivocal (formal), factitious (very formal) fallacious (formal), false, far-fetched, fictitious, fictive (formal), groundless, ill-founded (formal), illogical, implausible, impressionistic, improbable, inconclusive, intuitive, invalid, lame, misconceived (formal), misguided, misleading, nonsensical, ostensible, post-fact, presumptive (very formal), purported (formal), putative (formal), questionable, reputed (formal), rumoured, seeming (formal), specious, spurious (formal), subjective, surface, tentative, theoretical, transparent, trumped-up²⁰, unclear, unconfirmed, uncorroborated, unlikely, unproven, unreliable, unsafe (Legal British), unscientific, unsupported, untenable, untrue, untruthful, wishy-washy (informal).
- Словосочетания (phrases): betwixt and between (literary), be without foundation, in dispute, in question, it's a game of two halves, on someone's say-so (informal), open to debate, open to dispute, open to doubt, prima facie.

Что касается несловарных синонимов, то на роль таковых претендуют прежде всего слова *lies*, *fake-news*, выражение *death of expertise* и даже PR. В массовой политически маркированной коммуникации первое, характеризующее как истинностные качества информации, так и установки ее поставщиков/отправителей (*purveyors*), снова выходит на передний план, поскольку кое-кто понял «вдруг», что в пестовавшейся десятилетиями информационной среде правды и истины не так уж много, как хотелось бы или как утверждается в полемическом противостоянии с идеологическими противниками. Политтехнологи и PR-специалисты предпочитают не акцентировать внимание на старых истинах и заключениях наблюдателей прошлого вроде очень авторитетного Дж. Оруэлла, открыто сказавшего, что «предназначение политического языка состоит в том, чтобы придать достоверность вранью и видимость солидности пустому сотрясанию воздуха»²¹. Действительно, неологизм *fake news* концептуализирует то же самое политико-коммуникативное явление немного иначе: он указывает на главный инструмент реализации постфактуального пафоса политического дискурса и одновременно несет в себе функции обвинения противника и агитации за свою партию.

Словосочетание же *death of expertise* существенно меняет ракурс анализа структуры поля; оно указывает на главную для некоторых аналитиков причину распространения культуры post-truth не только и не столько в политической, маркетинговой, менеджерской коммуникации, сколько в деятельности, которая продуцирует научную информацию и знания, обеспечивает

²⁰ Слово со значением *сфабрикованный* появилось до Трампа, но ясно, что в современном контексте борьбы против «новой лжи», символом которой демократам очень выгодно объявлять Д. Трампа, оно может и должно стать элементом публичной *knowledge game* (о ней подробно во второй статье).

²¹ Переведено по французскому источнику: « Le langage politique est destiné à rendre vraisemblable les mensonges, ... et à donner l'apparence de la solidité à ce qui n'est que vent. » George Orwell (1903–1950).

их надежную передачу, то есть качественное образование. Речь идет о реабилитации дилетантства и дилетантов, снижении требований к научно-методическому и профессиональному уровню публикуемых в широкой печати материалов и результатов исследований.

Именно этот ракурс превалирует в российских толкованиях гештальта интеллектуальной активности, свойственного новорусскому поколению молодых (интернет-)мыслителей. В России внимание привлекает в первую очередь эволюция типа мышления, а именно – возникновение так называемого клипового мышления, свойственного молодежи, а не их этические установки. Сам же эффект post-truth в его российской версии в этом случае становится его прямым следствием. При этом такое мышление вообще не связывается с политиками и органами политической коммуникации; проявляясь в самых различных сферах, оно заметнее всего в организации текста-рассуждения, его логической связности, неспособности авторов синтезировать содержание нескольких источников, длине и т. п.

С учетом проблематики данной статьи важно подчеркнуть, что толкование death of expertise всецело относится к семантическому полю истины, а не правды; к связи клипового мышления с критериями объективности, строгости, научности, логичности, а не к корпоративной этике, культуре правды и лжи, неизменно выходящим на первый план в анализе политического дискурса.

Есть, конечно, и информационная среда, в которой американская alt.ethics информационно-политической коммуникации и клиповое мышление пересекаются. Это область «большой цифры», на негативную роль которой указывают почти все. Этот вывод следует, например, из сетований главного редактора газеты The Guardian Катарины Вайнер (Katharine Viner) в заметке «Как цифровой мир повлиял на наше отношение к правдивой информации»: «Никогда еще не было так легко опубликовать ложные информационные сообщения, как в условиях нынешней цифровой коммуникации; они моментально репостятся и начинают восприниматься как правда... Они не стремятся укрепить социальные связи, не видят связи информирования ни с долгом гражданина, ни с принципами демократии; наоборот, эта среда стимулирует создание массы разрозненных обособленных групп, которые занимаются распространением всяких выдумок лишь затем, чтобы сплотиться вокруг них и противопоставить себя тем, кто называет ложь ложью».²²

Мимоходом она обозначает и тревожную тенденцию во взаимоотношениях медиа с читателями: адресат в лице различных социокультурных групп и субкультур сам склонен к избирательной игре с новостями, игнорируя установки медийных авторитетов (high-profile writers) и всего информационного сообщества. Однако содержание термина post-truth era раскрывается для нас в этом случае уже иначе: существуют категории своего (национального) адресата, которые саботируют деятельность честных высокопрофессиональных СМИ страны и сводят на нет их усилия по распространению достоверной информации, предлагая свои истинностные интерпретации событий настоящего и, что характернее, прошлого, причем иногда далекого. Маркерами (хэштегами) подобной оппозиционности в английском языке стали слова truther, truth-teller (с дефисом или без), dox/doxx (связываемое к тому же с заграничными кибератаками), fact-challenged (ср. [Кригер, 2020]).

Для адекватного понимания смысловой и символической нагрузки этих единиц нужно, как и всегда, успешно преодолеть барьер буквализма и межъязыковой асимметрии. Существительное truther (употребляемое также и в функции определения) – это человек, который упорно отрицает достоверность общепринятого толкования причин какого-нибудь значимого события (например, атака на башни-близнецы Всемирного торгового центра или высадка на Луну) и продвигает свои версии, как правило, связывая произошедшее с тайной деятельностью мировой закулисы, спецслужб и т. д. В этом значении («сторонник теорий мирового заговора») слово truther очень часто получает отрицательную коннотацию, являясь, по сути, эвфемизмом

²² Katharine Viner, « Comment le numérique a ébranlé notre rapport à la vérité » (12 juillet 2016).

для перевыражения диагностических слов *страдающий манией преследования, параноик, больной*. В русскоязычной среде таких можно назвать *разоблачителями*, тогда как слова *правдец* (например, о Солженицыне) или *неполживец* (о советских шестидесятиниках) искажат социокультурное содержание слова *truth-teller* полностью. В отличие от *truth-teller* ('борец за правду, правдец') с обсуждаемым кризисом честного информирования оно вообще не связано; может употребляться с оттенком иронии (ср. 'правдоруб'), возникающим часто в бытовых ситуациях, но, в принципе, является высшей похвалой. Так, John Pilger, рекомендуя книгу Ноама Хомского *Making the Future* (2012), называет его "a truth-teller on an epic scale" – 'бескомпромиссный боец за правду'; 'защитник истины эпического масштаба'; 'правдолюбец'. А буквальный перевод *truth-teller* в предложении *Но г-н Трамп верит, что избиратели, только что пережившие трудные времена... примут его как рассказчика правды* крайне неудачен. В ситуации предвыборной кампании он для них не может быть неким рассказчиком правды или правдолюбом, поскольку он эксплуатирует высокий образ разоблачителя или изобличителя всякой лжи. Поэтому сомнение в конце нужно выразить иначе: *примут его как носителя правды*. Что касается *dox/doxx*, то оно отражает современную практику анонимного или замаскированного распространения ложной информации по интернету под видом достоверной.

В связи с замечанием К. Вайнер важно отметить, что русскоязычный профессиональный дискурс не справляется с передачей семантики слова *expertise* в критически важном для предметного осмысления словосочетании *death of expertise*: в текстах обычно появляется буквальный эквивалент *экспертиза* (с указанием на ее конец, смерть и т. д.), что совершенно запутывает уже вполне сложившуюся в русском языке систему значений этого давно ассимилированного заимствования.²³ Другими словами, интерпретаторы не берут на себя труд вписать новую квазиконцептуальную метафору *death of expertise* в существующую русскую систему. В русском языке *экспертиза* – это «исследование экспертами вопросов, решение которых требует специальных познаний в области науки, техники, искусства и т. д. Результаты Э. оформляются в виде экспертного **заключения** (= второе значение того же слова). Поэтому и существуют проектно-строительные, патентоведческие, планово-экономические, врачебно-трудовые, судебные, лингвистические, почерковедческие экспертизы»²⁴.

В английском слове *expertise* (*n*) это значение, развившееся в русском, отсутствует вообще. Документ называется иначе: *expert opinion*, ~ *conclusion*, ~ *report*, ~ *judgement*. Связь с его надежностью и высоким профессиональным уровнем передается в нем словом *expert* ('эксперт'; 'экспертный'). В *death of expertise* реализовано то же значение 'expert skill or knowledge in a particular field', которое может передаваться большой группой слов, среди которых приоритетны *proficiency*, *skillfulness*, *expertness*, *competence*, *knowledge*, *professionalism*, *know-how* (*informal*). В русском им и исходному слову соответствуют *компетентность*, *профессионализм*, *профессиональная подготовка*, *квалификация*, *знания и опыт*, *образование*, *ноу-хау*, *мозги* (*разг.*), *дипломы* (*разг.*). В результате вместо пустой сущности *смерть экспертизы*, где имитативная форма подавляет вполне рациональное содержание, появится *дорогу дилетантам, компетентность обнуляется* или *образованные больше не нужны, сами справимся*. При этом слово «экспертиза» в значении 'экспертное заключение' в управленческой, производственной, судебной и научной деятельности России будет здравствовать, как и прежде.

Рассмотрим далее, как *post-truth* концептуализируется в различных предметных сферах и как обогащается его лексико-семантическое поле. Предметные категоризации подразделяются нами на широкие (этические, научные, философские) и узкие, прямо связанные с задачами внутри- и межкультурной коммуникации и ее политехнологическим обеспечением. Узкие будут рассмотрены в отдельной статье. Там будет доказываться тезис, что на самом деле

²³ См. пример буквализма в «Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания» (Николс, 2019).

²⁴ <https://gufo.me/dict/bse/%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0>.

мы имеем дело с локальным «открытием» в области политико-информационной коммуникации, с избавлением европоцентричной прессы от упорно культивировавшейся идеологической иллюзии в своем культурно-историческом праве распоряжаться понятиями истина/правда и судить об их присутствии/отсутствии в деятельности различных общественных и государственных институтов, формулировать критерии соответствия и транслировать их за пределы своей зоны влияния в целях борьбы с политико-идеологическими противниками.

Широкие предметные концептуализации post-truth: Кейес, Гиренок, Хлебникова, Макинтайэр

Итак, имеющаяся на данный момент словарная информация не способна дать сколь-нибудь внятного и четкого представления о действительном содержании декларируемой эры post-truth. Словари на это и не претендуют, в них нет искомой сущности – самого концепта (понятия), а слово используется в качестве характеристики современной эры, мира, периода, ситуации, культуры и т. п.

Предметный научный подход не может удовлетворяться трактовкой прилагательных. За ними скрываются какие-то концептуальные сущности (концепты, понятия), но попытки сформулировать их заставляют оторваться от американских общественно-политических реалий последних лет и сразу наводят на грустные выводы.

Действительно, ложь, различные формы искажения истины (привязанные к технологическим особенностям информационных и властных каналов), дезинформация, фальсификация, слухи, мистификации появились в политике задолго до прихода цифровой эры. Отсюда и скептический вывод о попытках сформулировать post-truth как новое понятие: «...Оно слишком размыто и не может еще использоваться как концепт, так как ассоциируется с массой патологических проявлений различного рода, которые могут повлиять на раскрытие научной истины, а сама агнотология, то есть преднамеренная фабрикация ложной информации, распространяется на чрезвычайно разнородные области деятельности»²⁵. В истории культур сохранилось огромное количество высказываний видных деятелей культуры и науки о месте различных видов истины в жизни человека и общества, которые полностью или частично подтверждают этот вывод. Тем не менее усилия прилагаются, и мы должны рассмотреть в рамках обзора идеи и терминосистемы четырех авторов.

Р. Кейес рассматривает вопрос преимущественно в общекультурном ключе, умозрительно оценивая с позиций моралиста адекватность своей формулы об эре постправды на примере чуть ли не всех профессиональных групп и слоев американского общества. Вероятно, потому она и не была замечена на заре XXI века. Так, проводя тезис о том, что возможности для обмена «вне всяких сомнений» (букв. clearly) ширятся, он вводит новое слово lie-tolerant (терпимо относящийся ко лжи), характеризуя с его помощью единую (для него) категорию американских врачей, адвокатов и политиков (“therapists, lawyers, and politicians”), объединяет их не строго, а по житейскому принципу «без хитрости успеха у клиента не добиться». Естественными носителями альтернативной этики обозначены именно эти группы; затем идет университетская профессура, зараженная постмодернистскими (то есть французскими) интеллектуальными идеями; далее фигурирует излишнее увлечение американского общества «сторителлингом»²⁶; потом эксплицируется «негативное влияние электронных СМИ» с их «индифферентностью к точности информации» (букв. veracity) и все поколение бэби-бумеров с их alt.ethics, и заканчивает перечень анонимность интернет-коммуникации [Keyes, 2004, p. 83]. Громкий вывод в духе Н. Хомского – “Everyone lies, especially our leaders”²⁷ – был сделан им на примерах

²⁵ Paul Jorion. Idées (07/04/2017).

²⁶ Кавычки в оригинале.

²⁷ С дополнением о том, что нечестность у президентов перестала быть исключением из правил: “Dishonesty has come to feel less like the exception and more like the norm”. Нормой ее никто и никогда в политике не объявит,

Эйзенхауэра (1960 г.), Никсона, Рейгана, Клинтона, Буша [Ibid., p. 15], которые сейчас среди «лжецов» уже не упоминаются. Но его можно было обосновать и «древней» цитатой из Киплинга: “There are not leaders, to lead us to honour”, предвосхитившего это заключение.

Р. Кейес допускает, что в ментальности общества могла иметь место эволюция рациональных установок (“...Clever people that we are, we have come up with rationales for tampering with truth, so we can dissemble guilt-free” [Ibid., p. 15]), но постправда для него – это все-таки морально-нравственный феномен, который пребывает в «сумеречной» зоне этики (ethical twilight²⁸ zone). Полагаем, что здесь описывается пресловутое двуличие (лицемерие) воспитанного западного человека, который находится сейчас на новой стадии эволюции, эксплицированной знаменитой формулой survival of the fittest Ч. Дарвина. Выживает, однако, не сильнейший, как ошибочно утверждает ее принятый русский перевод, а тот, кто умеет приспособиться к окружающей среде. Сема *сильнейший* стала приобретать актуальность лишь тогда, когда понятие *окружающая среда* начало охватывать в ее геополитическом толковании весь земной шар, а понятие biological или human species метафорически преобразовалось в political species, то есть конкурирующие государства или культурно-политические общности. Эти последние действительно глубинно стремятся взаимодействовать по «русскому переводу», что подтверждается приверженностью американской культуры принципу состязательности (competition) везде и во всем. Поэтому характеризуя современную американскую культуру, Кейес смело говорит о принятии лживости (неискренности) как обыденности, как привычного дела (“lying as commonplace”), но главным ее «активатором» он называет все-таки СМИ (“the media are a primary enabler²⁹ of post-truthfulness”), что и составляет специфичность позиции Р. Кейеса по данной проблематике. Причин тому он видит две: 1) ненасытный аппетит к красочной копии (“its insatiable appetite for colorful copy”), и за этой метафорой кроется акцентированная словарями установка на эмоциональность подачи информации; а также 2) популярные, авторитетные авторы со своей стилистикой (“high-profile writers”) [Ibid., p. 121]. Альтернативная этика визуальных медиа подчеркивается особо, так как «картинка», лица ведущих в кадре дают им более богатые технологические возможности для манипулирования содержанием и адресатом [Ibid., p. 124].

В России проблематика постправды как некоего глубокого сдвига в вербальных реакциях своего сознания на внешние события признается и освещается, но не по Кейесу, то есть не в этической плоскости, и это закрепляет за ней совсем другую систему терминов. В философской концепции Ф. И. Гиренкока для описания рефлексивной активности современного человека используется три взаимосвязанных понятия: «параллельный мир», «клиповое мышление» и «локальный дискурс». Сознание в параллельном мире нерелексивно и всегда, как у детей, актуально, то есть всегда равно содержанию сознания. В реальном мире нужно обязательно стать элементом социальной группы, то есть пройти социализацию, и тогда человек получает свойство, объективированное окружением, которого вне социума у него нет. У человека, пребывающего в параллельном мире, «изменение содержания... предстает как другое сознание, которое отсылает только к самому себе и ничего не знает о том, что было до него и что будет после» [Гиренок, 2012, с. 41]. Одним из способов связывания высказываний (то есть «мышления») является коммуникация в режиме бреда³⁰, который функционирует как «ментальная машина схватывания всего целого в одно мгновение» [Там же]. Этот новый тип сознания называется клиповым, ему соответствует клиповое мышление. Настоящее, то есть наблюдаемое здесь и сейчас, неотлично у носителей клипового сознания от его визуализации, и потому в их параллельном мире доминирует локальный дискурс [Там же]. Истинным источником локаль-

поскольку честность, как и Истина, это вечный **идеал**. Стоит признать нечестность нормой, и манипулятивный потенциал внутри- и, особенно, внешнекультурной пропаганды резко снизится.

²⁸ Во французском материале встречается примерно та же метафора: clair-obscur = ‘полусвет’; ‘светотень’.

²⁹ Другие используют примерно в этом же значении слово dispensers.

³⁰ Здесь это уже не психиатрический термин.

ного дискурса является не мышление, а воображение: «это речь, погруженная в воображение»; в ней «нет метанарраций, она принципиально нелинейна, и потому высказывание реальности в ней репрессуруется» [Там же]³¹.

О. В. Хлебникова трактует мыслительные и познавательные установки человека, проявившиеся в концепте постправды, тоже достаточно широко, то есть вне привязки post-truth к медийно-информационному сообществу. Вместе с тем она, в отличие от Гиренока, эксплицитно признает существование феномена post-truth, с одной стороны, и структурирует гештальт носителя клипового мышления, с другой. В качестве типового носителя такового мыслится постулируемая ею нарциссическая личность. Понятия *постправда*, *современный мир*, *его социокультурные практики*, *нарциссическая личность*, *истина* связываются воедино следующим образом: «... само обращение к концепту постправды является констатацией сложившейся явным порядком в современном мире ситуации, когда, с одной стороны, истина всегда менее важна, чем частный комфорт нарциссической личности, а с другой – в абсолютном смысле истина более не значима для действующих социокультурных практик» [Хлебникова, 2022, с. 195].

Для проблематики данной статьи самым значимым здесь моментом выступает интерпретация компонента *правда* в русском термине *постправда* **исключительно** через семантику слова *истина*. Другими словами, говоря «постправда», Хлебникова, на наш взгляд, всегда подразумевает «постистину».

Нарциссическая личность стоит как бы над миром, бдительно оберегая свой интеллектуальный комфорт и «суверенные» права, тем более что статус истины, ее авторитет в ментальности отдельного человека, многократно проиллюстрированный в нашей статье высказываниями крупных европейских фигур прошлого, уже не тот, что прежде. «...[Истина] отныне вообще не стоит на повестке дня, ничего не объясняет и никого ни к чему не обязывает» [Хлебникова, 2022, с. 203]. На первый план выходит прагматическое понятие операционального знания, то есть объем информации, необходимый для производственной работы, что, как указывает автор, «полностью искажает существо самого концепта “знание”» [Там же, с. 202]. Стирание же границ между профессионализмом и дилетантизмом, эмоционально называемое по-английски *death of expertise*, является не более чем следствием указанной подмены базовых понятий. Для клипового мышления, равно как и для носителей post-truth, характерна эмоциональность; но эта мысль передается в терминологическом отношении строже, чем в английских словарных дефинициях, а именно: «...При любом удобном случае [индивид] заменяет логическое аффективным» [Там же]. Такова его конститутивная черта: «...существо клиповости... заключается в апелляции не к рациональному осмыслению случившегося опыта, а к возможностям... воображения» [Там же, с. 202–203]. «...Подобного рода мышление по определению представ-

³¹ Типичный пример такого дискурса: «Вечер. Идет мама с двумя детьми. Один ребенок показывает на фонарь и говорит:

– Луна зеленая.

Другой добавляет:

– И квадратная.

Первый:

– Она качается и скрипит.

Второй:

– Почему же она не улетает?

Первый:

– А куда ей лететь? Ее место занято звездами.

Мама:

– Дети, это не луна, это фонарь, который раскачивает ветер.

Дети:

– Фонарь желтый, а луна была зеленая» [Гиренок, 2012]. В реальном мире, замечает Ф. Гиренок, имя бреда обычно не столь детское, в его качестве могут выступать, например, честные выборы, справедливость (а также открытость, демократия, свобода печати и другие абстракции).

ляет собой неорганизованное бессистемное множество актов “мысли”³², причем они... включаются или выключаются совершенно спонтанно по тем или иным аффективным³³ причинам... Постправда... отчасти манифестирует решимость нарциссической личности бороться... за поправившееся реальное, невзирая на здравый смысл и объективные социальные необходимости» [Та же, с. 205]. Существенно и то, что «современное информационное поле потенциально бесконечно. В наши дни нет никакой возможности говорить о наличии некоторого минимума значимой информации, которая гипотетически должна была бы быть известной всем (точнее, серьезная попытка выделить такой минимум сразу же стала бы нерешаемой логической и методологической проблемой) [Там же]. Отсюда вроде бы логичный вывод: «В силу этого любая информация изначально вызывает недоверие» [Там же].

В этой нарциссической парадигме не хватает, пожалуй, «научного» вклада постистинной (не постправдивой!) Wikipedia, вводящей в оборот понятие «дениализм» (от англ. denialism – от denialists/deny). Оно распространяет нигилизм и нонконформизм индивида (слова, вытесненные теперь резистансом) на научное мировоззрение: «...Форма мировоззрения, основанная на отрицании реальности, противоречащей личным убеждениям индивида, отказ принять эмпирически проверяемую точку зрения из-за нежелания отказаться от своей собственной»³⁴. Синонимом слова дениализм можно считать словосочетание wishful thinking; своей внутренней формой оно семантизирует ту же «познавательную» философию: должно быть так, как я этого хочу. Такая семантизация гораздо адекватнее переводу *выдавать желаемое за действительное*, поскольку перевод описывает другой тип мышления – тот, который дезавуирует результат своей спонтанной мыслительной деятельности, когда индивиду будет указано на конкретную логическую или фактическую ошибку. Новое wishful thinking никаких ошибок за собой признавать не хочет; как термин оно указывает, строго по Хлебниковой, на установку индивида защищать свои истины независимо от степени их абсурдности. Такую вербально-перформативную философию следовало бы назвать *дезидеративным мышлением*, используя в качестве этимона латинское существительное desiderium. Именно оно и создает параллельные миры.

Скептицизм стремится приобрести в этом случае форму культивируемого нонсенса, осознанной бухдуквистики. В данном случае, например, wishful thinking с буквальным усердием воспроизводит религиозные модели поведения бескомпромиссных протестантов, цель которых была созидательной и состояла в том, чтобы конструировать с помощью догматов Библии свой внутренний духовный мир. В современном *дезидеративном мышлении* все наоборот³⁵: дух фактически превращается в бух, а буква – в дукву, поскольку единственной целью ее когнитивной установки является не традиционное постижение истины, а отказ от осмысления ценностей и достижений культуры с помощью нарциссических аргументов типа «а мне фиолетово». Это значит, что оппозиция *истина – заблуждение* в этом конкретном сознании была нейтрализована или вообще не была активирована во время обучения. Единственным внятным мотивом такой псевдопознавательной установки становится романтизация своей интеллектуальной смелости и бесстрашия перед лицом «отсталых» традиционалистов. Распространение подобных «аргументов» косвенно указывает также на смену мыслительной парадигмы.

К этой же группе фундаментальных аналитиков нужно отнести и историка науки Ли Макинтайэра, поскольку в книге «С научных позиций»³⁶ он исследует суть post-truth с позиций строгой европейской научно-методологической традиции, складывающейся начиная с эпохи

³² Точнее, ментальных реакций на внешние раздражители.

³³ А не рационально-логическим.

³⁴ <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC>.

³⁵ См. заключение А. Эпплбаума об этой инверсии в [Фефелов, 2022, с. 130].

³⁶ Lee McIntyre. The Scientific Attitude. URL: <https://mitpress.mit.edu/9780262538930/the-scientific-attitude/>. Перевод наш. – А. Ф.

Просвещения. В русском языке его подход однозначно и практически во всех ответвлениях проблематики связан с защитой истины в ее научных манифестациях, включая – подчеркнем особо – общественные и гуманитарные науки, соответствие которых истинно научным критериям внушало сомнения задолго до появления post-truth. Так, Ф. И. Гиренок, критикуя когнитивные установки post-truth, с пониманием относится к «отмене» в Японии гуманитарных наук [Нитченко, Гиренок, 2018]³⁷, а в мире «англо» они относятся к liberal arts, то есть к искусствам, а никак не к sciences. В общественных науках Макинтайэр проявляет открытый скептицизм по отношению к достижениям французского постмодернизма, усомнившегося в существовании объективной истины (не правды!) в анализе литературных произведений и пропагандированного плюрализм мнений.³⁸

В лексическое поле post-truth от Макинтайэра можно взять три единицы, обозначающие три группы «антинаучников», отрицателей ее достижений: ideology-driven denialists, pseudoscientists, “skeptics”³⁹. У denialists (от science-denial, science deniers) подчеркивается идеологическая мотивированность позиции; псевдоученые – это те, кто злоупотребляет симуляцией означающих; и таинственные скептики, заключенные в кавычки, которые, смеем предположить, сомневаются в науке лишь потому, что она так и не смогла принести человеку избавление от всех бед и исполнение всех чаяний. Заметим также, что категорию «скептиков» можно дополнять и развивать с помощью синонимов «еретики» (то есть скептики в богословской сфере) и «диссиденты» (скептики, сомневающиеся в верности – истинности – марксизма-ленинизма или любой другой доминирующей политико-идеологической системы).

Впрочем, Л. Макинтайэр анализировал феномен post-truth и в «житейском» плане современной информационной культуры, но в другой книге под названием Post-Truth [McIntyre, 2018]^{40, 41}. Как замечает Б. Мартин, у него значение слова тоже наполняется в разных главах книги различным содержанием [Martin, 2019, p. 157]. Однако узкие (политико-информационные) предметные трактовки post-truth будут рассмотрены в отдельной статье.

Заключение и выводы

Изложенное выше бесспорно указывает на то, что семантика лексемы post-truth еще не сформировалась ни в общекультурном ментальном лексиконе, ни в научном дискурсе. Она пока воздействует на языковое сознание лишь аффективно, то есть провокативной семантикой форманта post-, намекающей, что кто-то (мир, общество, наука, политика, политики) отменил или пытается отменить truth в ее многочисленных проявлениях и предметных трансформациях. Отсюда и громогласные словосочетания, охотно распространяемые прессой и словарями, вроде post-truth era или death of expertise.

Проведенный обзор работ по этой проблематике позволил выявить значительное количество лексических единиц и словосочетаний, регулярно появляющихся в контексте post-truth и truth в виде синонимов с функцией дефиниции, антонимов, qualificatивов или связанных с post-truth ассоциативно. С одной стороны, они указывают на крайне упрощенное лексикографическое описание новой единицы в англоязычных словарях, а с другой – пополняют, концептуализируют и структурируют ЛСП post-truth в терминах английского языка, обозначая в нем

³⁷ С формулировкой, которая предполагает избирательные толкования: «Но гуманитарные науки, а тем более социальные, – это не науки, это, к сожалению, убежище для посредственностей».

³⁸ В виду имеется, в первую очередь, Р. Барт и его профильная работа «Критика и истина». Если бы была написана работа под названием «Ресторанная критика и истина», то плюралистичность истины возросла бы на порядок.

³⁹ Кавычки в оригинале.

⁴⁰ Robert Daniel Evers. Is life in a ‘post-truth’ world sustainable? [Online]. URL: <https://www.popmatters.com/post-truth-lee-mcintyre-2549370346.html>.

⁴¹ В современном контексте напрашивается людический (бухдуквистский) аналог «теперь и правды нет» с вариантом «ни истины, ни правды».

контуры как минимум двух сегментов. Косвенным (эмпирическим) подтверждением тому служат, например, названия двух работ Ли Макинтайэра, двух предметных реакций на один и тот же стимул: «С научных позиций» и «О постправде». В первой *post-truth* раскрывается в классической научно-образовательной парадигме как надуманное понятие и вредная тенденция. Во второй он акцентирует обыденную проблематику подачи информации в идеологически и коммерчески мотивированных СМИ. Если же в качестве референтов взять русские слова *истина* и *правда*, то в ЛСП *post-truth* можно разграничить два больших сегмента, единицы которых коррелируют либо с семантикой *истины*, либо с семантикой *правды*. Суть вопроса в широком предметном сегменте *post-truth* можно также легко вербализовать принципом образовательной политики Новосибирского государственного университета (Россия): «Мы не делаем вас умнее, мы научим вас думать».

Позиция Ральфа Кейеса, давно уже аргументировавшего термин *post-truth era* (оказавшийся полузабытым), задает в широком сегменте иную, не познавательную и не образовательную категоризацию понятия, а морально-этическую (и, следовательно, религиозную), связанную с честностью каждого человека, органа печати, бизнесмена и т. д., подкрепленную своим набором ключевых слов. Таким образом, он пребывает в области правды.

Выяснилось, что часть новой «постправдивой» подражательной терминологии еще не имеет адекватной переводческой интерпретации в русском научном дискурсе и привычно затемняется буквализмами. Но без терминологической концептуализации буквализмы – это тоже инструмент создания параллельного мира из симулированных означаемых в пространстве своей собственной лингвокультуры или предметной области. Самостоятельная же русская рефлексия, представленная здесь Ф. И. Гиреноком и О. В. Хлебниковой, развивает собственную, параллельную терминологическую систему.

Допущение идеологии *post-truth* в общественное мышление чревато риском перерождения процесса познания и образования в бухдуквистскую (патафизическую) игру, агрессивный иррациональный гештальт которой демонстрируют не только упомянутые в статье нарциссические индивиды О. В. Хлебниковой и носители клипового мышления, но и так называемые «плоскоземельцы» (*flat-earthers*).

Это значит, что в публичном поле властной игры за правду и за истину [*Dueling Realities*] теперь могут одновременно присутствовать *truthers* и “*truthers*”, *denialists* и “*denialists*”, зеленые и «зеленые» и т. д. Эпистемологический постулат адептов *post-truth* может состоять, следовательно, только в оправдании теоретического права на существование английского нонсенса, родной ахиней, французской галиматии. Приводимые в статье высказывания французских мыслителей по поводу концепта *VÉRITÉ* и его места в истории мысли, жизни *urbis et orbis* убедительно показывают, что *post-truth* – это результат недомыслия (и забывания с целью освобождения сознания от неприятного груза прошлого, сопровождающегося переоценкой ценностей [Клюканов, 2012, с. 27]). Именно во французской культуре было сконструировано из сугубо бухдуквистских соображений слово *savanturier*. Внутренняя форма этого блестящего новообразования писателя и страстного любителя блефа Р. Кёно (1903–1976) (*Raymond Queneau*), не вышедшего за рамки его текстов лишь по формальным причинам, хорошо раскрывает идеалы посттруферов: в нем органично слиты слова *ученый* (*savant*) и *авантюрист* (*aventurier*).

Список литературы

Барт Р. Критика и истина // Барт Р. Избранные работы. М., 1989.

Гиренок Ф. И. Параллельный мир: асоциальность социальных сетей. В сб. Ценности и коммуникация в современном обществе / под ред. С. В. Клягина, О. Д. Шипуновой. Санкт-Петербург, 2012. с. 38–42

Знаков В. В. Психология понимания правды. СПб., 1999. 279 с.

Иванов Е. А. Семантическая интерпретация понятий *truth* / «правда» и «истина» в словаре и тексте (опыты перевода и комментария английских и русских контекстов) / Дип. раб. под науч. рук. А. Ф. Фефелова. Депозитарий НГУ. Новосибирск, 2008. 70 с.

- Клюканов И. Э.** Коммуникация и забывание: переоценка ценностей // Ценности и коммуникация в современном обществе / Под ред. С. В. Клягина, О. Д. Шипуновой. Санкт-Петербург, 2012. С. 23–29.
- Кригер Е. И.** Прагматическая функция новых лексических единиц в понятийной сфере «СВОЙ – ЧУЖОЙ» (по материалам газет New York Post и New York Daily News) // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6(85). Рр. 516–520.
- Мехонцева Ю. Г.** Семантический и культурологический аспекты анализа эволюции слов «правда – истина – vérité» во французском и русском языках / Дип. работа. под науч. рук. А. Ф. Фефелова. Репозиторий НГПУ. Новосибирск, 2004. 126 с.
- Нитченко М., Гиренок Ф.** Конец времени мыслителей. Интервью. Независимая газета, 29.03.2018.
- Степанов Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. 989 с.
- Топоров В. Н.** Этимологические параллели (славяно-италийские языки) // Краткие сообщения. Институт славяноведения. М., 1958. Т. 25. С. 74–88.
- Успенский Б. А.** Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). Москва: Гнозис, 1994. 239 с.
- Фефелов А. Ф.** Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022 Т. 206 № 1, с. 126–144.
- Фефелов А. Ф.** Медиафеномен Н. Хомского и его рецепция в русскоязычном информационном пространстве (риторика, семиотика, перевод) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 6: Журналистика. С. 112–122.
- Хлебникова О. В.** Клиповое мышление и гештальт постправды в пространстве нарциссической культуры // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14, № 3. Ч. 1. С. 195–214. DOI 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-195-214
- Черников М. В.** Концепты ПРАВДА и ИСТИНА в русской культуре: проблема корреляции [Электронный ресурс] // Общественные науки и современность. 1999. № 2. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/04/03/0000153483/015yERNIKOW.pdf> или www.politstudies.ru/fulltext/1999/5/5.htm (дата обращения: 10.09.2022).
- Arendt H.** Les origines du totalitarisme ; T. 3 : Le Système totalitaire // Tourpilles. Mensonge. Recueil de citations, 1951.
- Bouazid A.** “‘Post-Truth’: The Only Path Forward.” // Social Epistemology Review and Reply Collective. 2022. Vol. 11(10). Pp. 14–19.
- Chomsky, N.** Making the Future // Occupations, Interventions, Empire and Resistance. Penguin books, 2012. 317 p.
- Dueling Realities: Amid Multiple Crises, Trump and Biden Supporters See Different Priorities and Futures for the Nation** [Online]. URL: <https://www.prri.org/research/amid-multiple-crises-trump-and-biden-supporters-see-different-realities-and-futures-for-the-nation/> (дата обращения: 12.08.2022).
- Hewitt D.** A Critical Review of “Post-Truth: Knowledge as a Power Game” by Steve Fuller // Social Epistemology Review and Reply Collective. 2020. Vol. 9(8). Pp. 47–52.
- Keyes R.** The post-truth era: dishonesty and deception in contemporary life. New York: St. Martin’s Press, 2004. 283 p.
- Martin B.** 2019. What’s the Fuss about Post-Truth? [Online] // Social Epistemology Review and Reply Collective. 2019. Vol. 8(10), pp. 155–166. URL: <https://wp.me/p1Bfg0-4Cw> (дата обращения: 12.08.2022).
- McIntyre L.** The Scientific Attitude. The MIT Press, 2020.
- McIntyre L.** Post-truth. The MIT Press, 2018.

Источники/Sources

- Cambridge Dictionary [Online]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/post-truth> (дата обращения: 03.08.2022).
- Collins English Dictionary [Online]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/post-truth> (дата обращения: 03.08.2022).
- Macmillan Dictionary [Online]. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/post-truth> (дата обращения: 03.08.2022).
- Oxford English Dictionary [Online]. URL: <https://www.thefreedictionary.com/Oxford+English+Dictionary+Online> (дата обращения: 29.07.2022).
- “Toupictionnaire” : Le dictionnaire de politique [Online]. URL: <https://www.toupie.org/Dictionnaire/Post-verite.htm> (дата обращения: 29.07.2022).
- Larousse [Online]. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/post-vérité/188379> (дата обращения: 29.07.2022).

References

- Arendt, H.** Les origines du totalitarisme ; T. 3 : Le Système totalitaire,. In : *Tourpilles*. Mensonge. Recueil de citations, 1951.
- Barthes, R.** Criticism and truth. In: *Barthes R. Selected works*. Moscow, 1989. (in Russ.)
- Bouزيد, A.** “Post-Truth”: The Only Path Forward.” *Social Epistemology Review and Reply Collective*, 2022, vol. 11(10), pp. 14–19.
- Chernikov, M. V.** Concepts of PRAVDA and ISTINA in Russian culture: the issues of correlation [Online]. *Social Science and Modernity*, 1999, no. 2. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/04/03/0000153483/015yERNIKOW.pdf> or www.politstudies.ru/fulltext/1999/5/5.htm (accessed on: 10.09.2022). (in Russ.)
- Chomsky, N.** Making the Future. In: *Occupations, Interventions, Empire and Resistance*. Penguin books, 2012. 317 p.
- Dueling Realities: Amid Multiple Crises, Trump and Biden Supporters See Different Priorities and Futures for the Nation [Online]. URL: <https://www.prii.org/research/amid-multiple-crises-trump-and-biden-supporters-see-different-realities-and-futures-for-the-nation/> (accessed on: 12.08.2022).
- Fefelov, A. F.** The Discourse around Cancel Culture as an Object of Linguocultural and Translation Analysis: Logic vs “Logic”. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 126–144. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** Chomsky’s media phenomenon and its reception in Russia: rhetoric, semiotics, translation. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2017, vol. 16, no. 6 Journalism, pp. 112–122. (in Russ.)
- Girenok, F. I.** Parallel world: asociality of social networks. In: *Values and Communication in Modern Society*; Eds. S. V. Klyagin, O. D. Shipunova; Chpt. 1. St. Petersburg, 2012. Pp. 38–42. (in Russ.)
- Hewitt, D.** A Critical Review of “Post-Truth: Knowledge as a Power Game” by Steve Fuller. *Social Epistemology Review and Reply Collective*, 2020, vol. 9(8), pp. 47–52.
- Ivanov, E. A.** Semantic interpretation of the concepts “truth”/“Pravda” and “istina” in dictionaries, translations of Bible, and Shakespeare’s sonnets. Graduate thesis under the scientific direction of A. F. Fefelov. The NSU Repository. Novosibirsk, 2008. 70 p. (in Russ.)
- Keyes, R.** The post-truth era: dishonesty and deception in contemporary life. New York: St. Martin’s Press, 2004. 283 p.
- Khlebnikova, O.** Clip Thinking and Post-Truth Gestalt in the Space of Narcissistic Culture. *Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 3, pt 1, pp. 195–214. (in Russ.) DOI 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-195-214

- Klyukanov, I. E.** Communication and Forgetting: On Revision and Re-evaluation of Values. In: *Values and communication in modern society*; Eds. S. V. Klyagin, O. D. Shipunova; Chpt 1. St. Petersburg, 2012. Pp. 23–29). (in Russ.)
- Kruger, E. I.** The Pragmatic Function of the new Lexical Units in the Conceptual Field of “FRIEND OR FOE” (as reflected in the newspapers New York Post and New York Daily News). *World of Science, Culture and Education*, 2020, no. 6(85), pp. 516–520. (in Russ.)
- Mekhontseva, Yu. G.** Comparative study of the semantic and cultural evolution of the words “pravda–istina–vérité” in French and Russian (based on Bible usage). Graduate thesis, scientific supervisor A. F. Fefelov. Novosibirsk: NSPU, 2004. 126 p. (in Russ.)
- Martin, B.** 2019. What’s the Fuss about Post-Truth? [Online] *Social Epistemology Review and Reply Collective*, 2019, vol. 8(10), pp. 155–166. URL: <https://wp.me/p1Bfg0-4Cw> (accessed on: 12.08.2022).
- McIntyre, L.** The Scientific Attitude. The MIT Press, 2020.
- McIntyre, L.** Post-truth. The MIT Press, 2018.
- Nitchenko, M., Girenok F.** The End of the Time of Thinkers. Interview; In: *Nezavisimaya Gazeta*, 29.03.2018. (in Russ.)
- Stepanov, Yu. S.** Constants: Dictionary of Russian Culture. Moscow, 2001. 989 p. (in Russ.)
- Toporov, V. N.** Etymological parallels (Slavic-Italian languages). Brief messages. *Institute of Slavic Studies*. M., 1958. Vol. 25. pp. 74–88. See special. pp. 80–83 (in Russ.)
- Uspensky, B. A.** A brief history of the Russian standard language (XI–XIX centuries). M.: Gnozis, 1994. 239 p. (in Russ.)
- Znakov, V. V.** Psychology of understanding the truth (pravda). St. Petersburg, 1999. 279 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Фефелов Анатолий Федорович, кандидат филологических наук, доцент
SPIN 6759-3782

Information about the Author

Anatoli F. Fefelov, Candidate of Sciences (Linguistics), Associate Professor
SPIN 6759-3782

*Статья поступила в редакцию 09.10.2022;
одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 26.01.2023*
*The article was submitted 09.10.2022;
approved after reviewing 10.01.2023; accepted for publication 26.01.2023*

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-102-116

К вопросу о конфликтогенности общественно-политического дискурса в российской блогосфере

Денис Николаевич Ильин¹
Алина Михайловна Мухамеджанова²
Екатерина Анатольевна Помигуева³

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия

¹dnilyin@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4108-2180>

²mam@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1226-6490>

³capomigueva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8097-8647>

Аннотация

Рассматриваются особенности общественно-политического дискурса на материале текстов сетевых блогов лидеров общественного мнения – И. Варламова¹, Ю. Латыниной¹, Р. Кадырова, Н. Михалкова, С. Михеева и М. Симоньян. Цель статьи – определить степень конфликтогенности текстов российской блогосферы, в частности – блогов медийных персон, лидеров общественного мнения. Полученные результаты позволят прогнозировать и предупреждать возникновение конфликтных ситуаций за счет установления и снижения индекса конфликтности текста, основным показателем которого является частотность соответствующих лексических маркеров. Авторами выделяются подтипы общественно-политического дискурса и их особенности; рассматривается жанровая специфика такого нового медийного явления, как интернет-блоги; отмечается высокая конфликтогенность содержащихся в них аналитических текстов, которая определяется методом контент-анализа. Наибольшую конфликтную маркированность независимо от личных взглядов авторов имеют тексты внешнеполитического характера, из чего следует, что значительной степенью конфликтогенности обладает политическая аналитика, объект рассмотрения которой лежит в плоскости международной, межкультурной коммуникации. Как и в публицистике в целом, в интернет-пространстве адресаты текстов и адресаты конфликтной лексики не идентичны, что объясняется спецификой дискурсивного пространства, где непосредственными реципиентами информации становятся подписчики блогов, как правило, имеющие близкую с автором политическую ориентацию. Сама же конфликтная лексика относится к персонам, занимающим позицию, противоположную авторской. Манифестация конфликтогенности в текстах блогов анализируется на трех уровнях: стилистическом, семантическом и прагматическом, что позволяет выявить все особенности маркеров конфликтогенности в либеральном, патриотическом и официально-властном подтипах общественно-политического дискурса. В анализируемых авторских блогах наибольший индекс конфликтности имеют тексты, относящиеся к либеральному подтипу общественно-политического дискурса за счет большей частоты использования единиц, относящихся к лексическим маркерам конфликтогенности, их стилистически сниженной модальности – вплоть до нецензурной лексики. В то же время конфликтность патриотического и официально-властного подтипов ближе к подходам традиционной публицистики и выражается с меньшей экспрессивностью в использовании метафор, иронии, фразеологии, слов с семой прямой негативной оценки.

Ключевые слова

Общественно-политический дискурс, интернет-блогосфера, подтипы политического дискурса, маркеры конфликтогенности, уровни манифестации, hate language

¹ Входит в реестр физических лиц – иноагентов в РФ.

© Ильин Д. Н., Мухамеджанова А. М., Помигуева Е. А., 2023

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет-2030»).

Для цитирования

Ильин Д. Н., Мухамеджанова А. М., Помигуева Е. А. К вопросу о конфликтности общественно-политического дискурса в российской блогосфере // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1. С. 102–116. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-102-116

On the Issue of Conflict Potential of Socio-Political Discourse in the Russian Blogosphere

Denis N. Ilyin¹, Alina M. Mukhamedzhanova²
Ekaterina A. Pomigueva³

Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia

¹dnilyin@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4108-2180>

²mam@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1226-6490>

³epomigueva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8097-8647>

Abstract

This article examines the features of socio-political discourse based on the texts of online blogs of public opinion leaders — I. Varlamov, Yu. Latynina, R. Kadyrov, N. Mikhalkov, S. Mikheev, and M. Simonyan. The purpose of the article is to determine the degree of conflictogenicity of the texts of the Russian blogosphere, specifically the blogs of media personalities, public opinion leaders; the results obtained will provide for predicting and preventing the occurrence of conflict situations by establishing and reducing the conflict index of the text, the main indicator of which is frequency of the corresponding lexical markers. The authors distinguish several subtypes of socio-political discourse and their features. The genre specificity of such new media phenomenon as Internet blog is considered. There is a high degree of conflictogenicity in analytical texts, signaled by specific lexical markers identified with the help of the content analysis method. Foreign policy texts, regardless of their authors' personal views, appear to have the greatest number of conflict markers, which means that political analytics, the object of consideration of which lies in the plane of international and intercultural communication, has a significant degree of conflict potential. In the Internet, as in journalism in general, the addressees of texts and the addressees of conflicting vocabulary are not the same due to the specificity of discursive space, in which direct recipients of information are blog subscribers, who as a rule have a political orientation close to that of the author. The very same conflicting vocabulary refers to persons who occupy the opposite position. The manifestation of conflictogenicity in blog texts is analyzed at three levels: stylistic, semantic and pragmatic, which makes it possible to identify all the features of conflictogenicity markers in the liberal, patriotic and official subtypes of socio-political discourse. The specificity of such features is revealed in each of the three main subtypes of the Internet discourse: liberal, patriotic and official. In the authors' blogs under analysis, the highest index of conflict is characteristic of texts belonging to the liberal subtype of socio-political discourse due to the greater frequency of use of the units related to lexical markers of conflict, their stylistically reduced modality—up to obscene words. At the same time, the conflict nature of the patriotic and official subtypes is closer to the traditional journalism style and shows less expressiveness in the use of metaphors, irony, phraseology, words with a sense of direct negative evaluation.

Keywords

Socio-political discourse, Internet blogosphere, subtypes of political discourse, markers of conflict potential, levels of manifestation, hate language

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Strategic Academic Leadership Program of the Southern Federal University (“Priority 2030”).

For citation

Ilyin D. N., Mukhamedzhanova A. M., Pomigueva E. A. On the Issue of Conflict Potential of Socio-political Discourse in the Russian Blogosphere. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 102–116. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-102-116

Введение

В настоящее время в различных типах дискурса значительное место занимают коммуникативные ситуации, ведущие к столкновению различных точек зрения, зачастую поляризованных прагматических установок коммуникантов. Одним из наиболее показательных здесь является общественно-политический дискурс, который сам по себе предполагает социально обусловленный плюрализм мнений, характеристик и оценок. Это периодически приводит к возникновению конфликтных ситуаций, выражающихся в противоречиях и противодействии сторон и, как правило, сопровождающихся негативными эмоциями.

Традиционное пространство общественно-политического дискурса – это газетные тексты, радио, телевидение. С нашей точки зрения, сюда же в настоящее время следует отнести и Интернет. Все эти сферы реализации рассматриваемого дискурса в соответствии с когнитивно-прагматическими установками актантов объединяют традиционные характеристики публицистики: 1) высокая социальная значимость, 2) психологическая близость для аудитории, 3) нацеленность авторов на выражение личного мнения [Тертычный, 2014, с. 8]. Однако при общности задач авторов социально-значимый контент, размещаемый в Интернете, имеет свои особенности, что во многом связано со спецификой платформ, которые используют авторы. Еще пять-десять лет назад сетевой контент мало отличался, к примеру, от газетного: присутствовали репортажи, отчеты, рецензии, памфлеты, зарисовки, фельетоны, открытые письма, эссе и иные традиционные жанры. С развитием же социальных сетей, интернет-журналов у авторов появилась возможность публиковать краткие тексты, так называемые посты, получая оперативный отклик от подписчиков. Такую возможность предоставляют платформы Telegram, «ВКонтакте», LiveJournal и пр. На выходе мы получаем своего рода интерактивный интернет-дневник, или персональный блог.

К особенностям сетевой публицистики подобного рода следует отнести:

- *мультимедийность, интерактивность, гипертекстуальность*, обусловленные техническими возможностями;
- *тяготение к лаконичности* (обычно 200–300 слов), что вызвано «общей перенасыщенностью информационного поля современного человека, порожденной возможностями новых технологий, и укрепившейся в связи с этим в его коммуникативной практике тенденцией избегать чтения длинных текстов и разбираться в запутанных размышлениях авторов» [Тертычный, 2014, с. 13].

Кроме того, можно говорить о *наличии двух основных типов* сетевой публицистики: первому, более распространенному, присущ ярко выраженный эмоциональный план, где преобладает экспрессивно-оценочное начало в осмыслении исследуемого феномена; второй тип характеризуется ярко выраженным рациональным планом, демонстрирующим преобладание фактологического анализа.

Анализ контента общественно-политических блогов

В данной статье приводится анализ общественно-политических интернет-дневников на предмет конфликтности их контента, возможной конфликтности. Конфликтный потенциал обусловлен особенностями в первую очередь лексики общественно-политического дискурса, к которым относят наличие: а) манифестативной лексики, то есть характерной именно для данной общественной группы; б) оценочных, эмоционально-экспрессивных и ассоциативных характеристик информационного повода публикуемого поста [Дондо, 2015, с. 88]. В связи с этим выбор рассматриваемых медийных персон (блогеров) был обусловлен следующими их особенностями: популярностью у широкой аудитории, социально-значимым характером сообщений в дневниках, аналитическим оценочным подходом к сообщаемой информации, неоднородностью занимаемых политических позиций. При определении уровня популярности

блогеров были использованы данные системы мониторинга и анализа СМИ и соцмедиа в режиме реального времени «Медиалогия»², рейтинг «Топ-10 самых влиятельных политических блогеров России» White Square Journal³. Неоднородность политических взглядов определялась принадлежностью текстов блогера к тому или иному типу политического дискурса современной России: либеральному, патриотическому или официально-властному. При этом следует учитывать, что в делении политического дискурса на эти типы нет четких границ, наблюдаются также смешанные типы.

Для анализа были выбраны блоги следующих медийных персон с реально просматриваемой, заявляемой ими самими принадлежностью к тому или иному типу политического дискурса.

1. Либеральный: Илья Варламов⁴, Юлия Латынина⁵.
2. Патриотический: Никита Михалков⁶, Сергей Михеев⁷.
3. Официально-властный: Рамзан Кадыров⁸, Маргарита Симоньян⁹.

Данные блоги были проанализированы на наличие так называемых лексических маркеров конфликтогенности (далее – ЛМК), под которыми мы понимаем единицы, обладающие отрицательной оценочностью, эмоциональной окраской и «высоким когнитивно-прагматическим потенциалом в плане выражения субъективной оценки агрессивности, воинственности, враждебности, нетерпимости и т. д., при этом актуализация потенциала данных единиц в речи способствует возникновению конфликтных ситуаций» [Карповская, 2022, с. 18]. Методология определения ЛМК заключалась в выявлении следующих авторских приемов (в основе лежит классификация языковых маркеров конфликтности П. А. Маракулиной [2016, с. 317–318], адаптированная для монологических текстов).

1. Использование обценной лексики.
2. Использование негативной оценочной лексики.
3. Использование зоосравнений.
4. Использование негативных междометий.
5. Использование негативных устойчивых высказываний.

В результате контент-анализа авторских блогов (посты за 2022 год) методом сплошной выборки был сформирован корпус ЛМК по каждой из вышеперечисленных медийных персон, определены возможные прагматические установки и интенции авторов, адресаты ЛМК, семантические и структурные особенности маркеров.

Для получения статистических данных была проанализирована медийная активность блогеров за отдельно взятый месяц (октябрь 2022 года). Результаты анализа представлены в таблице ниже.

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы.

1. Наряду с аналитическими материалами авторы размещают посты, имеющие только информационную направленность (издание новой книги, день рождения соратника/коллеги, памятная дата и проч.). Как правило, ЛМК они не содержат. Среди рассматриваемых медийных персон к публикации таких постов больше тяготеют авторы, придерживающиеся официальных провластных взглядов. Либеральным и патриотически настроенным персонам в большей степени присуща аналитическая, оценочная прагматическая установка.

² <http://www.mlg.ru>.

³ <https://wsjournal.ru>.

⁴ <https://t.me/varlamov>.

⁵ <http://latynina.tv/>.

⁶ <https://t.me/nikitabsq>.

⁷ <https://t.me/s/ironlogica>, <https://dzen.ru/mikheev>.

⁸ <https://vk.com/ramzan>.

⁹ <https://t.me/s/margaritasimonyan>.

Медийная активность общественно-политических блогов за октябрь 2022 г.

Media Activity of Socio-Political Blogs in October 2022

Блогер / направленность взглядов	Подтип дискурса (по охвату инфополюса)	Количество постов (аналитических/информационных)	Количество ЛМК в аналитике (в среднем на пост в 200–300 слов)	Доля ЛМК к объему лексикона поста (в среднем)	АДРЕСАТЫ ЛМК
1	2	3	4	5	6
И. Варламов / либеральная	Муниципально-региональный уровень	–	–	–	
	Внутриполитический уровень	11/9	5	6 %	Охрана Крымского моста, чиновники; Д. Медведев; руководство страны, военкомы; компания «Сима-ленд»; РИА «Новости»
	Внешнеполитический уровень	16/4	5	3 %	Люди, которые оставляют мусор на природе; руководство, чиновники, жители Кыргызстана; украинские националисты; руководство страны, руководство страны Эритрея; руководство стран-союзников; русская иммиграция
Р. Кадыров / официальная	Муниципально-региональный уровень	14/42	3	1,5 %	Украинские военные; увиливающие от мобилизации соотечественники; террористы
	Внутриполитический уровень	15/30	3	2 %	Украинские военные; чеченцы-бандеровцы, террористы
	Внешнеполитический уровень	32/6	5	2 %	Украинские военные; чеченцы, воюющие на стороне официального Киева, нетрадиционные семьи и их сторонники, натовские наемники; идеологи европейской демократии; сочувствующие киевскому режиму; украинское командование; бегущие за границу уклонисты; лично Зеленский

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6
Ю. Латынина / либеральная	Муниципально-региональный уровень	—	—	—	
	Внутриполитический уровень	35/4	7,5	14 %	В. Путин; пресс-служба Президента; руководство страны; военное руководство страны, М. Симонян; сторонники сталинского режима; члены Общественной палаты
	Внешнеполитический уровень	73/5	5,5	9 %	В. Путин; Д. Медведев; руководство страны; военное руководство страны
Н. Михалков / патриотическая	Муниципально-региональный уровень	1/6	5	4 %	Работники «Ельцин-центра»
	Внутриполитический уровень	7/16	4	3 %	Сторонники прозападного нигилизма, молодежные лидеры (Милохин, Ургант, Бузова, Воля), Моргенштерн, читатели и распространители ЛГБТ-литературы
	Внешнеполитический уровень	12/3	4	3,5 %	Распространители новых образовательных методик, защитники и сторонники гей-парадов, западные критики референдумов на Украине, авторы украинских учебников истории, Евросоюз и США, западные соседи России
С. Михеев / патриотическая	Муниципально-региональный уровень				
	Внутриполитический уровень	15/5	2	2,5 %	Противники референдума о присоединении к России Херсонской и части Запорожской областей; общественные и политические деятели, деятели культуры, продвигавшие прозападные ценности; правительство; российская элита; олигархи; военное командование
	Внешнеполитический уровень	16/0	3	5 %	ВСУ, Запад, США, руководство Украины, Украина, Прибалтика, Европа

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6
М. Симоньян / официальная	Муниципально-региональный уровень	5/6	1	1 %	Военкомы, органы опеки, комитет по здравоохранению
	Внутриполитический уровень	7/1	1,5	3 %	Следователи, заводящие дела против военкоров-патриотов; российская промышленность; зампред «Открытой России» Владимир Кара-Мурза; ответственные за потерю Красного Лимана; Федеральный закон о мобилизации; общественный деятель и журналист Антон Красовский; книжное издательство, отказавшее публиковать сборник стихов «Поэзия»; Российский книжный союз
	Внешнеполитический уровень	8/4	3	6 %	Власти Украины; власти Армении; президент Армении; власти США, Илон Маск; французский министр – делегат по телекоммуникациям

2. Аналогично обстоит дело с подтипом общественно-политического дискурса, выделяемого в зависимости от объема охвата информационного повода поста. Официальные лица (Р. Кадыров, руководитель субъекта Федерации, и М. Симоньян, возглавляющая государственную медийную структуру) чаще обращаются к освещению событий регионального масштаба (новая театральная постановка местного театра, посещение какого-либо общественного места, назначение на должность знакомого и проч.). Блогеры, не принадлежащие к властным структурам, зачастую выбирают в качестве инфоповода общероссийские или внешнеполитические события.

3. Наибольшую конфликтogenность имеет политическая аналитика, объект рассмотрения которой лежит в плоскости международной, межкультурной коммуникации (тексты внешнеполитического характера независимо от личных взглядов авторов).

4. По насыщенности текстов ЛМК на первое место внутри анализируемого сектора российской блогосферы следует поставить либеральный подтип общественно-политического дискурса, далее следуют патриотический и официальный.

5. Адресатами постов (а они, как известно, не совпадают с адресатами ЛМК) являются подписчики блогов, как правило, имеющие близкую с автором политическую ориентацию. Адресаты же ЛМК – это персоны, зачастую занимающие позицию, противоположную авторской, причем эти персоны у либерального подтипа обычно кардинально отличаются от адресатов ЛМК в остальных подтипах общественно-политического интернет-дискурса, что свидетельствует о том, что именно эти тексты обладают наибольшей конфликтogenностью.

Семантические, стилистические и прагматические особенности маркеров конфликтогенности общественно-политической блогосферы

Анализ постов показал, что основная стратегия авторов – понижение статуса речевого партнера. Для этого используются различные тактики: *упрек, замечание, возражение, обвинение, угроза, оскорбление, насмешка* и т. п. Намерение подорвать доверие к оппоненту, умалить его авторитет получает выражение в искажении характеристик человека, гиперболизации его недостатков, в оскорблениях, в упреках, обличении, нападках и проч. Часто встречаются ЛМК, описывающие психическое состояние здоровья оппонента или его умственные способности. Рассмотрим конкретные примеры.

Как уже было отмечено, наиболее насыщены ЛМК тексты *либерального подтипа* общественно-политического дискурса. Так, значительное число постов российской журналистки, писательницы, теле- и радиоведущей Юлии Латыниной содержит ЛМК, реализующие тактику дискредитации России как государства, армии, президента В. Путина и его администрации. Дискредитация заложена часто уже в заголовках поста: «Война и *идиоты*»¹⁰, «РПЦ, *фейковые* матери, кувалда, Суровикин»¹¹, «*Вундервафли* и Соледар»¹² (*вундервафля* – презрительное от *вундерваффе* (нем. *Wunderwaffe* ‘чудо-оружие’), так говорят об оружии большой силы, однако обычно не проработанном дальше идеи или эскиза).

В ряде примеров встречаем лексемы *безумие, сумасшествие*, имеющие отрицательную коннотацию: ‘страдающий идиотией, слабоумием’, ‘потеря рассудка, умопомешательство’, придающие выражению целиком негативную оценочность (здесь и далее толкования единиц, если не указано иное, даются по «Большому толковому словарю» С. А. Кузнецова [2014]): «*Безумие* пропаганды и Захер-Мазох нашего времени»¹³, «Век безнаказанных диктаторов и *сумасшедших* фанатиков»¹⁴. Тактика дискредитации оппонента реализуется также с помощью синонимичной фразеологической единицы *сойти с ума*, то есть ‘потерять рассудок, стать помешанным, сумасшедшим’: «...И когда нам говорят, что, мол, в России все *сошли с ума*...»¹⁵, и с помощью субстантивно-адъективных словосочетаний с негативными оценочными коннотациями: «Какие медицинские процедуры будут недоступны из-за *безумной* войны»¹⁶.

В постах общественного деятеля, журналиста, урбаниста, предпринимателя и видеоблогера Ильи Варламова также встречаем лексическую репрезентацию негативной характеристики человека с точки зрения его психического здоровья: «Сегодня все обсуждают какую-то норвежскую *истеричку*, нагрубившую в мурманском отеле сотрудникам»¹⁷. *Истеричкой*, то есть ‘женщиной, страдающей истерией’ (термин, используемый в разговорной речи для обозначения неуправляемого эмоционального избытка, может относиться к временному состоянию ума или эмоций) блогер называет сотрудницу консульства Норвегии в России Элисабет Эллингсен, у которой произошел конфликт с сотрудниками отеля в Мурманске, в ходе которого она, в частности, заявила, что «ненавидит русских».

Кроме того, указание на утрату умственных способностей может быть выражено и имплицитно. В этом случае для выявления скрытого смысла потребуются определенные усилия. Так, во фразе «Песков тут недавно заявил, что у России нет привычки стрелять себе в колено. В колено, может, и нет. *А вот в голову – вполне. И из дробовика*»¹⁸ нет прямого указания на от-

¹⁰ <https://t.me/Ylatynina/1459>.

¹¹ <https://t.me/YuliaLatyninaChanel/333>.

¹² <https://t.me/YuliaLatyninaChanel/408>.

¹³ <https://t.me/Ylatynina/1735>.

¹⁴ <https://t.me/Ylatynina/395>.

¹⁵ <https://t.me/Ylatynina/477>.

¹⁶ <https://t.me/Ylatynina/1119>.

¹⁷ <https://t.me/varlamov/7604>.

¹⁸ <https://t.me/Ylatynina/1520>.

сутствие рассудка, слабоумие и пр., но очевидна ирония автора, который говорит, о привычке «стрелять в голову из дробовика», что, как мы понимаем, ни один здравомыслящий человек делать не будет, так как это приведет к неминуемой гибели.

Также имплицитное выражение может иметь и описание интеллектуальных особенностей оппонента: «Путин *не умеет уже считать даже до двух*»¹⁹, «Однако иранские муллы, в отличие от Путина, считать до трех умеют, даром что фанатики»²⁰.

Большое распространение получают зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека: дятел (о человеке, который без конца повторяет одно и то же), *рептилоиды* (вымышленные человекоподобные рептилии – о хладнокровных людях, чуждых морали, склонных к манипуляции сознанием), *бульдог* (сравнение с собаками-телохранителями с тупой мордой и крепкой хваткой: «Крымский мост – первый удар в наступлении на Мелитополь и важный момент в начинающейся *сваре бульдогов под ковром*»²¹), *животное* ('неразвитый человек с низменными, непристойными страстями'). Коннотации отображаются в данном случае не самим знаком, а тем смыслом, который вкладывает в него общество, использующее существующие ассоциации, стереотипы, культурные коды. Эти коды включают принципы интерпретации знаков, знакомые всем субъектам коммуникации, фиксируют конкретные значения за соответствующими знаками, что упорядочивает мировоззренческие установки.

В конфликтных текстах часто можно встретить ЛМК сразу нескольких негативных характеристик человека: «А если серьезно, то это в Ижевске два *утырка* наглядно показывают, что *передоз пропаганды опасен для животных*»²², где встречаем жаргонные *передоз* 'избыточное количество', *утырок* 'недалекий, глупый, бомж или бродяга, неряшливый, невежественный' [Левикова, 2003].

Рассмотрим специфику использования ЛМК в постах представителей *патриотического дискурса*. Здесь отмечается присутствие неаналитических текстов, целью которых является интенция автора проинформировать подписчика о каком-либо событии. Однако посты политической, социальной направленности также насыщены ЛМК.

В текстах кинорежиссера, продюсера, телеведущего и видеоблогера Никиты Михалкова такие маркеры встречаются часто, однако по своей семантико-стилистической характеристике имеют несколько иную (по сравнению с либеральным подтипом дискурса) сущность. У автора почти отсутствуют разговорные и просторечные единицы, негативная оценка передается через книжную, метафорическую лексику. Адресатом ЛМК, как правило, выступают западные страны, их ценности и российские сторонники этих ценностей.

Так, в примерах «Во благо будущего своих детей изолируют их от того, что порождает *нарциссизм, инфантильность* и искусственно созданную необходимость сообщить всему миру о своих действиях...»²³, «Но как часто за ними стали скрываться не просвещенность и доброжелательная терпимость, а слабость, *инфантильность*, нежелание сопротивляться?»²⁴ *инфантильностью* называется поведение взрослого, схожее с поведением ребенка, то есть не до конца осознающего суть явлений. Автор характеризует таким образом людей, которые негативные явления на Западе скрывают за словами «толерантность» и «мультикультурализм». Для обозначения отношения уехавших деятелей к России используется прилагательное *бросовый*: «Должны ли оставаться на полках и афишах имена тех, для кого Россия – *бросовая страна*?»²⁵. Книжное значение лексемы *ревизия* 'пересмотр положений какого-л. учения, тео-

¹⁹ <https://t.me/Ylatynina/1493>.

²⁰ <https://t.me/Ylatynina/1520>.

²¹ <https://t.me/Ylatynina/1478>.

²² <https://t.me/varlamov/7581>.

²³ <https://t.me/nikitabs/250>.

²⁴ <https://t.me/nikitabs/210>.

²⁵ <https://t.me/nikitabs/398>.

рии и т. п. с целью внесения в них коренных изменений' Михалков использует для негативной характеристики действий «западных партнеров»: «Как только Россия говорит о своем праве принимать независимые решения, определять политический курс, не подчиняться мировой ревизии моральных и нравственных ценностей, а сохранять свою собственную идентичность, со стороны стран-«доброжелателей» возникают острое непонимание и осуждение»²⁶. В этом же примере мы видим имплицитно выраженную посредством иронии негативную оценку в слове *доброжелатели* (в данном контексте слово употребляется в смысле, противоположном его буквальному значению). Схожий прием наблюдаем при характеристике либеральных деятелей: «Сколько правды, принципиальности, объективности и искренности в как бы светлоликих либералах, любителях демократии?»²⁷. Автор не чужд словотворчества, языковой игры: *самоизгнанная элита, вой среди чужих, над пропастью во лжи, «глобальная прачечная» по отмыванию лжи* и т. п.

Тексты Никиты Михалкова отличаются афористичностью, использованием устойчивых выражений, которые усугубляют негативную оценку: «Мир живет, *повторяя, как мантру*, волшебные слова “толерантность” и “мультикультурализм”»²⁸, «Они опираются на вседозволенность, когда нет табу, *нет ничего святого*»²⁹.

В публикациях политолога, члена партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду», эксперта в общественно-политических ток-шоу Сергея Михеева адресатами ЛМК в большинстве случаев является так называемый коллективный Запад. В его постах критике подвергаются западные ценности в целом: «Западная цивилизация на сегодняшний день – это *авангард сатанизма*»³⁰. Однако в некоторых постах автор отходит от обобщений и использует ЛМК по отношению к представителям определенной страны, обычно США: «Возьмите голливудские блокбастеры. Это, если честно, *легитимация зла*, то к чему надо стремиться»³¹.

Кроме того, в постах Сергея Михеева ЛМК также направлены на представителей той или иной страны (в большинстве случаев Украины): «Что касается Подоляка, то это *больной на всю голову* человек, видящий то, что хочет видеть, *отбитый украинский неонацист, жонглирующий фактами*, невзирая на их доказуемость»³². Данный комментарий явился реакцией автора на высказывание советника офиса президента Украины Михаила Подоляка в интервью The Guardian о том, что Крымский мост является «законной военной целью». В приведенном примере используется тактика дискредитации оппонента посредством указания на его умственные способности.

В отличие от Н. Михалкова, деятельность которого связана с культурой, лексикон С. Михеева отличается большим тяготением к разговорным и просторечным формам. Основными интенциями являются осуждение, дискредитация и оскорбление, которые могут совмещаться в одном ЛМК: «А это дает возможность Украине так себя вести, которая чувствует себя *американской шестеркой*, которая видит, как американцы фактически заставляют Европу убивать собственную экономику, заставляют ее жертвовать собственной безопасностью, а Европа ничего не может, более того она *мазохистски поддакивает*»³³.

Наиболее частотными ЛМК в постах автора являются метафоризированные лексические единицы (*сморчок* в знач. 'о маленьком невзрачном человеке', *звериный* в знач. 'жестокий, свирепый, дикий' и др.) и негативные устойчивые словосочетания, имеющие, как правило, раз-

²⁶ <https://t.me/nikitabsg/383>.

²⁷ <https://t.me/nikitabsg/232>.

²⁸ <https://t.me/nikitabsg/210>.

²⁹ <https://t.me/nikitabsg/386>.

³⁰ <https://t.me/ironlogica/4034>.

³¹ <https://dzen.ru/a/Yw9C-1kmpwunN95T?&>.

³² https://dzen.ru/a/YwNt5lly_WIAuAW9.

³³ <https://t.me/ironlogica/2500>.

говорно-просторечную окраску (*вешать лапшу, хрен вам, колотить понты* и др.). В меньшей степени используется негативная оценочная лексика в прямом значении (*недрузи, мразь* и др.).

Говоря о представителях *официально-властного дискурса*, стоит отметить, что в их текстах ожидаемо отсутствует обценная лексика, в то же время количественное и качественное разнообразие ЛМК в аналитических постах лишь немногим меньше либерального подтипа общественно-политического дискурса.

Тексты Рамзана Кадырова, главы Чеченской республики, в большинстве своем посвящены военной тематике, оценке действий Запада, террористов. Для характеристики военных и политических противников используется собственно оценочная лексика: «Только за день мы уничтожили свыше 600 *бандеровцев*»³⁴ – у автора до десяти постов в месяц содержат данную лексему. «Вот так и была зачищена от *фашистских вредителей* Луганская Народная Республика»³⁵: *фашистский* – в среднем пять постов в месяц с данным ЛМК, *вредитель* – три фиксации за 2022 год; «Наша страна всегда была интересна государствам, которые не выслуживаются перед США и их *приспешниками*»³⁶ – лексема *приспешники* встречается ежемесячно.

Приверженность автора исламским традициям отражается и в лексике. Для негативной характеристики используются ЛМК *шайтан* в метафорическом бранном значении: «Это не люди, а *шайтаны*, которых необходимо истреблять»³⁷, *иблис* (эквивалентно *шайтану*): «По воле Всевышнего Аллаха он героически пал в борьбе против сил проклятого *иблиса*»³⁸. Обе единицы употребляются в среднем в пяти постах в месяц.

Аналитические посты Кадырова в целом отличает образность: «Как мы ранее и говорили, в открытой местности нацисты *проявляются как полные шнурки и представляют из себя жалкое подобие* соперника»³⁹ – метафора с указанием на неполноценность (*шнурки* как часть обуви); «Трусливо *огрызаясь, словно шакалы*, и прикрываясь артиллерией, фашисты из числа *бандеровцев* спешно оставляют свои годами подготовленные позиции и целые укрепрайоны»⁴⁰ – зоометафора; «Отсюда и мораль: не всегда *намазанные салом* пятки приносят удачу»⁴¹ – отсылка к фразеологизированной характеристике быстрого бега (*аж пятки сверкают*) и к символическому значению слова *сало* как олицетворения украинской культуры; «С нами Всевышний, и мы сражаемся за торжество истинных ценностей, без которых человечество обречено *сгинуть в омуте вседозволенности, разврата, nepотребства и порока*»⁴² – фразеология (окунуться/попасть в омут – ‘безоглядно отдаться чему-л. опасному, вредному’). Подобная образность при реализации коммуникативной стратегии автора компенсирует отсутствие в текстах обценной лексики.

Анализируя блог Маргариты Симоньян, стоит отметить, что в ее постах ЛМК прежде всего используются по отношению к «предателям и врагам» Родины, антипатриотическим действиям и высказываниям. При этом в большинстве случаев негативная характеристика выражается в форме оскорбления. Так, автор использует ЛМК, направленные на представителей батальона «Азов»⁴³: «По мне, так за одного нашего этих *мразей* хоть по 20 копеек пучок»⁴⁴; на президента Украины: «*Мина-лепесток ты, паскуда лицемерная*»⁴⁵; на противников военной

³⁴ https://vk.com/wall279938622_1793815.

³⁵ https://vk.com/wall279938622_1604091.

³⁶ https://vk.com/wall279938622_1580648.

³⁷ https://vk.com/wall279938622_1627592.

³⁸ https://vk.com/wall279938622_1807672.

³⁹ https://vk.com/wall279938622_1576770.

⁴⁰ https://vk.com/wall279938622_1597014.

⁴¹ https://vk.com/wall279938622_1611685.

⁴² https://vk.com/wall279938622_1798042.

⁴³ Признан террористической организацией Верховным судом РФ.

⁴⁴ <https://t.me/margaritasimonyan/12122>.

⁴⁵ <https://t.me/margaritasimonyan/11793>.

спецоперации на Украине: «В случае, если все восемь лет, что терзали Донбасс, он так же был против и высказывался. А если нет, то он просто *лицемерная вырешь*»⁴⁶ и др.

Часто авторская интенция оскорбить сопровождается целью осудить того, о ком идет речь. Две вышеуказанные интенции тесно взаимосвязаны и обуславливают друг друга: «*Твари вашингтонские, ес-овские*, вам как вообще спится, естся, живется – вы же не можете не сознавать степень *кровавой лжи и лицемерия*, в которые вы погрузили свои народы?»⁴⁷.

Кроме того, в постах анализируемого деятеля ЛМК используются по отношению к людям, проявляющим жестокость как в действиях, так и в высказываниях. Приведем пример, в котором автор комментирует нашумевшие слова российского общественного деятеля и журналиста Антона Красовского об украинских детях: «Высказывание Антона Красовского *дико и омерзительно*»⁴⁸. Рассмотрим также комментарий автора о жестоких действиях руководителей Украины: «Если бы Украина *зверски* не начала уничтожать свой собственный народ, русскоязычную его часть...»⁴⁹. Как видно из вышеприведенного фрагмента, характеристика врагов Родины и жестокого поведения часто совмещаются в одном высказывании.

Одними из наиболее частотных адресатов ЛМК в постах Маргариты Симоньян являются представители бюрократизма в России. В данных примерах зачастую реализуется тактика дискредитации оппонента также посредством указания на его низкие умственные способности: «Высечь бы *идиотов-бюрократов*, устанавливающих эти кошмарные правила»⁵⁰.

Несмотря на то, что некоторые из приведенных примеров содержат рассматриваемые лексемы в переносном метафорическом значении (*мина-лепесток, зверски, дико* и др.), в большинстве случаев в постах автора в качестве ЛМК выступают негативно-оценочные языковые единицы в прямом значении, то есть отрицательные коннотации данных лексем представлены эксплицитно. Однако в зависимости от контекста негативная оценка рассматриваемых лексем может интенсифицироваться, что делает характеристику адресата ЛМК более враждебной. Как правило, это происходит за счет концентрированного использования рассматриваемых нами единиц в одном высказывании: «*Глупый, необразованный, вороватый, безответственный, истеричный*, ничего ни в чем не понимающий идиот»⁵¹. Кроме того, интенсификация негативной оценки может происходить за счет использования субстантивно-адекативных словосочетаний, в которых обе лексемы являются ЛМК: «Мой первый руководитель, когда я только пришла работать на региональное ТВ в 18 лет, был *патентованный идиот*»⁵² – здесь отсылка к словам Байдена, что миру нужен руководитель; «*Твари нацистские*, вы посмотрите, послушайте, что о вас думают те, кто живет у самой этой Азовстали, где вы их “защищаете”!»⁵³.

В постах Маргариты Симоньян ЛМК также могут выражать иронию. Данные единицы являются в меньшей степени враждебными и в основном выражают упрек, насмешку или пренебрежительное отношение: «Как сказал мне один тут новоявленный “*патриот*”: “Ты че, реально столько всю жизнь пахала, чтобы отдыхать в АДЛЕРЕ?”»⁵⁴; «Французский “эксперт” по России получил журналистский приз за книгу об RT»⁵⁵.

⁴⁶ <https://t.me/margaritasimonyan/11901>.

⁴⁷ <https://t.me/margaritasimonyan/11137>.

⁴⁸ <https://t.me/margaritasimonyan/10390>.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ <https://t.me/margaritasimonyan/11715>.

⁵¹ <https://t.me/margaritasimonyan/12353>.

⁵² <https://t.me/margaritasimonyan/12353>.

⁵³ <https://t.me/margaritasimonyan/11137>.

⁵⁴ <https://t.me/margaritasimonyan/10972>.

⁵⁵ <https://t.me/margaritasimonyan/11360>.

Заключение

Анализ выбранных блогов ведущих общественных деятелей, как и политического дискурса в интернете в целом, обнаружил высокую степень конфликтогенности. Коммуникативные стратегии реализуются путем использования в текстах ЛМК, манифестирующихся в самых различных формах: прямая негативно-оценочная лексика, имплицитно выраженная ирония, устойчивые выражения и т. д. При этом индекс конфликтогенной напряженности выше у авторов (Ю. Латыниной, И. Варламова), представляющих либеральный подтип общественно-политического интернет-дискурса, за счет большей частоты использования ЛМК, их стилистически более сниженной модальности. В то же время конфликтность патриотического и официально-подтипов выражается в использовании метафор, иронии, фразеологии, слов с семой прямой негативной оценки (обсценная лексика здесь не используется). Такая специфика жанра, как краткость сообщения (поста) – в среднем 200–250 слов – при включении даже небольшого количества ЛМК создает весьма высокую конфликтную модальность данного дискурса.

К основной речевой стратегии блогеров следует отнести понижение статуса адресата конфликтогенной единицы, для чего применяются тактики упрека, замечания, возражения, обвинения, угрозы, оскорбления, насмешки и т. п. При этом даются ложные характеристики человека, гиперболизируются его недостатки, приводятся нелестные сравнения и пр. Употребляются ЛМК, в которых оценивается состояние психического здоровья адресата или его умственные способности. Результаты анализа содержания блогов обнаруживают наибольший конфликтный потенциал контекстов, связанных с внутриполитическими и – в большей степени – внешнеполитическими информационными стимулами.

К перспективам исследования следует отнести анализ более репрезентативной в количественном плане выборки интернет-дневников для определения того, насколько обнаруженные особенности текстов рассматриваемых медийных персон характерны для различных подтипов общественно-политического дискурса в целом. Представленный принцип отбора и классификации ЛМК может служить основанием для дальнейшего автоматического выявления потенциально конфликтогенных текстов (см., например, [Лаврентьев и др., 2018]), что будет способствовать оперативному предупреждению конфликтных ситуаций.

Список литературы

- Дондо С. А. Основные принципы определения типов общественно-политического дискурса // Политическая лингвистика. 2015. № 1. С. 87–91.
- Ильин Д. Н. Развитие лексической семантики: процессы позитивации/негативации значения слова в русском языке. Ростов-на-Дону, 2018. 150 с.
- Карповская Н. В., Абкадырова И. Р., Давтянц И. И. О конфликтном дискурсе, лексических маркерах конфликтогенности и их когнитивно-прагматическом потенциале // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. 2022. № 1(2). С. 14–25.
- Красильникова Н. А. Общество и неинституциональный политический дискурс в сети // Политическая лингвистика. 2012. № 4(42). С. 130–138.
- Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. М., 2000. С. 7–25.
- Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов [Электронный ресурс]. СПб., 1998. 1536 с. Авторская редакция 2014 г. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 30.11.2022).
- Лаврентьев А. М., Соловьев Ф. Н., Суворова (Ананьева) М. И., Фокина А. И., Чеповский А. М. Новый комплекс инструментов автоматической обработки текста для плат-

формы ТХМ и его апробация на корпусе для анализа экстремистских текстов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 19–31.

Левикова С. И. Большой словарь молодежного сленга [Электронный ресурс]. Москва, 2003. 923 с. URL: <https://znachenieslova.ru/slovar/youthslang/> (дата обращения: 30.11.2022).

Макаренко Г. С. Эксплицитные и имплицитные маркеры конфликтогенности публицистического текста // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 1. С. 192–195.

Маракулина П. А. Языковые маркеры конфликтности // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 10: в 2 ч. Ч. 1. Минск, 2016. С. 317–321.

Тертичный А. А. Интернет-публицистика: жанровый профиль // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 6. С. 7–16.

Третьякова В. С. Речевая коммуникация: гармония и конфликт. Екатеринбург, 2009. 230 с.

Ульянова М. А. Классификация жанров Интернет-дискурса // *Lingua mobilis*. 2014. № 3(49). С. 102–110.

Ilyin D. Position of the evaluative component in semantics // *Process management and scientific developments*. October, 13, 2021. Pt 2. Birmingham, United Kindom, 2021. Pp. 91–97.

Multimodal Discourse Analysis. Systemic-Functional Perspectives / Ed. K. L. O'Halloran. New York; London: Continuum, 2004. 252 p.

References

Dondo, S. A. Basic principles of determining the types of socio-political discourse. *Political Linguistics*, 2015, No. 1, pp. 87–91. (in Russ.)

Ilyin, D. N. Development of lexical semantics: processes of positivation/negation of the meaning of a word in the Russian language. Rostov-on-Don, 2018. 150 p. (in Russ.)

Ilyin, D. Position of the evaluative component in semantics. *Process management and scientific developments*. October, 13, 2021. Pt 2. Birmingham, United Kindom, 2021, pp. 91–97.

Karpovskaya, N. V., Abkadyrova, I. R., Davtyants, I. I. On conflict discourse, lexical markers of conflictogenicity and their cognitive-pragmatic potential. *Bulletin of Humanitarian studies in interdisciplinary scientific space*, 2022, no. 1(2), pp. 14–25. (in Russ.)

Krasilnikova, N. A. Society and non-institutional political discourse on the web. *Political Linguistics*, 2012, no. 4(42), pp. 130–138. (in Russ.)

Kubryakova, E. S. On the concepts of discourse and discursive analysis in modern linguistics. Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects. Moscow, 2000, pp. 7–25. (in Russ.)

Kuznetsov, S. A. Big explanatory dictionary of the Russian language; Comp. and ch. ed. S. A. Kuznetsov [Online]. St. Petersburg, 1998. 1536 p. Author's edition of 2014. (in Russ.) URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed on: 30.11.2022)

Lavrentiev, A. M., Solovyev, F. N., Suvorova (Ananyeva), M. I., Fokina, A. I., Chepovskiy, A. M. A New Toolkit for Natural Text Processing with the TXM Platform and its Application to a Corpus for Analysis of Texts Propagating Extremist Views. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, pp. 19–31. (in Russ.)

Levikova, S. I. Big dictionary of youth slang [Online]. Moscow, 2003. 923 p. URL: <https://znachenieslova.ru/slovar/youthslang/> (accessed on: 30.11.2022)

Makarenko, G. S. Explicit and implicit conflictogenicity markers in a publicistic text. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2016, vol. 21, no. 1, pp. 192–195. (in Russ.)

Marakulina, P. A. Linguistic markers of conflict. Karpov scientific readings: collection of scientific articles. Iss. 10: in 2 pts. Pt 1. Minsk, 2016, pp. 317–321. (in Russ.)

Multimodal Discourse Analysis. Systemic-Functional Perspectives; Ed. K. L. O'Halloran. New York; London: Continuum, 2004. 252 p.

- Tertichny, A. A.** Internet journalism: genre profile. *Scientific notes of Kazan University. Humanities*, 2014, vol. 156, book 6, pp. 7–16. (in Russ.)
- Tretyakova, V. S.** Speech communication: harmony and conflict. Ekaterinburg, 2009. 230 p. (in Russ.)
- Ulyanova, M. A.** Classification of genres of Internet discourse. *Lingua mobilis*, 2014, no. 3(49), pp. 102–110. (in Russ.)

Информация об авторах

- Ильин Денис Николаевич**, кандидат филологических наук, доцент международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)
- Мухамеджанова Алина Михайловна**, кандидат филологических наук, доцент международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)
- Помигуева Екатерина Анатольевна**, кандидат филологических наук, доцент международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

Information about the Authors

- Denis N. Ilyin**, PhD in Philology, Associate Professor at the International Institute of Interdisciplinary Education and Ibero-American Studies of the Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
- Alina M. Mukhamedzhanova**, PhD in Philology, Associate Professor at the International Institute of Interdisciplinary Education and Ibero-American Studies of the Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
- Ekaterina A. Pomigueva**, PhD in Philology, Associate Professor at the International Institute of Interdisciplinary Education and Ibero-American Studies of the Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

*Статья поступила в редакцию 30.11.2022;
одобрена после рецензирования 09.01.2023; принята к публикации 19.01.2023*
*The article was submitted 30.11.2022;
approved after reviewing 09.01.2023; accepted for publication 19.01.2023*

Научная статья

УДК [811.161.1'27+811.581'27]: 008:392.86:663

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-117-130

Национально-культурная маркированность русских и китайских фразеологизмов с номинациями алкогольных напитков

Ма Лун

Витебский государственный университет им. П. М. Машерова
Витебск, Беларусь

ma.mixail@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3572-6453>

Аннотация

В данной статье с лингвокультурологических позиций описываются фразеологизмы русского и китайского языков с номинациями алкогольных напитков, образующие отдельную группу в составе тематического поля «Пища», при этом учитывается приоритетность антропоцентрической парадигмы в современной лингвистике. Также исследуется степень их фразеоактивности, проводится сопоставительный анализ устойчивых выражений для выявления универсального и уникального в семантике и образности данных единиц и рассматриваются основные виды межязыковой соотношенности (совпадений и расхождений) фразеологизмов. Материалом для исследования послужили 107 русских и 95 китайских фразеологизмов с номинацией/номинациями алкогольных напитков, отобранные в соответствии с широким пониманием фразеологии путем сплошной выборки из одно- и двуязычных фразеологических, лингвистических, толковых и этимологических словарей китайского и русского языков. Анализ изученного материала показал, что отличительной чертой русских единиц являются разнообразные номинации спиртных напитков (*вино, пиво, мед, водка, брага, хмельное*), наличие уменьшительно-ласкательных вариантов наименований *винцо, пивцо, медок, бражка*, а также употребление различных сем в составе одного выражения. Наибольшей фразеоактивностью в составе русских устойчивых выражений обладает компонент *вино* (около 55 %) в двух значениях: 'виноградное вино' и 'водка'. В китайской фразеологии преобладает общее обозначение спиртного 酒 [jiǔ] ('спиртное, алкоголь'; 'алкогольные напитки'; 'водка') – 95 %, все остальные номинации включают в себя данную морфему и представлены в единичном экземпляре. Антропоцентрический характер фразеологизмов выражается в описании свойств человеческого характера, личностных качеств, эмоционального и физического состояния, особенностей социального поведения и межличностного взаимодействия. В отношениях частичной эквивалентности находится около 10 % исследуемых фразеологизмов, 90 % составляют безэквивалентные единицы, обладающие национально-культурным своеобразием, которое проявляется в структурно-грамматических, лексических, стилистических, семантических свойствах, а также в образной составляющей.

Ключевые слова

русская фразеология, китайская фразеология, антропоцентризм, частичные эквиваленты, безэквивалентные фразеологизмы, национально-культурное своеобразие

Для цитирования

Ма Л. Национально-культурная маркированность русских и китайских фразеологизмов с номинациями алкогольных напитков // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1. С. 117–130. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-117-130

© Ма Л., 2023

National and Cultural Marking of Russian and Chinese Phraseological Units with Nominations of Alcoholic Beverages

Ma Long

Masherov Vitebsk State University
Vitebsk, Belarus

ma.mixail@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3572-6453>

Abstract

In this article, we describe from linguocultural point of view phraseological units of the Russian and Chinese languages with the nominations of alcoholic beverages, which form a separate group in the thematic field "Food"; we are taking into account the priority of the anthropocentric paradigm in modern linguistics. We also study the degree of their phraseoactivity, carry out a comparative analysis of set expressions in order to identify the universal and unique in the semantics and figurativeness of these units, and consider the main types of interlingual correlation (coincidences and discrepancies) of phraseological units. The material of the study was represented by 107 Russian and 95 Chinese phraseological units with the nomination/nominations of alcoholic beverages selected in accordance with a wide understanding of phraseology by continuous sample from one- and bilingual phraseological, linguistic, explanatory and etymological dictionaries of the Chinese and Russian languages. The analysis of the studied material showed that a distinctive feature of Russian phraseologisms is a variety of nominations of alcohol (вино 'wine', пиво 'beer', мед 'mead', водка 'vodka', брага 'mash', хмельное 'hoppy'), the presence of diminutive variants of the names, as well as the use of various seeds in the composition one expression. The most phraseoactive in Russian sustainable expressions is the вино ('wine') component (about 55 %) in two meanings: 'grape wine' and 'vodka'. In the Chinese phraseology, the general designation of alcohol 酒 [jiǔ] ('alcohol'; 'alcoholic drinks'; 'vodka') constitutes 95 %, all other nominations include this morpheme and are presented by isolated phenomena. The anthropocentric nature of phraseological units is reflected in the description of the properties of a human nature, personal qualities, emotional and physical state, the characteristics of social behavior and interpersonal relations. In relations of partial equivalence, about 10 % of the studied phraseologisms are located, 90 % are non-equivalent units with national and cultural originality, which is manifested in structural, grammatical, lexical, stylistic, semantic properties, as well as in figurative component.

Keywords

Russian phraseology, Chinese phraseology, anthropocentrism, partial equivalents, non-equivalent phraseological units, national and cultural originality

For citation

Ma L. National and Cultural Marking of Russian and Chinese Phraseological Units with the Nominations of Alcoholic Beverages. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 117–130. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-117-130

Введение

До сих пор исследователями предпринимались немногочисленные попытки сопоставительного анализа фразеологизмов русского и китайского языков, принадлежащих к тематическому полю «Пища». В частности, в статье Ли Гуаньхуа [2011] дается краткое описание русских фразеологических единиц (далее – ФЕ), объединенных интегральным компонентом «еда», раскрывается их культурно-национальный смысл и характер. Публикация Чжан Мян [2017] связана с сопоставлением этносемантики русских и китайских ФЕ с семей *гостеприимство*, среди которых важное место занимают этнокультурные доминанты – чай и спиртное.

В кандидатской диссертации С. Н. Рубиной [2000] разрабатывается педагогический аспект: презентация в китайской аудитории русской фразеологии, включающей в том числе «пищевой» компонент.

В диссертационном исследовании Чжао Чжицян [2012] небольшое количество устойчивых выражений с наименованиями продуктов не выделяется в отдельную группу, а рассматривается наряду с другими в денотативном, грамматическом, оценочном, эмотивном и стилистическом аспектах.

В ряде работ сопоставительный анализ отсутствует, а исследование фразеологизмов осуществляется с позиций одного языка. Так, в статье Е. А. Савиной [2009] русские пословицы и поговорки об алкоголе и алкоголизме анализируются с психологической точки зрения. В работе О. А. Хо ««Вино» 酒 как ритуал в культуре Китая» [2015] рассматриваются различные идиомы и пласт лексики, этимологически связанный с винопитием.

Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена недостаточной изученностью с лингвокультурологических позиций русских и китайских ФЕ с наименованиями алкогольных напитков, принадлежащих тематическому полю «Пища», как фрагмента языковой картины мира двух генетически и структурно отдаленных языков. В качестве приоритетной исследовательской категории мы используем понятие «тематическое поле», под которым понимаем «совокупность языковых единиц, имеющих общее содержание и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [ЛЭС, 1990, с. 380–381].

Цель данной статьи – путем сопоставительного анализа выявить общее и национально-специфическое в содержании ФЕ, составляющих группу «Алкогольные напитки» в рамках тематического поля «Пища» в русской и китайской лингвокультурах. Достижению поставленной цели подчинены следующие задачи: описать фразеологизмы с учетом приоритетности антропоцентрической парадигмы в современной лингвистике; исследовать степень их фразеоактивности; выявить универсальное и уникальное в их семантике и образности.

Методы исследования: сравнительно-сопоставительный анализ, классификация и систематизация материала; культурно-историческая интерпретация; семантическая интерпретация; элементы количественного анализа.

Материалом для исследования послужили 107 русских и 95 китайских ФЕ с номинациями алкогольных напитков, морфологически выраженными именем существительным. Рабочая картотека была составлена на основе «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля [1978–1980]; «Пословиц русского народа» В. И. Даля в 2 т. [1989]; «Толкового словаря русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н. Ю. Шведовой [2011]; «Большого фразеологического словаря русского языка» под ред. В. Н. Телия [2009]; «Словаря русской ментальности» В. В. Колесова [2014]; 中国成语词典 («Большого словаря китайской фразеологии») [1986]; 燕园中国成语字典 («Словаря китайских фразеологизмов») [2022]; 汉语歇后语词典 («Словаря недоговорок [сехоуэй] китайского языка») [2006]; «Краткого словаря недоговорок-иносказаний современного китайского языка» под ред. М. Г. Прядохина [2001]; 在线成语字典 («Большого китайского фразеологического словаря», электронный ресурс); «Большого китайско-русского словаря по русской графической системе» в 4 т. под ред. И. М. Ошанина [1983–1984].

Результаты работы могут найти применение в переводческой деятельности и при составлении двуязычных (русско-китайских и китайско-русских) фразеологических и толковых словарей.

1. Результаты и их обсуждение

1.1. Национально-культурная специфика русских фразеологизмов с номинациями спиртных напитков

Анализ исследуемого материала позволил выделить в русском и китайском языке отдельную группу «Спиртные напитки» в составе тематического поля «Пища». К обозначениям алкогольных напитков в русской фразеологии относятся: вино в двух значениях ('алкогольный напиток, получаемый в результате брожения виноградного или плодово-ягодного сока', а также 'водка и самогон' (прост.); уменьшительное – *винцо*); *водка* ('алкогольный напиток – смесь очищенного спирта с водой'); *пиво* ('слабый алкогольный пенный напиток из ячменного солода и хмеля'; уменьшительное – *пивцо*, *пивушко*); *мед* (в одном из значений данной лексемы 'старинный легкий хмельной напиток из пчелиного меда': уменьшительное – *медок*); брага

(‘слабый хлебный хмельной напиток’; уменьшительное – *бражка*), *хмельное*, *хмель* (‘алкогольный напиток’).

По мнению Ю. С. Степанова, «концепт, репрезентируемый словами “водка – пьянство” считается одним из основополагающих понятий русской культуры» [2001]. Лингвокультуролог и этнопсихолингвист В. В. Красных считает, что стереотип «винопитие» содержит оценки, связанные с нравственными ценностями носителей русского языка и базовыми оппозициями культуры: «добро – зло», «хорошо – плохо» [2003].

Прежде чем рассмотреть устойчивые выражения с компонентом *вино*, требуется определиться с терминологией. Вином, если слово употреблялось без других прилагательных, в IX–XIII вв. называли только напиток, сделанный из винограда. До середины XII в. его пили разбавленным водой, как в Греции и Византии [Похлёбкин, 2002, с. 11–12].

Среди выявленных нами 59 ФЕ с номинациями *вино*, *винцо* выделяются два выражения, обозначающие устаревшее название водки и практически не используемые в современном русском языке: *зеленое (зелено) вино*; *простое вино*.

Характерной чертой русского человека является безмерное употребление спиртного, что и отразилось в ряде ФЕ: *пьет винцо, как суслицо*; *выпил винцо, как молочко*; *в кабаке родился, в вине крестился* и др. Вино помогает человеку в беде, подогревает в радости, утешает в горе: *утопить горе в вине* (‘выпить вина или начать пьянствовать с горя’); *хлеба нету, так пей вино*; *от беды и без вина зашатает*; он также пьет, чтобы поднять настроение и развеселиться: *вино веселит, а хлеб спит*; *вино веселит сердце*; *где винцо, тут и праздничек (тут и гостёба)*; *вино пляске брат* и др.

Похмелье выступает неизменным спутником чрезмерного потребления алкоголя [Глушкова, 2015, с. 150]: *вино надвое растворено: на веселье и на похмелье*; а предложение выпить расценивается как проявление уважения, дружеского расположения: *в честь вино пьют, а не в честь льют*; *горько пить вино, а обнесут (мимо), горчее того*; *жалеть вина – не видать гостей* и др. О бережном отношении к спиртному свидетельствуют следующие ФЕ: *не жаль себя, да жаль вина*; *винцо не пиеничка: прольешь – не подключешь*.

Действительно, в нашей выборке ФЕ с компонентом *вино* можно разделить два класса устойчивых выражений: с позитивными и с негативными коннотациями.

С одной стороны, чрезмерное употребление вина и пьянство вызывает осуждение и приводит к плохим последствиям: *много вина пить – беде быть*; *с вином поводишься – нагишом находишься*; *не жаль вина – жаль ума*; *вино сперва веселит, а там без ума творит*; *дали вина, так и стал без ума* и др.

Чрезмерное винопитие ведет к нарушениям норм поведения, потере чести и морального облика, но при этом русский человек винит во всех бедах не себя, а пьянство: *потерял честь вином*; *пьяному бесчестье – до чарки вина* (т. е. опять напьется); *не винит вино, винит пьянство/а винопитство* и др.

Антропоцентричность ФЕ проявляется в характеристике физического состояния человека под действием алкоголя, а также во влиянии спиртного на умственную деятельность: *вино развязывает язык*; *без вина правды не скажешь*; *на воде ноги жидки, а на вине жиже того*; *кто вина не пьет, пьян не живет*; *кто жены не бьет – мил не живет* и др.

С другой стороны, употребление спиртного приветствуется, особенно если тебя угощают: *чужое вино – и пил бы, и лил бы, и искупаться попросил бы*; *на добро нет, а на вино везде дают*; *меняй хлеб на вино – веселей приживешь* (от обычая угощать осенью вином и принимать за это в подарок хлеб); *ходи в кабак, вино пей – будешь архиерей* и др. Данные примеры подтверждают, что в языковом сознании русских присутствует положительное отношение к способности алкоголя поднимать настроение, а также к легкой степени алкогольного опьянения [Хо, 2020, с. 6].

Следующее место по количеству номинаций алкогольных напитков занимает компонент пиво (включая *пивцо*, *пивушко*) – 25 единиц. Слово «пиво» исходно означало любой напиток.

В XII–XIII вв. так стали называть всякое искусственно созданное человеком алкогольное питье. Пиво же в современном понимании обозначалось славянским термином «ол».

О важности разнообразия спиртных напитков в жизни русского человека свидетельствует ряд ФЕ, в составе которых содержится несколько номинаций алкогольных или квазиалкогольных компонентов: *не винца, так пивца; не пивца, так кваску; не кваску, так водки из-под легкой лодки; наши прадеды живали – мед, пиво пивали, а как бражки жбан – старичок наш пан; пиво не диво, и мед не хвала, а всему голова, что любовь дорога; пей пиво, запивай винцом, лучше хмель не возьмет*.

Известно, что на протяжении долгого времени разные народы готовили пиво один раз в год, к 1 марта, отсюда и выражение «мартовское пиво», то есть лучшее по качеству – крепкое, свежее и чистое. В древнерусских городах пиво варили всей улицей, сотней, слободой, посадом; в селениях – всем погостом, починком, всей улицей, деревней [Похлёбкин, 2002, с. 30]. Эти исторические реалии нашли отражение в ФЕ: *мартовское пиво с ног сбило; молодое пиво уходится*.

Для варки пива требовались сообразительные и умелые помощники, что послужило причиной возникновения следующих антропоцентрических фразеологизмов: *с дураком пива варить* (т. е. складчиною) – *от солоду отказаться; с дураком пива не сварить, а и сварить, так не разопьешь; пива не сварить* [с кем-нибудь] (разг. и неодобр.; о том, кто несговорчив, упрям).

Выявляя лингвосомиотические особенности концептуализации алкогольной тематики в русско-немецких параллелях, Ю. В. Реймер приходит к выводу, что для русской лингвокультуры характерны лакунарные ассоциации, главная из которых «выпивка – похмелье – неприятности» [Реймер, 2011]. Подтверждением тому служат, например, ФЕ: *с пивушка головушка болит, с вина просыпанье тяжело; пил бы пиво, да лихо с похмелья*. Влияние потребления пива на внешние данные человека нашло отражение во фразеологизме *пей пива больше, так брюхо будет толще*.

Исследователи сходятся во мнении, что в древнерусской культурной традиции чествование гостя спиртным воспринималось как непереносимая культурная норма, а отказ выпить рассматривался как недостаток уважения к человеку, который предлагает выпить [Гайденко, 2021b, с. 52]: *честь пива лучше* (о приглашении); *пиво вари, да гостей зови; было бы пиво на погосте, а у пива будут гости; где пировать, тут и пиво наливать (и брагу сливать); на разливе пиво пьют, на разборе ягодки едят*.

С точки зрения русского историка, специалиста по российской ментальности И. Г. Прыжова, всякое мирское дело непременно начиналось пиром или попойкой, поэтому в социальной жизни народа алкогольные напитки имели громадное культурное значение [Прыжов, 2009]. К примеру, одним из русских обычаев было пить мировую в знак окончания ссоры: *с кумом бранюсь, на пиве мирюсь, с чужим побранюсь – винцом зальюсь; мировая на пиве с отрыжкой* (ответ на предложение пить вино, а не пиво во время замирения).

Потребление спиртного всегда воспринималось как праздник, повод для веселья, так как противопоставлялось тяжелому труду, работе: *глядя на пиво, хорошо и плясать; пиво пить да плясать – не лен чесать; в праздник и у воробья пиво; праздник любить – пиво варить*.

Пьянство церковнослужителей поощрялось ритуальным хлебосольством и показным гостеприимством [Гайденко, 2021b]. Несмотря на то, что русские монахи и священнослужители сами варили пиво и могли употреблять его по церковному уставу, посещение пиров, застолий и торжественных обедов давало им возможность не ограничивать себя в количестве выпитого, что нашло отражение во фразеологии: *варил поп пиво – невелико диво; мужик только пиво заварил, и уже поп с ведром*.

Хотя вторым по значению спиртным напитком Древней Руси был мед хмельной, или медовуха [Похлёбкин, 2002, с. 12], нами зафиксировано 14 ФЕ с компонентами *мед, медок* (меньше, чем с компонентом пиво), что свидетельствует о расхождении между языком и привычками винопития в реальной жизни: *вашими бы устами да мед пить; лаком гость к меду, да пить*

ему воду; либо **мед** пить, либо биту быть; на разливе и **мед** пьют; не пьет черт **меду**, глядит он в воду; неволя пьет **медок**, а воля водицу; сладок мед, да не горстью его; горько **вино**, да не лишишься его и др.

Наличие в выборке всего трех фразеологизмов с компонентами *водка*, *водочка*: на **водку** (устар.; 'денежное вознаграждение за мелкие услуги, усердие и т. п. '); **водка** – **вину** тетка; ныне и пьяница на **водку** не просит, а все на чай – обусловлено тем, что официально термин «водка» стал употребляться ближе к XX в. «На Руси водку называли хлебным вином, горячим вином, перегонным вином, говорили еще: *зелёно вино, питья медвяные*» [Там же, с. 9].

Во многих ФЕ с компонентом *вино* зафиксированы и свойства водки, в частности, влияние выпитого на поведение человека.

С номинациями *брага*, *бражка* и *хмельное* (*хмель*) также выделено по три ФЕ: удача – **брага**, неудача – **квас**; есть **брага** да пирожки – есть и дружки; без чаши **бражки** – гость гложит кость; пить **хмельное**, так и говорить такое; **хмель** шумит – ум молчит; **хмель** в компанию принимает, а непьющего никто не знает.

Причину широкого распространения и даже иногда злоупотребления спиртными напитками в русской повседневной жизни XI–XIII вв. П. И. Гайденко и В. В. Мильков видят в том, что досуг как простых людей, так и высших сословий и духовенства не отличался разнообразием. В то время застолье являлось главной формой «развлечения и радости человека. Бражничеству и пьянству способствовали пиры, братчины, поминальные тризны и ритуалы» [Гайденко, 2021а, с. 31].

1.2. Национально-культурные особенности китайских фразеологизмов с номинациями спиртных напитков

В состав китайских ФЕ с названиями алкогольных напитков также входит ряд номинаций с многозначной лексемой 酒 [jiǔ] ('спиртное, алкоголь'; 'алкогольные напитки'; 'водка') в составе, которая употребляется в качестве морфемы, либо слова. Она обозначает родовое понятие принадлежности к алкогольным напиткам в соответствующих названиях: 白酒 [báijiǔ] ('гаоляновая водка'; 'китайская (белая) водка'; 'ханшин'), 高粱 [gāoliang] ('гаолян, сорго'); 新酒 [xīnjiǔ] ('молодое (новое) спиртное'; 'молодое вино'); 红酒 [hóngjiǔ] ('красное (виноградное) вино'); 醇 [chún] ('чистейший спирт').

В отличие от других стран, в Китае «отсутствуют как негативные мифологические коннотации алкоголя, так и религиозные запреты. Более того, образ вина (в значении 'спиртное, алкоголь') представлен в качестве однозначно положительного, не одобряется лишь его чрезмерное употребление» [Хо, 2020, с. 5]. Подтверждение этому мы находим в китайских антропоцентрических фразеологизмах, характеризующих образ жизни, физическое состояние, личностные качества и привычки: 世财, 红粉, 歌楼酒, 谁为三般事不迷 (букв. 'никто не может устоять перед богатством, красивой женщиной и алкоголем'); 酒病花愁 (букв. 'алкоголь – страсть, красоти – тоска'; 'спиртное и женщины – предмет постоянной заботы'); 酒地花天 (букв. 'спиртное – земля, красоти – небо'; 'развратный образ жизни'; 'предаваться безудержному разгулу и пьянству'); 灯红酒绿 (букв. 'красное вино (алкоголь) под зелеными фонарями'; 'безудержно-веселое времяпрепровождение'); 浪酒闲茶 (букв. 'безудержно употреблять спиртное и расточительно расходовать чай'; 'вести разгульный образ жизни'; 'предаваться излишествам'); 酒色祸之媒 (букв. 'вкусное спиртное и разврат – посредники беды'); 一份醉酒, 十分醉德 (букв. 'выпьешь немного водки, слегка охмелеешь, выпьешь без меры – потеряешь добродетель'); 白酒红人面, 黄金黑人心 (букв. 'гаоляновая водка – пунцовое лицо, золото – черная совесть'; 'потерять совесть из-за спиртного и богатства'); 当了衣服买酒喝 – 顾嘴不顾身 (букв. 'заложить одежду в ломбард, чтобы купить алкоголь – беспокоиться о рте/глотке, не думать о плоти'; 'заботиться о сиюминутной выгоде'); 仗气使酒 (букв. 'давать себе волю под влиянием

спиртного'; 'пьяное самодурство'); 酒色之徒 (букв. 'золотистый соболя [на шапках у светских сановников] менять на спиртное'; 'богемная жизнь'; 'развратник и пьяница') и др.

Символом богемной, расточительной жизни, высокомерия богатых и влиятельных людей также служит фразеологизм 貂裘换酒 (букв. 'собольей шубой платить за спиртное'). Признаком простой жизни выступает устойчивое выражение 村酒野蔬 (букв. 'деревенский спирт и дикие овощи'; 'простая жизнь').

Образ мотовства ярко иллюстрируется фразеологизмом 酒池肉林 (букв. 'озера спирта и леса мяса'). В «Классических исторических записях» сказано, что властитель Чжоу из династии Шан любил хорошее вино и непристойные удовольствия, используя вино как бассейн, а подвешенное мясо – как лес, где по его приказу мужчины и женщины гонялись голыми друг за другом всю ночь.

Негативно в китайской лингвокультуре оцениваются люди, которые предаются пьянству и обжорству: 饭坑酒囊 (букв. 'яма еды, мешок спирта'; 'никудышный человек, дармоед, тунеядец'); 酒囊饭袋 (букв. 'сосуд для спиртного и мешок для пищи'; 'никчемный, никуда не годный человек', 'совершенная бездарность'; 'дармоед'); 高阳酒徒 (букв. 'пьяница из Гаояна'; 'богемный пьяница'); 斗酒学士 (букв. 'доу¹ спиртного – винный бакалавр') и др.

Антропоцентрический характер данных ФЕ находит отражение в их семантике, в указании на личностные качества и черты характера человека. Так, для понимания двух последних фразеологизмов требуется знание китайской истории и древних текстов. Гаоян – город в провинции Хэнань, откуда был родом известный полководец династии Хань. Когда после сражения он захотел отдать дань уважения и присягнуть императору Лю Бану, то был ошибочно принят за конфуцианца и получил отказ. В ответ он шутливо назвал себя «пьяницей из Гаояна»; позже так стали называть представителей высших слоев знати, пристрастившихся к алкоголю. «Винными бакалаврами» в Китае именовали образованных, культурных людей, любителей выпить. Во времена династии Тан все знатоки литературы и классического искусства воспитывались в академии Ханьлинь. Время они проводили в ожидании указов императора, редактируя доклады чиновников и прошения на высочайшее имя, поэтому их должность так и называли 待诏 [dàizhào] – дайчжао, 'ожидаящий указа'. Однажды у поэта Ван Цзи спросили, почему ему так нравится работа дайчжао, на что он ответил: «потому что можно пить вино». Его слова услышал начальник и с этого момента стал присылать ему ежедневно доу спиртного, после чего Ван Цзи прозвали «винным ученым».

Как в русской, так и в китайской лингвокультуре образ пьяного человека связан с чрезмерной болтливостью: например, 酒入舌出 (букв. 'алкоголь внутрь, язык наружу'; 'болтать после выпивки'); 酒后失言 (букв. 'будучи пьяным болтать лишнее'); 酒后吐真言 (букв. 'под действием алкоголя говорить правду') и др.

Восприятие алкоголя как способа забыть о печалих, проблемах и горестях встречается и у русских, и у китайцев: 借酒浇愁 (букв. 'использовать спиртное, чтобы потопить горе'; 'заливать горе, тоску алкоголем'); 杯酒解愁 (букв. 'чашкой спиртного развеивать тоску, беспокойство'); 酒肉兄弟 (букв. 'когда есть спиртное и мясо, появляются друзья'; 'ненастоящая дружба') и др.

Отличительной особенностью китайской культуры является то, что спиртное выполняло функцию ритуального напитка, необходимого для проведения различных церемоний. Российские востоковеды А. А. Маслов [2003] и О. Г. Кобжицкая [2008] приводят данные, что алкоголь в Древнем Китае играл основную роль в ритуалах культа предков, а также в различных формах спиритизма для общения с духами умерших. Этнолог и историк С. А. Арутюнов также считает, что употребление различных напитков в традиционалистских обществах часто связано с ритуальными предписаниями и манипуляциями, при этом «жесткие обрядово-этикетные рамки создают преграду на пути возникновения алкоголических патологий» [2008, с. 18].

¹ Мера в Китае, сч. слово для жидких и сыпучих веществ; иероглиф также имеет значение 'чарка, чаша'.

Доказательством того, что практически любой ритуал начинался с приема алкоголя, О. М. Готлиб считает первые иероглифы, которые содержат в своем начертании отсылки к семантике спиртного [2007].

Употребление алкоголя в Китае своими корнями уходит также в конфуцианство, в котором важное место занимал принцип 礼 [lǐ] – ‘этикет, приличия, правила вежливости, благопристойности’; ‘учтивость, такт’. Исполнение обрядов и ритуалов, в том числе связанных с распитием вина, по Конфуцию, считалось основой добропорядочности [Маслов, 2006]. Подтверждением служат следующие фразеологизмы: 只鸡絮酒 (букв. ‘курица и пропитанный спиртным хлопок’; ‘скромный знак уважения памяти покойного’); 斗酒只鸡 (‘доу спиртного и одна курица’; ‘скромная дань умершим предкам во время церемонии’); 玄酒瓠脯 (букв. ‘вода для церемонии/ритуала вместо спиртного и сушеная тыква’; ‘бедная жизнь’).

В Древнем Китае зародился обычай ритуального винопития у воды. Так, во времена династии Цзинь богатый чиновник и литератор Ши Чун развлекал гостей в саду Золотой долины, и те, кто не смог сочинить стихи, штрафовались на три доу спиртного. Эта история зафиксирована не только в древнекитайских текстах, но и во фразеологии: 金谷酒数 (букв. ‘в саду Золотой долины считают чарки спиртного’; ‘штрафная, штраф в виде выпивки’).

Известно, что первый «павильон плывущих чарок» связан с вэйским императором Минди (203–238), который повелел построить в саду каменный желоб-ручей для проведения весенних обрядов. Постепенно ритуалы превратились в игры, для которых создавались сады с извилистыми каналами, где происходили поэтические состязания [Войтишек, 2015].

В древнекитайской культуре спиртное имело сакральное значение, воспринималось как лекарство для души и тела и необходимый элемент для занятия искусствами [Хо, 2020].

Неразрывная связь спиртного и поэзии свойственна культуре Востока, где вино служит для увеселения, созерцания мира, философствования, приятного времяпрепровождения, наслаждения моментом, что и нашло отражение в китайской фразеологии: 酒虎诗龙 (букв. ‘спиртное – тигр, стихи – дракон’; ‘человек, который умеет пить спиртное и знает высокую поэзию, образованный человек’); 双柑斗酒 (букв. ‘с парой цитрусовых и чашей спиртного/вина’; ‘наслаждаться красотой весны и пением птиц’ (из стихотворения в старых текстах); 斗酒百篇 (букв. ‘способность выпить доу спиртного и написать сотни стихов’; (первоначально о поэте Ли Бае², а после – о любом художнике, ищущем вдохновения в вине).

Взаимосвязь поэзии вина имеет долгую историю, «вино и стихи – это два неразрывно связанных элемента китайской культуры, они настолько тесно сплетены друг с другом, что, листая главы истории китайской поэзии, чувствуешь аромат вина» [马美惠, 2013, с. 250]. Образ вина в китайском искусстве представляет собой познание высшей истины, обретение гармонии, а искусство под винным парами дарует вдохновение и духовное очищение [Хо, 2020; Лебедева, 2018].

Гедонистический взгляд на жизнь, воспевание чувственного удовольствия как высшего блага также навеяны «винной поэзией», что зафиксировано в китайской фразеологии: 今日有酒今朝醉, 明日愁来明日愁 (букв. ‘есть сегодня спиртное – будем пить, а что будет завтра – посмотрим’); 对酒当歌 (букв. ‘вместе пить спиртное и петь песни’; ‘время жизни ограничено, наслаждайся моментом’) и др. Единственный фразеологизм в этом ряду, имеющий отрицательную коннотацию, – 金龟换酒 (букв. ‘золотую печать и черепаховую застежку [знаки отличия высших чинов династии Хань] менять на спиртное’; ‘непреодолимое желание получить удовольствие’). Философская мысль о том, что чистые помыслы и намерения важнее, чем действия, противоречащие буддийскому религиозному учению, отразилась во фразеологизме 佛在心头生, 酒肉肺腑过 (букв. ‘если в душе и мыслях есть Будда, тогда не важно, пьешь ли ты спиртное и ешь ли мясо’).

² Современное произношение имени знаменитого поэта эпохи Тан – Ли Бо, или Ли Тай-бо.

В рождении культуры питания – 饮酒文化 [yǐnjiǔ wénhuà] – существенную роль также сыграли 酒令 [jiǔlǐng] ‘винные приказы’ – «разновидность литературных игр, выполнявших своеобразную идеологическую функцию и способствовавших созданию атмосферы состязаний, функционированию культа знаний и интеллектуальных способностей» [Войтишек, 2011, с. 120].

У деловых людей застолье со спиртным является неотъемлемым элементом обсуждения важных проблем, заключения договоров и выгодных сделок: 酒在肚里, 事在心头 (букв. ‘спиртное в животе, а дело в голове’; ‘выпить спиртное, не забыть о деле’); 吃酒图醉, 放债图利 (букв. ‘кто-то пьет спиртное, чтобы выпить, кто-то дает деньги, чтобы получить проценты’; ‘у каждого своя цель’); 醉翁之意不在酒 (букв. ‘помыслы хмельного старика не в спиртном’; ‘преследовать иные цели’); 载酒问字 (букв. ‘неся вино [учителю], спрашивать о тексте’; ‘быть любознательным, рваться к знанию’) и др.

Спиртное, как и чай, являлись главными товарами на китайском рынке напитков, что подтверждается «налоговым» фразеологизмом 榷酒征茶 (букв. ‘облагать налогом спиртное и чай’; ‘жесткое налогообложение’).

Алкоголь и вкусная еда в Китае во все времена служили неизменными атрибутами торговли, бизнеса, выражением уважения к начальству и деловым партнерам, поэтому в отличие от русской лингвокультуры застолье с обильным возлиянием не воспринимается как свободное или пустое времяпрепровождение, о чем свидетельствуют следующие ФЕ: 酒余茶后 (букв. ‘после спиртного и чая’; ‘в свободное время’); 茶余酒后 (букв. ‘в остальное время после употребления спиртного и вкушения пищи’; ‘в свободное время, на досуге’).

Отличительные черты китайской культуры питания в разных пластах китайского общества – религиозном, интеллектуальном, художественном, бытовом – хорошо суммировал Сун Цзе: «...[Вино] устанавливает взаимосвязи человека с космосом и миром божеств и почитаемых предков, помогает осознать себя как микрокосм, подчиненный общим законам природы, общему “дао-пути” всего сущего» [Сун Цзе, 2015, с. 19–20].

Заключение

Большинство ФЕ русского и китайского языка с номинациями спиртных напитков относятся к безэквивалентным (примерно 90 %), т. е. присущи только одной языковой системе. В значительной степени это объясняется тем, что китайская и русская культуры имеют разные философские основания, сформировавшие и своеобразные когнитивные базы для появления фразеологизмов.

Нами не выявлено полных эквивалентов, которые совпадали бы по семантической структуре при полном совпадении ассоциативных образов. Однако обнаруживаются ФЕ (около 10 % от общего числа рассмотренных), которые находятся в отношениях *частичной* эквивалентности, характеризующей частичным тождеством планов выражения фразеологизмов при сходной семантике.

Можно сделать вывод, что отличительной чертой русских ФЕ являются разнообразные номинации спиртных напитков (*вино, пиво, мед, водка, брага, хмельное*), наличие уменьшительно-ласкательных вариантов (форм) наименований *винцо, пивцо, медок, бражка*, а также использование нескольких различных сем в составе одного выражения. Наибольшей фразеоактивностью обладает номинация вино (около 55 % из 107 ФЕ) в значениях ‘виноградное вино’ и ‘водка’, что говорит о широком распространении данного алкогольного напитка с IX в.

В китайской фразеологии преобладает общее обозначение, родовое понятие спиртного 酒 [jiǔ] (‘спиртное, алкоголь’; ‘алкогольные напитки’; ‘водка’) – 95 % от всех зафиксированных единиц, а все остальные номинации включают в себя данную морфему и представлены в единичном экземпляре.

И в русских, и в китайских ФЕ «алкогольные номинации» противопоставлены «безалкогольным» (по шесть ФЕ в каждом из языков), но в русском языке в основном встречается оппозиция «алкоголь – вода»: *покой пьет воду, а беспокойство – мед; удача – брага, неудача – квас* и др. В китайском языке противоположностью *спиртному* выступает *чай*: 浪酒闲茶 (букв. ‘безудержно употреблять спиртное и расточительно расходовать чай’; 酒余茶后 (букв. ‘после спиртного и чая’; ‘в свободное время’) и др.

Своеобразие китайских фразеологизмов также заключается в том, что номинация 酒 [jiǔ] ‘спиртное’ сопровождается «пищевым компонентом» (16 ФЕ, что составляет около 18 %), который в основном выражен словами 食 [shí], 饭 [fàn] в значении ‘пища, еда’ и 肉 [ròu] ‘мясо’: 酒醉饭饱 (букв. ‘напиться спиртным допьяна, насытиться пищей досыта’); 酒池肉林 (букв. ‘озера спирта и леса мяса’) и др.

В четырех русских фразеологизмах номинация вино противопоставляется хлебу, что говорит об особенностях мышления русского человека, в сознании которого еда находится в оппозиции к алкоголю: *хлеба нету, так пей вино; вино веселит, а хлеб спит* и др.

Из проанализированных нами ФЕ 90 % относятся к безэквивалентной лексике и не имеют аналогов в сопоставляемых языках, частичными эквивалентами выступает лишь 10 % исследуемого материала.

Если употребление хмельных напитков в русской культуре во многом поощрялось обычаями и разного рода ритуальными ситуациями и принимало форму бытового пьянства, то в китайской культуре обряды и церемонии наоборот являлись регламентирующим и ограничивающим фактором потребления спиртного.

Список литературы

- Арутюнов С. А. Напитки народов мира // Хмельное и иное. Напитки народов мира. М.: Наука, 2008. С. 14–19.
- Войтишек Е. Э., Кудинова М. А. и др. «Павильоны плывущих чарок» в храмах и парках Пекина // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45, № 2. С. 247–253.
- Войтишек Е. Э. Пир у изогнутой воды как элемент культуры винных приказов в Китае, Корее и Японии // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 4. Востоковедение. С. 119–129.
- Гайденко П. И., Мильков В. В. Питие на Руси: веселие, постыдный порок или культурная норма? // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2021. № 3(15). С. 20–36.
- Гайденко П. И. Каким должен быть настоящий праздник, или любили ли в Киевской Руси церковные праздники? // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2021. № 2(14). С. 43–60.
- Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 284 с.
- Кобжицкая О. Г. Культ предков в традиционной китайской культуре // Региональная научно-практическая конференция «Язык и культура стран Центральной и Восточной Азии» / Под ред. Ж. Д. Маюрова. Иркутск: ИрГТУ, 2008. С. 49–52.
- Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
- Лебедева А. В. Образ вина в поэзии Ван Цзи // Филологические науки. Вопросы теории и практики, Тамбов: Грамота. 2018. № 11(89). Ч. 1. С. 35–39.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия. 1990. 682 с.
- Ли Гуаньхуа. Опыт лингвокультурологического и семантического описания русской фразеологической картины мира (на примере единиц с компонентом «еда») // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. 2011. № 1. С. 46–53.

- Маслов А. А.** Я ничего не скрываю от вас. Конфуций. Суждения и беседы. М.: Мир книги, 2006. С. 3–15.
- Маслов А. А.** Китай: Укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз. М.: Алетейя, 2003. 474 с.
- Павлова О. В.** Классификация межъязыковых фразеологических отношений в китайском и русском языках // Язык и культура. 2014. № 3(27). С. 74–87.
- Похлёбкин В. В.** История водки. М.: Центрполиграф, 2002. 403 с.
- Прыжов И. Г.** История кабаков в России. СПб.: ИД «Авалонъ», 2009. 316 с.
- Реймер Ю. В.** Лингвосомиотические особенности концептуализации алкогольной тематики в русско-немецкой параллели // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. № 13. С. 188–192.
- Рубина С. Н.** Лингвострановедческий подход к презентации русской фразеологии в китайской аудитории: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2000. 23 с.
- Савина Е. А., Гладких Е. С.** Житейские представления об алкоголизме: межкультурные и внутрикультурные различия. Научные ведомости БелГУ. 2009. № 14. С. 72–80.
- Соколов-Ремизов С. Н.** «Куанцао» – ‘Дикая скоропись’ Чжан Сюя // Сад одного цветка: Сборник статей и эссе. М., 1991. С. 167–196.
- Степанов Ю. С.** Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Академ. проект. 2001. 989 с.
- Сун Цзе.** Вино в социокультурном ландшафте России и Китая: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Астрахань, 2015. 22 с.
- Хо О. А.** «Вино» 酒 как ритуал в культуре Китая // Международная научно-практическая конференция «Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение» / Под ред. А. М. Каплуненко. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. С. 282–290.
- Хо О. А.** Культура вина в Китае: Монография. М.: Издательский дом ВКН, 2020. 194 с.
- Чжан Мянъ.** Фразеологизмы и пословицы с компонентом «гостеприимство» в русском и китайском языках // Вестник Башкирского университета. 2017. № 3. С. 829–834.
- Чжао Чжицян.** Функционально-параметрическое описание фразеологизмов русского и китайского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 19 с.
- 马美惠. 今朝放歌须纵酒-就文化卷. 北京:北京工业出版社, 2013. [Ма Мэйхуэй, Пение и выпивка в сборнике «Современная культура». Пекин: Пекинское промышленное издательство, 2013].

Список источников

- Большой китайско-русский словарь по русской графической системе: в 4 т. Ок. 250 000 слов и выражений / Под ред. [и с предисл.] И. М. Ошанина. М.: Наука, 1983–1984.
- Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Под ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 784 с.
- Даль В. И.** Пословицы русского народа: сборник: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989.
- Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978–1980.
- Колесов В. В.** Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014.
- Краткий словарь недоговорок-иносказаний современного китайского языка / Под ред. М. Г. Прядохина. М.: Восток-запад АСТ, 2001. 218 с.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 1164 с.
- 中国成语词典 [Большой словарь китайской фразеологии]. Шанхай: ИД «Шанхай цышу», 1986. 1694 с.
- 在线成语字典 [Большой китайский фразеологический словарь] [Electronic resource]. URL: <http://cy.5156edu.com/serach.php>.

- 汉语歇后语词典. 北京. 商务印书馆国际有限公司, 2006. [Словарь недоговорок [сехоуюй] китайского языка. Пекин, 2006]. 1985 с.
- 刘明涛. 燕园中国成语字典. 中国黑龙江, 2002. [Лю Минтао. Словарь китайских идиом яньюань. Хэйлунцзян, Китай, 2002]. 964 с.

References

- Arutyunov, S. A.** Drinks of the peoples of the world. In: Hoppy and other: Drinks of the peoples of the world, Moscow: Science, 2008, pp. 14–19. (in Russ.)
- Voitishek, E. E., Kudinova, M. A. et al.** “Pavilions of floating cups” in the temples and parks of Beijing. *Society and state in China*, V. 45, no. 2, pp. 247–253. (in Russ.)
- Voitishek, E. E.** Feast at the Curved Water as an Element of the Culture of Wine Orders in China, Korea and Japan. *Vestnik Novosib. state university Series: History, Philology*, 2011, 10, no. 4, Oriental Studies, pp. 119–129. (in Russ.)
- Gaidenko, P. I., Milkov, V. V.** Drinking in Russia: fun, shameful vice or cultural norm? *Paleorussia. Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas*, 2021, no. 3 (15). pp. 20–36. (in Russ.)
- Gaidenko, P. I.** What should be a real holiday, or did they like church holidays in Kievan Rus? *Paleorussia. Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas*, 2021, no. 2 (14), pp. 43–60. (in Russ.)
- Gotlib, O. M.** Fundamentals of grammatology of Chinese writing. Moscow: AST: East-West, 2007, 284 p. (in Russ.)
- Kobzhitskaya, O. G.** The cult of ancestors in traditional Chinese culture. In: Mayurova Zh. D. (ed.) “Language and Culture of the Countries of Central and East Asia”. Irkutsk technology university, Irkutsk, 2008, pp. 49–52. (in Russ.)
- Krasnykh, V. V.** “Own” among “strangers”: myth or reality? Moscow: ITDGG “Gnosis”, 2003. 375 p. (in Russ.)
- Lebedeva, A. V.** The Image of Wine in Wang Ji’s Poetry. *Philological Sciences*, 2018, no. 11 (89), pt 1, pp. 35–39. (in Russ.)
- Linguistic Encyclopedic Dictionary. V. N. Yartseva (ed.), Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990, 682 p. (in Russ.)
- Li, G.** The experience of linguoculturological and semantic description of the Russian phraseological picture of the world (on the example of units with the component “food”). *Scientific notes of the Taurida National University named after V. I. Vernadsky*, 2011, no. 1, pp. 46–53. (in Russ.)
- Maslov, A. A.** I do not hide anything from you. Confucius. Judgments and conversations, Moscow: Book World, 2006, pp. 3–15. (in Russ.)
- Maslov, A. A.** China: Taming of dragons. Spiritual Searches and Sacred Ecstasy, Moscow: Aleteya, 2003, 474 p. (in Russ.)
- Pavlova, O. V.** Classification of interlingual phraseological relations in Chinese and Russian. *Language and Culture*, 2014, No. 3 (27), pp. 74–87. (in Russ.)
- Pokhlebin, V. V.** History of vodka, Moscow: Tsentrpoligraf, 2002, 403 p. (in Russ.)
- Pryzhov, I. G.** History of taverns in Russia, St. Petersburg: Avalon publishing house, 2009, 316 p. (in Russ.)
- Reimer, Yu. V.** Linguistic and semiotic features of the conceptualization of alcohol themes in the Russian-German parallel. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2011, no. 13, pp. 188–192. (in Russ.)
- Rubina, S. N.** Linguistic and regional approach to the presentation of Russian phraseology in the Chinese audience: Abstract of the thesis. dis. ... cand. ped. Sciences, Volgograd, 2000, 23 p. (in Russ.)
- Savina, E. A., Gladkikh, E. S.** Everyday ideas about alcoholism: intercultural and intracultural differences. *Scientific Bulletin of BelSU*, 2009, no. 14, pp. 72–80. (in Russ.)

- Sokolov-Remizov, S. N.** “Kuantsao” - Zhang Xu’s ‘Wild cursive’. In: *Garden of one flower: Collection of articles and essays*, Moscow, 1991, pp. 167–196. (in Russ.)
- Stepanov, Yu. S.** Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience, Moscow: Akadem. project, 2001, 989 p. (in Russ.)
- Sun Tse.** Wine in the sociocultural landscape of Russia and China: Abstract of the thesis. dis. ... Cand. of Histor. Sc., Astrakhan, 2015, 22 p. (in Russ.)
- Ho, O. A.** “Wine” 酒 as a ritual in Chinese culture. Kaplunenko A. M. (ed.) International scientific and practical conference “Cultures and languages of the Far East: study and education”, Irkutsk: MSU EALI, 2015, pp. 282–290. (in Russ.)
- Ho, O. A.** Wine Culture in China: A Monograph. Moscow: VKN Publishing House, 2020, 194 p. (in Russ.)
- Zhang, Mian.** Phraseologisms and proverbs with the component “hospitality” in Russian and Chinese. Bulletin of the Bashkir University, 2017, no. 3, pp. 829–834. (in Russ.)
- Zhao, Zhiqiang.** Functional-parametric description of phraseological units in Russian and Chinese: Abstract of the thesis. dis. ... cand. philol. Sciences. Moscow, 2012, 19 p. (in Russ.)
- 刘明涛. 燕园中国成语字典. 中国黑龙江, 2002. (in Chin.)

Sources

- Large Chinese-Russian Dictionary of the Russian Graphic System: in 4 vol. About. 250,000 words and expressions; Ed. by I. M. Oshanin. M.: Nauka, 1983–1984.
- Large phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Usage. Cultural commentary; Ed. by V. N. Telia. M.: AST-PRESS-BOOK, 2009. 784 p.
- Dahl V. I.** Proverbs of the Russian people: a collection: in 2 vols. Moscow: Khudozhestvennaya lit., 1989.
- Dahl V. I.** Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols. Moscow: Russian language, 1978–1980.
- Kolesov V. V.** Dictionary of the Russian mentality: in 2 vols. SPb.: Zlatoust, 2014.
- A Brief Dictionary of Understatements-Innoculations of Modern Chinese; Ed. by M. G. Pryadokhin. Moscow: Vostok-West AST, 2001. 218 p.
- The Explanatory Dictionary of the Russian Language, including data on the origin of words; Ed. by N. Y. Shvedova. Moscow: Azbukovnik, 2011. 1164 p.
- 中国成语词典 [Big dictionary of Chinese phraseology]. Shanghai: Shanghai Qishu Publishing House, 1986. 1694 p.
- 在线成语字典 [Big Chinese Dictionary of Phraseology] [Online]. URL: <http://cy.5156edu.com/serach.php>.
- 汉语歇后语词典. 北京. 商务印书馆国际有限公司, 2006. [Dictionary of understatements [sehouyu] of the Chinese language. Beijing, 2006]. 1985 p.
- 刘明涛. 燕园中国成语字典. 中国黑龙江, 2002. [Liu Mintao. dictionary of Chinese yanyuan idioms. heilongjiang, China, 2002]. 964 p.

Информация об авторе

Ма Лун, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировых языков, Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь

Information about the Author

Ma Long, Candidate of Sciences (Philology), Masharov Vitebsk State University, Vitebsk, Belarus

*Статья поступила в редакцию 18.08.2022;
одобрена после рецензирования 30.10.2022; принята к публикации 05.11.2022*

*The article was submitted 18.08.2022;
approved after reviewing 30.10.2022; accepted for publication 05.11.2022*

Научная статья

УДК 811.134.2

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-131-144

Метафорическое моделирование действительности в публичном дискурсе испанского монарха Филиппа VI

Марина Михайловна Раевская¹
Ирина Владимировна Селиванова²

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

²Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

¹mravetskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7724-0403>

²iselivanova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1578-0620>

Аннотация

Цель статьи – изучение метафорического моделирования действительности как одного из средств эффективного вербального воздействия на аудиторию в публичных речах испанского монарха Филиппа VI в период с 2014 по 2022 гг. в современном (2017–2022 гг.) политическом контексте Испании. В статье представлено системное рассмотрение антропоморфной, милитарной, доместической, артефактной, ориентационной и пространственной метафор, сопряженных со стратегиями речевого воздействия и идеологемами публичного дискурса современного испанского монарха. Теоретической базой исследования послужили работы основоположников теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, а также А. П. Чудинова и Э. В. Будаева, развивающих положения политической метафорологии в лингвопрагматическом и дискурсивном аспектах. Материалом исследования стали публичные речи Филиппа VI, произнесенные в период с 2014 по 2022 гг. и размещенные на сайте королевского дома Испании. За исходное положение в статье принято рассмотрение метафоры как ментального и лингвосоциального феномена, активно задействованного в современной агитационно-политической речи первых лиц государств. Результаты исследования показывают, что сферой-мишенью метафорического проецирования в публичном дискурсе государственного лидера является постоянно меняющаяся политическая, социальная и экономическая ситуация в стране. Системное рассмотрение семантических сфер-источников используемых метафор позволило выявить следующие тенденции: в королевских речах внутренней адресации вышеуказанные метафоры служат вспомогательными инструментами для *агитационной, информационно-интерпретационной и кооперационной стратегий* и являются неотъемлемой чертой выступлений перед национальной аудиторией в силу необходимости закрепить в сознании сограждан яркие и однозначные образы реалий общественно-политической действительности. В королевских речах внешней адресации метафоры используются в первую очередь в рамках *стратегии презентации страны и декларативной стратегии* для создания положительного образа Испании и трансляции принципов существования Европейского союза.

Ключевые слова

метафорическое моделирование, политический дискурс, институциональный дискурс, испанская монархия, публичные речи

Для цитирования

Раевская М. М., Селиванова И. В. Метафорическое моделирование действительности в публичном дискурсе испанского монарха Филиппа VI // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1. С. 131–144. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-131-144

© Раевская М. М., Селиванова И. В., 2023

Metaphorical Modeling of Reality in Public Discourse of the Spanish Monarch Felipe VI

Marina M. Raevskaya¹, Irina V. Selivanova²

¹Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

²HSE University
Moscow, Russian Federation

¹mraevskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7724-0403>

²iselivanova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1578-0620>

Abstract

The purpose of the article is to study metaphorical modeling of reality, one of the most effective means of verbal impact on the audience, in public speeches of the Spanish monarch Felipe VI (2014–2022) in the current political context of Spain (2017–2022). The article presents a systematic analysis of anthropomorphic, militaristic, domestic, artifact-related, orientational and spatial metaphors following the communicative strategies and ideologemes used by the Spanish King in public discourse. The study is based on J. Lakoff and M. Johnson's theory of conceptual metaphor, as well as on the ideas of A. Chudinov and E. Budaev developing political metaphorology in linguo-pragmatic and discursive perspectives. The analyzed material includes Felipe VI's public speeches from 2014 to 2022 available on the website of the Spanish Royal House. The article states that metaphors, being a mental and linguo-social phenomenon, are widely used in modern propaganda and political discourse by state and government leaders. The results of the study show that metaphors in the Spanish monarch's public discourse describe the constantly changing realia of political, social and economic life of the country. In the speeches delivered to the nation, metaphors promote ideas and basic principles in order to impact the addressee's worldview, performing as a means of advocating, interpretation and cooperation strategies. Also, they can be regarded as an important characteristic of the Spanish King's discourse because they may influence the citizens' perception of socio-political realia. In the Spanish King's speeches delivered abroad, metaphors are primarily used to create a positive image of Spain and convey the main principles of existence of the European Union within the framework of a country presenting and declarative strategy.

Keywords

metaphorical modeling, political discourse, institutional discourse, Spanish monarchy, public speeches

For citation

Raevskaya M. M., Selivanova I. V. Metaphorical Modeling of Reality in Public Discourse of the Spanish Monarch Felipe VI. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 131–144. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-131-144

Введение

В настоящее время особую важность приобретают исследования языковых средств конструирования действительности в современной политической коммуникации, являющихся действенным орудием в информационной борьбе за власть как на этапе ее получения, так и удержания. Конструирование действительности, или, иначе, метафорическое моделирование действительности, в ментальности социумов преследует цель закрепить отношения доминирования в обществе и контролировать его мышление. Для этого применяются, в частности, всевозможные метафорические словоформы. Многоаспектность и высокий прагматический потенциал метафоры способствуют активному изучению ее функционирования в политическом дискурсе на материале самых различных языков и политических систем [Lakoff, Johnson, 1980; Бондаренко, 2019; Селиванова, 2019; Раевская, Селиванова, 2020; Селиванова, 2020; Калинин 2021]. В этой связи практический интерес представляет изучение публичных выступлений испанского монарха Филиппа VI с целью выявить на основе объективной методологии характерные для него дискурсивно устойчивые метафорические модели в рамках обозначенной выше задачи. Отметим, что метафоры также активно задействуют в современной агитационно-политической речи первые лица других государств.

Предметом настоящего исследования стало метафорическое моделирование (конструирование, дефинирование) действительности, актуализированное в публичных речах Филиппа VI в период с 2014 по 2022 гг. Цель работы заключается в выявлении и систематизации метафорических моделей публичного дискурса с учетом реалий современного (2017–2022 гг.) политического контекста Испании.

За исходное положение в статье принята комплексная трактовка метафоры как ментального и лингвосоциального феномена, как способа оценки и объяснения происходящих в мире событий [Чудинов 2001; Будаев, Чудинов, 2011; Чудинов, 2013]. При этом в современной политической метафорологии принято отводить ведущую роль в политической коммуникации концептуальной метафоре, чей прагматический потенциал сознательно используется для «переконцептуализации картины мира адресата» [Чудинов, 2013, с. 50]. Иными словами, реакция индивида на предлагаемые ему когнитивные репрезентации реальности формирует основу для прогнозирования его дальнейших действий [Каменева, Рабкина, 2020].

Вслед за А. П. Чудиновым в настоящей статье под *метафорической моделью* мы понимаем существующую и/или складывающуюся в сознании носителей языка схему связи между понятийными сферами (сферой-источником и сферой-мишенью), которую возможно представить определенной формулой: «*X* – это *Y*» [Чудинов, 2001].

Поставленная задача обязывает рассматривать выбор сфер-источников метафор непременно с учетом авторских интенций на широком социально-политическом фоне [Чудинов, 2013]. Необходимо, однако, иметь в виду, что традиционный набор сфер-источников «метафорической экспансии» в политической коммуникации ограничен и повторяется в различных национальных дискурсах. Это, как правило, *природа, война, театр, спорт, дом, семья, дорога* [Будаев, Чудинов, 2020, с. 106]. В публичном дискурсе Филиппа VI представлены антропоморфная, милитарная, domestikская, артефактная, ориентационная и пространственная метафоры, которые мы последовательно рассмотрим далее.

Милитарная метафора в публичном дискурсе Филиппа VI

Наиболее частое употребление метафор с исходной понятийной сферой *война* в метафорическом конструировании мира политики объясняется агональным характером политической деятельности и присутствием воспоминаний о боевом опыте в жизни общества [Будаев, 2008; Чудинов, 2001; Чудинов, 2013]. При этом милитарная модель не является статичным компонентом политического дискурса; «ее частотность может варьироваться в различные периоды политической истории» [Будаев, 2008, с. 73].

В публичных речах внутренней и внешней адресации Филиппа VI метафорическая модель *решение проблем – это борьба* используется в контексте констатации положения дел и дальнейших задач, на что указывает употребление глаголов *luchar, combatir, afrontar, vencer, hacer frente, derrotar* и т. д. в настоящем и будущем времени соответственно. Традиционной сферой-мишенью, коррелирующей с данной метафорической моделью, является базовая прототипическая структура *жизнь общества*, подразумевающая, прежде всего, социально-экономическую сферу. При этом ее употребление характерно для выступлений перед национальной аудиторией, поскольку оно непосредственно сопряжено с тактикой призыва, являющейся отличительной чертой речей данного типа. С помощью лексем «боевой» семантики (помимо глаголов сюда включаются также субстантивы *lucha, batalla*) формулируются стоящие перед обществом задачи и обозначаются главные цели. В указанный период доминировали борьба с социальными проблемами, экономическим кризисом, пандемией, новыми вызовами:

- [...] *la lucha contra la corrupción es un objetivo irrenunciable*. – [...] *борьба с коррупцией является одной из неотъемлемых задач* [24.12.2014, рождественское послание];
- *Pero también es una crisis que estamos combatiendo y que vamos a vencer y a superar*. – *Но это также кризис, с которым мы боремся и который мы победим и преодолеем* [18.03.2020, речь в связи с пандемией коронавируса].

В рамках милитарного метафорического осмысления действительности в публичных речах Филиппа VI широко представлен фрейм *противостояние*:

- [...] *las finanzas también se enfrentan a desafíos sin precedentes... Por supuesto, también se enfrentan a su propio proceso de cambio...* – [...] *финансовая система также сталкивается с беспрецедентными проблемами... Конечно, она также сталкивается с собственным процессом изменений...* [08.06.2022, речь на официальном ужине в честь открытия III Международного экономического форума «Расширение»];
- *Nos hallamos ante un escenario... muy complejo para nuestra economía... Por eso, ante tal imprevisibilidad, necesitamos el máximo compromiso empresarial y también social para poder superar los desafíos que tenemos ante nosotros...* – *Мы сталкиваемся со сценарием... очень сложным для нашей экономики... Поэтому перед лицом такой непредсказуемости нам нужна максимальная мобилизация в деловой и социальной среде с целью преодоления стоящих перед нами проблем* [Там же].

При этом трансляция идеи противостояния новым вызовам подается сквозь призму нормы данного состояния, ставшего стандартом повседневности:

- *Estas y otras realidades nos llevan a la conclusión de que vivir con la incertidumbre, con la complejidad y en una constante transformación no es hoy, pues, la excepción, sino la norma. Nos enfrentamos a enormes desafíos y los jóvenes debéis prepararos para afrontar [...] los innumerables retos; muchos incluso desconocidos...* – *Эти и другие реалии приводят нас к выводу, что жизнь в условиях неопределенности, сложности и постоянной трансформации сегодня является не исключением, а нормой. Мы сталкиваемся с огромными проблемами, и молодые люди должны подготовиться к [...] бесчисленным вызовам, многие из которых даже неизвестны...* [04.07.2022, речь на церемонии награждения премией Фонда принцессы Жиронской].

Кроме того, метафора со сферой-источником *война* подразумевает естественное разделение на «своих» (союзников) и «чужих» (врагов). Метафорическая модель *Испания* – *это союзник/друг* (*sólido aliado, socio constructivo, amigo seguro, socio leal y comprometido*) характерна в первую очередь для речей внешней адресации, в которых обозначаются основные векторы внешнеполитического курса Испании. Прототипическое представление о «своих» связано с разделяющими единые ценности и идеалы в период после диктатуры Ф. Франко странами Европейского союза. В речах внутренней адресации метафорическая модель *Испания/Европа* – *это союзник/друг* также является продуктивной и используется в контексте констатации приверженности общеевропейскому курсу:

- *Este Consejo, esta Asamblea, Señorías, tienen en España un aliado, un amigo seguro en la defensa de la democracia...* – *Совет Европы, Ассамблея, уважаемые господа могут рассматривать Испанию в качестве союзника, надежного друга в вопросах защиты демократии...* [27.04.2017, речь на Парламентской ассамблее Совета Европы];
- *España ha destacado desde su incorporación a la Alianza como un socio leal y comprometido, tomando parte en los principales esfuerzos de la organización en estrecha colaboración con el resto de las 29 naciones que hoy integran la Alianza...* – *Испания с момента присоединения к Североатлантическому союзу проявила себя как лояльный и преданный партнер, принимая участие в основных миссиях организации в тесном сотрудничестве с другими 29 странами, которые сегодня составляют Североатлантический союз...* [06.01.2020, речь по случаю Военной Пасхи].

Результаты исследования публичных выступлений испанского монарха Филиппа VI с 2014 по 2022 гг. свидетельствуют о том, что метафоры со сферой-источником *война* в речах внутренней и внешней адресации употребляются преимущественно для констатации ситуации, в которой находится общество, а также прямого призыва к активным действиям в случае новых угроз, что полностью согласуется со стратегией презентации страны как для внутреннего, так и внешнего адресата. При этом ключевыми единицами для описания состояния дел

и формул агитационного характера выступают идеологемы, формирующие образ современной ситуации в стране и мире (*cambio climático, crisis, desafíos, desigualdad, terrorismo* и др.).

Доместическая метафора в публичном дискурсе Филиппа VI

Исходная понятийная сфера *дом* представляет собой широко используемый в политической речи источник «метафорической экспансии», связанной как с конфронтационной, так и кооперационной коммуникативной стратегией [Дулесов, 2017]. В публичном дискурсе Филиппа VI метафора *дом* имеет несколько референтных реалий (Испания, Конституция, парламент, Европейский союз); она сопрягается с призывами к единению сограждан (в том числе и новоприбывающих) в общем доме и приглашением к сотрудничеству в рамках коллективной созидательной деятельности.

В речах внутренней адресации отсылка к образу дома позволяет представить Испанию как стабильно развивающееся государство на основе заложенного предыдущими поколениями единого фундамента, скрепленного общими политическими и моральными ценностями, что достигается при помощи глаголов *construir, fundamentar* в прошедших временах (*Pretérito indefinido, Pretérito perfecto compuesto*):

- *Esa generación, bajo su liderazgo y con el impulso protagonista del pueblo español, **construyó los cimientos de un edificio político** que logró superar diferencias que parecían insalvables, conseguir la reconciliación de los españoles...* – То поколение под его [Хуана Карлоса I] руководством и при поддержке испанского народа **заложило фундамент политического здания**, благодаря которому стало возможно разрешить разногласия, казавшиеся непреодолимыми, добиться примирения испанцев... [19.06.2014, коронационная речь];
- *Así **hemos ido construyendo** la España de las últimas décadas.* – Так мы **постепенно строили** Испанию на протяжении последних десятилетий [03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса].

Метафорическая модель *Испания – это наш дом* начинает приобретать особое значение в социально-политическом контексте 2017 г., отмеченном кризисом института монархии и волнениями в Каталонии. Она стала одной из базовых в публичном дискурсе современного испанского монарха в условиях структурных изменений общества в результате миграционного притока последних лет (2020–2022 гг.):

- *Una España a la que no debemos renunciar, que debe ilusionar y motivarnos, y que **debemos seguir construyendo**, mejorándola, actualizándola, sobre la **base sólida** de los principios democráticos y los valores cívicos de respeto y de diálogo que **fundamentan** nuestra convivencia.* – Испания, которой мы не должны пренебрегать, которая должна нас вдохновлять и мотивировать, которую **мы должны продолжать строить**, улучшать и делать более современной на **прочной основе** демократических принципов и гражданских ценностей уважения и диалога, являющихся **фундаментом** нашего мирного сосуществования [24.12.2017, рождественское послание].

В публичных выступлениях внутренней адресации в обязательном порядке представлена метафорическая модель *конституция – это фундамент государства*, поскольку в современной социально-политической ситуации монарх выступает в роли гаранта конституционного развития государства:

- *Para caminar por esa senda tenemos la **base más firme** con la que España ha contado en nuestra más reciente historia: **nuestra Constitución**...* – Чтобы идти по этому пути, у нас есть самый прочный **фундамент**, на котором стоит Испания в своей новейшей истории: это **наша Конституция**... [03.02.2020, речь на открытии XIV сессии парламента];
- *La Constitución ha sido y es la **viga maestra** que ha favorecido nuestro progreso, la que ha sostenido nuestra convivencia democrática...* – Конституция была и остается той глав-

ной **опорой**, которая способствовала нашему прогрессу, которая поддерживает наше демократическое сосуществование... [24.12.2021, рождественское послание].

В этой связи следует упомянуть и метафорическую модель *парламент – это общий дом*, которая используется в речах внутренней адресации для подчеркивания роли и значения данного органа власти в современной Испании:

- *Y deseo también manifestar mi profunda satisfacción personal por dirigirme a esta institución que es y debe ser, en todo momento, la casa común y el lugar de encuentro de los españoles.* – И я также хочу выразить свое глубокое удовлетворение по случаю обращения к **этому институту**, который является и всегда должен быть **общим домом** и **местом встреч** для испанцев [17.11.2016, речь на открытии XII сессии парламента].

В речах внешней адресации в качестве реалии-референта общего дома также может выступать Совет Европы:

- *La democracia, los derechos humanos y el imperio de la ley, como acabo de resaltar, son los tres pilares sobre los que se funda el Consejo de Europa, casa común de todos los europeos.* – Демократия, права человека и верховенство закона, как я уже только что подчеркнул, являются тремя **краеугольными камнями**, на которых зиждется **Совет Европы, общий дом для всех европейцев** [27.04.2017, речь на Парламентской ассамблее Совета Европы].

Метафорическая модель *общие ценности – это фундамент Европы* характерна в большей степени для речей перед международным сообществом и фокусирует внимание аудитории на духовных ценностях, скрепляющих Европейский союз, а ее использование объясняется необходимостью аксиологического осмысления сущности общественной жизни (обеспечение социальной справедливости и социального партнерства). Указанная модель употребляется преимущественно в контексте настоящего времени в рамках констатации приверженности Испании общепризнанным ценностям и идеалам (обозначение общих («своих») ценностей):

- *La identificación de unos nuevos objetivos nos lleva necesariamente a subrayar la importancia de los principios y valores que son el fundamento mismo de Europa: la libertad, la igualdad, la solidaridad, la dignidad de los hombres y mujeres, el pluralismo y la defensa de los derechos humanos son los fundamentos que nos definen como europeos.* – Определение новых целей неизбежно заставляет нас подчеркнуть важность **основополагающих для Европы принципов и ценностей**: свободы, равенства, солидарности, достоинства мужчин и женщин, плюрализма и защиты прав, являющихся **фундаментом, который определяет нас как европейцев** [07.10.2015, речь перед Европарламентом].

Образ дома непосредственно сопряжен с идеей созидания, то есть поэтапного развития на основе единого фундамента (базовых принципов). В речах испанского монарха внешней и внутренней адресации используются (преимущественно в модальности долженствования с целью обозначить планы на будущее) метафорические модели *развитие государства – это строительство дома*, *развитие Европы – это строительство общеевропейского дома*, *иберо-американское сообщество – это строительство общего дома*, которые реализуются в рамках тактики призыва:

- *Pero tenemos que seguir mirando hacia adelante construyendo nuestro país, construyendo también Europa.* – Но мы должны продолжать смотреть вперед, **строить нашу страну, строить также Европу** [24.12.2016, рождественское послание];
- *Sigamos construyendo en su ausencia, pero con su recuerdo, un país mejor para las próximas generaciones.* – **Давайте продолжим строить** без них, однако помня их, **лучшую страну** для будущих поколений [15.07.2021, речь памяти жертв коронавируса].

При этом указанные метафорические модели используются в речах перед национальной и международной аудиторией в плане прошедшего времени для констатации достижений демократической Испании и Европейского союза как свершившегося факта (в рамках информационно-интерпретационной стратегии):

- *Siempre he pensado que España es un país extraordinario, de una enorme riqueza y diversidad cultural, **construido** a lo largo de los siglos gracias al esfuerzo en muchas generaciones de españoles... – Я всегда знал, что Испания – это удивительная страна, которая отличается огромным культурным разнообразием, которая была **построена** на протяжении веков благодаря усилиям многих поколений испанцев... [24.12.2020, рождественское послание].*

Все вышеперечисленные метафорические модели, относящиеся к обладающей высоким эмоциональным потенциалом сфере-источнику дом, используются преимущественно в рамках информационно-интерпретационной и кооперационной стратегий в трех временных планах: прошлого (отсылка к прошлому позитивному опыту для подчеркивания идеи достижений), настоящего (обозначение базовых ценностей в качестве основы сосуществования народов самой Испании и стран ЕС) или будущего (призыв к продолжению «строительства» страны и Европы). Доместическая метафора определяет у Филиппа VI контуры общенациональной идеологии с опорой на принцип равноправного сосуществования граждан с различными идеологическими позициями и религиозными взглядами в рамках единого государства при отсутствии идеи их субординации («хозяин – гость»). Это реализуется при помощи идеологем, отражающих основы государственности и транслирующих ценностную семантику: *la España constitucional y democrática, una España unida y diversa, Estado Social de Derecho, sociedad justa e igualitaria* и др.

Ориентационная и пространственная метафоры в публичном дискурсе Филиппа VI

Образ дороги в политической коммуникации транслирует идею поступательного развития общества и мира [Таджибова, Быкова, 2018]. В выступлениях испанского монарха он связан с описанием социальных и политических преобразований как движения вперед к лучшей жизни непременно с акцентуацией семантики обновления (*nuevo camino*) и общности судьбы (*nuestro recorrido*):

- *Hace casi cuarenta años, los españoles fueron capaces de unirse para iniciar juntos un nuevo **camino** en nuestra historia: el **camino** de la **reconciliación**; el de la paz y el perdón; el **camino** de la desaparición para siempre del odio, de la violencia, de la imposición... – Почти сорок лет назад испанцы смогли объединиться, чтобы вместе начать новый **путь** в нашей истории: **путь примирения**; **путь** мира и прощения; **путь**, в котором нет места ненависти, насилию, навязывания воли... [17.11.2016, речь на открытии XII сессии парламента];*
- *Nuestro recorrido en la historia más reciente no ha estado exento de dificultades. **Наш путь** в новейшей истории не был лишен трудностей [Там же].*

Ввиду новой геополитической ситуации в мире в публичных речах Филиппа VI обозначилось семантическое расширение субстантива *escenario* ‘сцена, сценарий’, под которым понимается не только ‘прогноз, план событий’, но и ‘расстановка сил на международной арене’:

- *Esta tarde habéis tenido la oportunidad de analizar en profundidad el **escenario actual** (geopolítico y geoestratégico), un **escenario** en el que cada vez **hay más tensiones, que es más inestable** y en el que las tendencias mundiales están cambiando constantemente... Сегодня днем у вас была возможность подробно проанализировать **текущий сценарий** (геополитический и геостратегический), **сценарий**, в котором возникает **все больше и больше напряженности, который является более нестабильным** и в котором мировые тенденции постоянно меняются... [08.06.2022, речь на официальном ужине в честь открытия III Международного экономического форума «Расширение»].*

В рамках пространственной концептуализации действительности метафорическая модель *прогноз событий* – это декодирование сценария демонстрирует проекцию на будущее

и реализуется преимущественно в плане настоящего и будущего времени:

- *Aunque el escenario de los últimos años **plantee** un entorno internacional complejo, con el impulso de todos, España está decidida a responder a los desafíos y retomar cuanto antes la senda de prosperidad que ha demostrado ser un elemento característico de nuestro sector exterior nacional...* – Хотя **сценарий** последних лет **предполагает** сложную международную обстановку, при всеобщей поддержке Испания полна решимости ответить на вызовы и как можно скорее вернуться на **путь процветания**, ставший характерным для внешнего сектора нашей экономики [07.06.2022, речь на церемонии 40-летия предпринимательского сообщества Арагона];
- *Nos hallamos ante un escenario... **muuy complejo** para nuestra economía en el que cualquier previsión que se realice está sujeta a un elevado grado de incertidumbre...* – Мы сталкиваемся **со сценарием... очень сложным** для нашей экономики, при котором любой сделанный прогноз подвержен высокой степени неопределенности [08.06.2022, речь на официальном ужине в честь открытия III Международного экономического форума «Расширение»].

В публичных речах внутренней адресации метафорическая модель *развитие государства* – это *общий путь* отсылает преимущественно к идее достижения общих целей с учетом прошлого опыта: с точки зрения временного контекста, с одной стороны, упоминается опыт предыдущих поколений, а с другой стороны, обозначаются цели на будущее:

- *Nuestro país **comenzaba a caminar, por la senda** que nosotros elegimos, para avanzar junto a otros pueblos...* – Наша страна встала на выбранный нами **путь** вперед вместе с другими народами... [30.05.2022, речь по случаю 40-летия вступления Испании в НАТО];
- *Y así **debemos seguir ese camino**, con serenidad y con determinación. En ese **camino**, en esa España mejor que todos deseamos, estará también Cataluña.* – Мы должны так же спокойно и уверенно **следовать этому пути**. По этому **пути** к лучшей Испании, которую мы все хотим видеть, также будет следовать Каталония [03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса].

Транслируемая в королевских речах идея движения почти всегда имеет модусную репрезентацию – *con serenidad y con determinación, con todas nuestras energías...* ‘спокойно, решительно, энергично...’, в которой представлена семантика преодоления:

- *Si **seguimos por ese camino**, si lo hacemos así, y **con todas nuestras energías**, yo estoy convencido de que el año que viene –y los que vendrán después– serán mucho mejores.* – Если мы **продолжим идти по этому пути**, если мы будем это делать **со всей нашей энергией**, я уверен, что последующие годы будут намного лучше [24.12.2017, рождественское послание].

Тем не менее в современном международном политическом и социально-экономическом контексте (2022 г.) в публичных выступлениях испанского монарха появился модус *con conciencia y urgencia* ‘сознательно и срочно’, указывающий на сложность возникающих сценариев развития:

- *Por eso hay que despertar todas las energías posibles para **reconducir** esta situación, [...] para prepararnos **con conciencia y urgencia**, y así ser capaces de sobrellevar todas estas dificultades que se agolpan y no **quedarnos atrás**...* – Вот почему мы должны пробудить всю возможную энергию, чтобы перенаправить эту ситуацию [...] чтобы **сознательно и срочно** подготовить себя, чтобы таким образом быть в состоянии справиться со всеми накапливающимися трудностями и **не остаться позади** [08.06.2022, речь на официальном ужине в честь открытия III Международного экономического форума «Расширение»].

Кроме того, в дискурсе Филиппа VI обозначены акторы (Совет Европы, Парламентская ассамблея) и документы (Мадридская стратегическая концепция), задающие вектор движения и служащие ориентирами для общества:

- *Contamos para ello con el Consejo de Europa y con esta Asamblea, que han sido y son un faro esencial de este recorrido.* – Для этого у нас есть **Совет Европы и Парламентская ассамблея**, которые были и продолжают являться важнейшим маяком на этом пути [27.04.2017, речь перед Парламентской ассамблеей Совета Европы];
- *La Cumbre de Madrid debe ofrecer las herramientas y las respuestas que la Alianza necesita para hacer frente a todos los retos comunes, comenzando por un nuevo Concepto Estratégico, el “Concepto Estratégico de Madrid”, que sirva de faro y guía eficaz para la próxima década...* – Мадридский саммит должен предложить инструменты и ответы, необходимые Североатлантическому союзу для решения всех общих проблем, начиная с новой стратегической концепции, **Мадридской стратегической концепции**, которая послужит маяком и эффективным руководством на следующее десятилетие [30.05.2022, речь по случаю 40-летия вступления Испании в НАТО].

Ориентационные метафоры реализуются в основном в плане прошедшего (констатация совместных достижений в рамках *информационно-интерпретационной стратегии*) либо будущего времени (призыв к совместной деятельности в рамках *агитационной стратегии*, которая сопрягается таким образом с *тактикой указания на путь решения проблем* и *кооперационной стратегией*). Они служат концептуальной рамкой для декодирования идеологием интегративной (*unión, integración, nuestra convivencia* и др.) и ценностной (*pluralidad política, sociedad justa e igualitaria, diálogo, responsabilidad, tolerancia, solidaridad* и др.) семантики.

Антропоморфная метафора в публичном дискурсе Филиппа VI

Еще одним из самых распространенных и дискурсивно устойчивых ресурсов в политической коммуникации является *антропоморфная* метафора со сферой-источником *тело человека*. В основе данного антропоморфного мировидения лежит глубинный механизм олицетворения (т. е. репрезентации) создаваемой человеком картины мира [Чудинов, 2001].

Важнейшее место в речах внутренней и внешней адресации занимает образ сердца. Он позволяет ввести идею пульса (жизнеспособности, хода, ритма) жизни страны и представить переход от диктатуры к демократии как возрождение правильного общества:

- *Hemos sentido el pulso de nuestra sociedad que, pese a todo, ha mantenido a España en pie.* – Мы почувствовали **пульс нашего общества**, которое, несмотря ни на что, **помогло Испании выстоять** [24.12.2020, рождественское послание].

Образ позвоночника символизирует крепость основ политического организма, он органично ассоциируется с метафорой несущей балки (*viga maestra*) как опорной оси всей политической конструкции, а образ ДНК указывает на генетическую наследственность в конструкции новой армии:

- *España siempre consideró que ser miembro de la Alianza no significaba simplemente adherirse a una organización internacional, que era y sigue siendo la espina dorsal de nuestra disuasión y defensa colectiva...* – Испания всегда считала, что быть членом Североатлантического союза означает не просто присоединиться к международной организации, которая была и остается **основой** нашего сдерживания и коллективной обороны... [30.05.2022, речь по случаю 40-летия вступления Испании в НАТО];
- *De unas Fuerzas Armadas históricamente dedicadas a garantizar la seguridad de nuestras fronteras, evolucionamos hacia un modelo en cuyo ADN no solo aparecía ya la defensa territorial tradicional sino también la defensa colectiva...* – От вооруженных сил, исторически предназначенных для обеспечения безопасности наших границ, мы эволюционировали к модели, в **ДНК** которой уже заложена не только традиционная *территориальная*, но и коллективная оборона [Там же].

Кроме того, возможно также сочетание двух метафорических интерпретаций в рамках единого смыслового поля сердце (*Испания – это живой организм* и *Испания – это союзник/друг*):

- *Hace 40 años, el corazón democrático de España acompasó su latido con el corazón de Europa...* – 40 лет назад демократическое сердце Испании забило в унисон с сердцем Европы... [27.04.2017, речь на Парламентской Ассамблее Совета Европы].

В речах испанского монарха перед национальной аудиторией метафорическая модель *парламент – это сердце Испании* (наряду с рассмотренной ранее метафорической моделью *парламент – это общий дом*) используется в первую очередь в контексте настоящего времени с целью представления ключевой роли данного органа власти для жизни общества и государства:

- *Así pues, Señorías, llega nuevamente la hora del Parlamento como corazón de nuestro sistema democrático...* – Итак, господа, снова пришло время парламента, являющегося сердцем нашей демократической системы... [03.02.2020, речь на открытии XIV сессии парламента].

При помощи широко распространенной в агитационно-политической речи метафоры язвы со сферой-источником *здоровье*, отсылающей к «ранам и болезням общества», в основном описываются хронические сбои в нормальном функционировании общественного организма [Чудинов, 2001]. При этом оратор продвигает в первую очередь свои представления о неправомерности и недопустимости существующего положения, вызывая у адресата негативные ассоциации в отношении идеи или референциального образа, на которые переносится метафорическое значение слова. В частности, метафорические модели *коррупция* / *терроризм* / *гендерное насилие* – это язва используются в речах внутренней адресации исключительно в негативном контексте:

- [...] *la corrupción...* tiene que llegar a ser un triste recuerdo de una *lacra* que hemos de vencer y superar. – [...] *коррупция...* должна стать печальным воспоминанием о *язве*, которую мы должны победить и преодолеть [17.11.2016, речь на открытии XII сессии парламента];
- *Tenemos otras muchas preocupaciones –desde luego– pero esta noche no quiero olvidarme de las mujeres que, en un silencio tantas veces impuesto por el miedo sufren la violencia de género. Una lacra inadmisible que nos hiere en nuestros sentimientos más profundos y nos avergüenza e indigna.* – Безусловно, у нас есть много других забот, но сегодня я хочу вспомнить о женщинах, которые, храня молчание, часто вызванное страхом, живут в условиях *гендерного насилия*. Эта вопиющая *язва*, которая задевает наши самые глубокие чувства, вызывает в нас стыд и возмущение [24.12.2017, рождественское послание].

Метафорическая модель *работа Парламентской ассамблеи – это показатель здоровья Европы* в речах внешней адресации наоборот задает положительный тон сообщению. В приведенном ниже примере она используется одновременно с механистической метафорой *Парламентская ассамблея – мотор демократического развития Европы*:

- *Gracias a esos cimientos, esta institución es el motor que promueve, vela e impulsa los valores democráticos por caminos que recorren el continente. Y su vitalidad es un termómetro de la salud de la Europa cívica y democrática.* – Благодаря этому фундаменту данное учреждение является мотором, который продвигает, охраняет и развивает демократические ценности на дорогах нашего континента. И его жизнеспособность – своеобразный *термометр здоровья гражданской и демократической Европы* [27.04.2017, речь на Парламентской Ассамблее Совета Европы].

Примечательно, что у метафоры со сферой-источником *здоровье*, встречающейся преимущественно в речах внутренней адресации, есть также потенциал для создания положительного образа описываемого объекта за счет указания на возможность его выздоровления в целях трансляции обществу чувства уверенности в лучшем будущем:

- *La honestidad de los servidores públicos es un pilar básico de nuestra convivencia en una España que todos queremos sana, limpia.* – Честность государственных служа-

щих – это опора нашего сосуществования в здоровой и бескорыстной Испании [25.12.2014, рождественское послание];

- *España recuperará su pulso, su vitalidad, su fuerza.* – Испания **восстановит свой пульс**, свою жизненную энергию, свою силу [18.03.2020, речь в связи с пандемией коронавируса].

Логично, что метафоры данной семантики реализуются в основном формами настоящего и будущего времени.

Вместе с тем с учетом международного контекста первой половины 2022 года в речах явно обозначилась тревожная тональность, находящая выражение при оценке стремительно меняющейся политической ситуации с помощью прилагательных антропоцентрической семантики *convulso*, *trepidante* ('судорожный, лихорадочный, дрожащий, волнующийся'):

- *El pensamiento científico es un excelente enfoque que vale la pena reivindicar en este siglo **trepidante**, al que resulta difícil seguirle el ritmo y **tomarle el pulso**...* – Научное мышление – отличный подход, который стоит защищать в наш **лихорадочно меняющийся** век, угнаться за которым и **уловить пульс которого** трудно [05.05.2022, речь на церемонии вручения Национальной премии за научные исследования];
- *El escenario internacional atraviesa un momento particularmente **convulso**...* – Мир переживает сильные **конвульсии** [17.05.2022, речь на официальном ужине в честь шейха Тамим бин Хамад Аль Тани].

Таким образом, текущая политико-экономическая ситуация в стране осмысливается преимущественно в понятиях антропоморфного мировидения при помощи органистических, механистических и морбиальных метафор. Их использование свидетельствует об укорененности данного способа мировосприятия в когнитивном сознании национальной аудитории. В публичных выступлениях Филиппа VI данные метафорические модели выступают вспомогательным средством реализации *информационно-интерпретационной стратегии* (тактика признания существования проблемы, тактика указания на путь решения проблемы, тактика обещания) и преимущественно сопряжены с идеологемами, формирующими негативный образ современной ситуации в стране и мире (*corrupción, violencia de género, pobreza, desempleo, paro, terrorismo* и др.).

Артефактная метафора в публичном дискурсе Филиппа VI

Артефактная механистическая метафора представлена субстантивами инструментальной семантики – *palanca, motor, termómetro, resortes* ('рычаг', 'двигатель', 'термометр', 'пружины') – которые проецируются на сферу экономической деятельности и социальной жизни общества:

- *Confiamos en que este sector va a ser de nuevo una de **las palancas** de la reactivación y **motor** de la recuperación y crecimiento de nuestra economía...* – Мы верим, что этот сектор снова станет одним из **рычагов** реактивации и **двигателем** восстановления и роста нашей экономики... [07.06.2022, речь на церемонии 40-летия предпринимательского сообщества Арагона и вручения премий].

Вышеуказанные метафоры в публичных выступлениях современного испанского монарха в основном реализуются в контексте семантики экономического восстановления, роста и здоровья общества (*recuperación y crecimiento de nuestra economía, la salud de la Europa cívica y democrática* и др.).

Выводы

Как показывает исследование, в целом обозначение проблем общественной жизни и постановка политических задач в публичных речах современного испанского монарха реализу-

ется за счет традиционных для институциональной статусно-ориентированной коммуникации концептуальных метафор, отвечающих за формирование и структурирование образов действительности в сознании индивида/социума. При этом сферой-мишенью метафорического проецирования неизменно является складывающаяся в стране постоянно меняющаяся политическая, социальная и экономическая ситуация. С точки зрения прагматической роли метафор дискурс Филиппа VI оказывает влияние на сознание аудитории с помощью активного продвижения политических задач посредством идеологем и выполняет функции внесения изменений в существующую у адресата картину мира (корректирующую или трансформирующую) и популяризации новых направлений развития привычным образным языком.

Системное рассмотрение семантических сфер используемых метафор позволило выявить следующие тенденции: в речах внутренней адресации милитарная, domestikская, ориентационная, пространственная, антропоморфная и артефактная метафоры, являясь неотъемлемой чертой выступлений перед национальной аудиторией в силу необходимости закрепления в сознании сограждан ярких и однозначных образов реалий общественно-политической действительности, выполняют особую функцию – служить вспомогательными инструментами для *агитационной, информационно-интерпретационной и кооперационной стратегий*. Основными референтными реалиями в речах внутренней адресации являются конституция и парламент как основы государственности. В речах внешней адресации метафоры, относящиеся к вышеуказанным сферам-источникам, в первую очередь используются для создания положительного образа Испании и трансляции принципов существования Европейского союза в рамках *стратегии презентации страны и декларативной стратегии*.

Список литературы

- Бондаренко И. В. Лингвопрагматический потенциал метафоры в политическом выступлении // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2019. № 2. С. 52–60.
- Будаев Э. В. Военная метафорика в дискурсе СМИ // Acta Linguistica. 2008. Т. 2, № 1. С. 29–36.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: американский, европейский и российский варианты исследования // Политическая лингвистика. 2006. № 17. С. 35–77.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург: УрГПУ, 2011. 252 с.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная российская политическая метафорология (2011–2020 гг.) // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 2. С. 103–113.
- Дулесов Е. П. «Народ свой отчий строил дом, / слагал Руси державной зданье»: метафора дома в дискурсе русских националистов начала XX века // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2017. Т. 27, № 2. С. 273–279.
- Калинин О. И. Анализ метафоричности текстов военных доктрин на русском, китайском и английском языках // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 110–121.
- Каменева В. А., Рабкина Н. В. Метафорическое моделирование адресата политического дискурса с позиции уровневой референции // Политическая лингвистика. 2020. № 3(81). С. 77–83.
- Раевская М. М., Селиванова И. В. Прагматический потенциал метафоры в публичном выступлении (на материале рождественских речей испанского монарха Хуана Карлоса I) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 52–59.

- Раевская М. М., Селиванова И. В.** Рождественские речи испанских монархов как ритуальный жанр институционального дискурса в сопоставительном аспекте // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 57–70.
- Селиванова И. В.** Военные метафоры в рождественских обращениях короля Испании // Политическая лингвистика. 2019. № 4(76). С. 61–65.
- Селиванова И. В.** Коммуникативные стратегии в публичных выступлениях испанского монарха Филиппа VI перед международным сообществом // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 122–132.
- Таджибова А. Н., Быкова Л. В.** Дорога как сфера-источник метафорической экспансии при освещении политических событий в прессе Германии // Litera. 2018. № 3. С. 238–248.
- Чудинов А. П.** Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург, 2013. 176 с.
- Чудинов А. П.** Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.
- Lakoff G., Johnson M.** *Metaphors we live by*. Chicago, University of Chicago Press, 1980, 242 p.

References

- Bondarenko, I. V.** Linguistic and pragmatic potential of metaphor in political speech. *Bulletin of the Baltic Federal University I. Kant. Ser.: Philology, Pedagogy, Psychology*, 2019, no. 2, pp. 52–60. (in Russ.)
- Budaev, E. V.** War metaphors in media discourse. *Acta Linguistica*, 2008, vol. 2, no. 1, pp. 29–36. (in Russ.)
- Budaev, E. V., Chudinov, A. P.** Conceptual metaphor in political discourse: American, European and Russian variants of research. *Political Linguistics*, 2006, no. 17, p. 35–77. (in Russ.)
- Budaev, E. V., Chudinov, A. P.** Modern political linguistics. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2011, 252 p. (in Russ.)
- Budaev, E. B., Chudinov, A. P.** Contemporary Russian political metaphorology. (2011–2020). *Philological Class*, 2020, vol. 25, no. 2, pp. 103–113. (in Russ.)
- Chudinov, A. P.** Essays on modern political metaphorology. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2013, 176 p. (in Russ.)
- Chudinov, A. P.** Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000). Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2001, 238 p. (in Russ.)
- Dulesov, E. P.** The house metaphor in the discourse of Russian nationalists at the beginning of the 20th century. *Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology*, 2017, vol. 27, no. 2, pp. 273–279. (in Russ.)
- Kalinin, O. I.** Metaphor power of military doctrines in Russian, Chinese and American English. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 110–121. (in Russ.)
- Kameneva, N. V.** Metaphorical modeling of the recipient of political discourse from the position of level-based reference. *Political Linguistics*, 2020, no. 3(81), pp. 77–83. (in Russ.)
- Lakoff, G., Johnson, M.** *Metaphors we live by*. Chicago, University of Chicago Press, 1980, 242 p.
- Raevskaya, M. M., Selivanova, I. V.** Pragmatic potential of metaphor in public speaking (Christmas speeches of the Spanish monarch Juan Carlos I). *Bulletin of the Moscow university. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, 2020, no. 3, pp. 52–59. (in Russ.)
- Raevskaya, M. M., Selivanova, I. V.** The Spanish King's Christmas messages as a ritual genre of institutional discourse: a comparative study. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, pp. 57–70. (in Russ.)

- Selivanova, I. V.** Communicative strategies and tactics in the Spanish King Felipe VI's public speeches. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020, vol. 18, no. 4, pp. 122–132. (in Russ.)
- Selivanova, I. V.** Military metaphors in the Spanish King's Christmas messages. *Political Linguistics*, 2019, no. 4(76), pp. 61–65. (in Russ.)
- Tadzhibova, A. N., Bykova, L. V.** The road theme as the source of metaphoric expansion in political reporting of German printing media. *Litera*, 2018, no. 3, pp. 238–248. (in Russ.)

Информация об авторах

- Раевская Марина Михайловна**, доктор филол. наук, профессор кафедры испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- Селиванова Ирина Владимировна**, кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Information about the Authors

- Marina M. Raevskaya**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- Irina V. Selivanova**, Candidate of Sciences (Linguistics), Senior Lecturer, HSE University, Moscow, Russian Federation

*Статья поступила в редакцию 10.07.2022;
одобрена после рецензирования 12.12.2022; принята к публикации 16.01.2023*

*The article was submitted 10.07.2022;
approved after reviewing 12.12.2022; accepted for publication 16.01.2023*

Научная статья

УДК 32: 81'373.43=111

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-145-159

Англоязычные политические неологизмы: от семантики к прагматике использования

Антонина Вадимовна Самойлова

Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

antina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9047-0772>

Аннотация

Статья посвящена лингвистическим средствам реализации политического дискурса как одной из форм коммуникативного взаимодействия в социуме. В работе рассматривается общее понятие дискурса с учетом тематического, социально-психологического и функционального подходов; анализируется понятие политического дискурса в качестве специфического применения коммуникации, направленного на получение и сохранение политического влияния; делается предположение о значимости личностно-ориентированного подхода при взаимодействии представителей власти и социума в рамках массмедийного пространства, в частности, при использовании таких интернет-ресурсов, как социальные сети, где создается иллюзия близости и таргетированного общения политика с отдельно взятым представителем потенциального электората. Современная политическая коммуникация базируется не столько на тематически обусловленной языковой системе, сколько определяется эмоционально-стилевым форматом, что напрямую реализуется в выборе нетипичных лингвистических средств. Для анализа материала был использован метод компонентного анализа, контекстуальный анализ и интент-анализ в совокупности с персонологическим подходом к оценке личностей политических лидеров и их деятельности, позволяющие определить специфику культурно-ситуативного функционирования неолексем в массмедийном пространстве. Актуальность данного исследования заключается в анализе политических неологизмов с позиции рассмотрения их семантики с акцентом на оценочный и национально-культурный компоненты коннотативного значения, а также лингвопрагматический эффект их использования. Внедрение неолексем в контексте политической коммуникации выделяет ораторов и дает определенное конкурентное преимущество на основании создаваемого неологизмами экспрессивного эффекта и их последующего импринтинга в лингвокогнитивной картине мира реципиентов. Нами были выделены две условные группы неологизмов с эксплицитно (присутствие соответствующих семантических компонентов значения) или имплицитно (на основании факторов экстралингвистического характера) выраженной отрицательной оценочностью: социально-политические неологизмы и персонологические политические неологизмы. Было установлено, что политические неологизмы обладают стимулирующим и манипулятивным потенциалом и не только могут служить триггером к действиям социального характера, но и являться средством манипуляции с целью закрепления когнитивных стереотипов. Политические персонологические неонаминации сленгового характера отличаются значительной стабильностью референтного значения, высокой частотностью употребления ввиду простоты словоформы и легкости запоминания, зачастую отражая общественные ценностные установки рядового носителя массового сознания.

Ключевые слова

политический дискурс, политическая коммуникация, неологизм, манипулятивный эффект

Для цитирования

Самойлова А. В. Англоязычные политические неологизмы: от семантики к прагматике использования // Вестник НГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1, с. 145–159. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-145-159

© Самойлова А. В., 2023

English Political Neologisms: From Semantics to Pragmatics of Usage

Antonina V. Samoylova

Kuban State University
Krasnodar, Russian Federation

antina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9047-0772>

Abstract

The article is concerned with linguistic means of political discourse as one of the forms of communicative interaction in society. The general notion of discourse with respect to thematic, socio-psychological and functional approaches is considered, the notion of political discourse as a specific use of communication aimed at retention of political power is also analyzed. A supposition about the importance of person-centered approach in the process of interaction between public authority and members of the society within the media landscape is made, in particular, while using social networks, creating an illusion of intimacy and targeted communication of a politician with a member of potential electorate. Modern political communication is not so much based on topic-oriented language system as is determined by emotional stylistic format clearly seen in the choice of original linguistic means. In order to analyze linguistic material, a number of methods have been used: the method of componential analysis, contextual analysis and intent analysis in combination with personological approach to the estimation of politicians' personalities and their professional activities, which made it possible to determine the specificity of cultural-situational functioning of neologisms in media. The analysis of political neologisms from the point of view of their semantics with the emphasis on evaluative and national-cultural components of connotative meaning as well as the linguopragmatic effect of their usage seems to be high on the agenda. The introduction of neologisms gives prominence and a certain competitive advantage to speakers thanks to creating an expressive effect and the consequent imprinting of neologisms in the linguocognitive worldview of recipients. Two groups of neologisms with explicitly (containing related semantic components of meaning) and implicitly (on the base of extralinguistic factors) expressed negative evaluation have been distinguished: socio-political neologisms and personological political neologisms. It is stated that political neologisms obtain stimulating and manipulative potential and can not only serve as triggers to social activity but can also be a means of manipulation with the purpose of reinforcing cognitive stereotypes. Personological slang neonominations are notable for significant stability of referential meaning, high frequency of usage due to simplicity of word form and easiness of memory retention since they often reflect common value orientations of ordinary carriers of mass consciousness.

Key words

political discourse, political communication, neologism, manipulative effect

For citation

Samoylova A. V. English Political Neologisms: From Semantics to Pragmatics of Usage. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 145–159. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-145-159

Введение

Политический дискурс представляет значительный интерес с позиции лингвистики в свете актуальных международных тенденций. События социально-политического характера, как и коммуникативное поведение политических лидеров, требуют детального лингвистического анализа, способствуя пополнению языкового массива за счет появления неологизмов специфического характера. Данная статья посвящена проблеме изучения политических неологизмов английского языка конца 2010-х – начала 2020-х годов и их лингвокультурологической и лингвопрагматической характеристике.

В последнее время вышел целый ряд исследований, посвященных изучению политического дискурса и персоналиям политиков как языковым личностям [Алексеев, 2021; Collins, 2013; Ponton, 2016; Lacatus, 2020; Wilson, 2015], специфике политической коммуникации [Катермина, 2021; Vodoc, 2018; Joseph, 2006], а также вопросам неологизации языка политической коммуникации [Миньяр-Белоручева, 2012; Al-Majdawi, 2019; Golubtsov, 2019; Khabibullina, 2016; Ryabchenko, 2019].

Лексический корпус любого языка подвержен изменениям ввиду множества факторов экстралингвистического характера, напрямую не связанных с языком. В последнее время наблю-

дается тенденция к увеличению количества неолексем, обозначающих явления когнитивного характера и абстрактные понятия национально-ориентированной картины мира, что отражается в возрастании функционального потенциала коннотативного компонента значения в совокупности его оценочно-экспрессивных и национально-культурных характеристик.

Зачастую политический дискурс в своей лингвистической реализации лишен сдержанности и далеко не всегда базируется сугубо на лексике формального стиля речи; очевидно, беспристрастное констатирование актуальной информации социально-политического характера не входит в перечень основных коммуникативных задач представителей власти. Последние тенденции в риторике политических лидеров, как и представителей СМИ, освещающих профессиональную деятельность политиков, доказывают следующее: политическая лингвистика становится все более эмоциональной, аксиологически обусловленной и предвзятой. Неолексика становится условным средством субъективной оценки происходящих в общественно-политической сфере событий при повсеместном распространении социальных сетей и коммерческих массмедийных ресурсов.

1. Цель и методология

Целью настоящей статьи является анализ семантики англоязычных политических неолексем массмедийной принадлежности для выявления имплицитных аксиологически-ориентированных лингвокультурных смыслов и их манипулятивного воздействия с учетом динамики экстралингвистических факторов. Лингвистическим материалом послужила подборка неологизмов из электронных словарей Dictionary.com, Merriam Webster Online Dictionary, WordSense Dictionary, Urban Dictionary, а также новостных изданий Bustle News, The Economist, The New York Times, Sky News в объеме 53 единиц.

В качестве методики рассмотрения корпуса политических неологизмов были использованы метод компонентного анализа, контекстуальный анализ и интен-анализ в совокупности с персонологическим подходом к оценке личностей политических лидеров и их деятельности, позволяющие определить специфику культурно-ситуативного функционирования неолексем в массмедийном пространстве, а также был проведен лингвопрагматический анализ их манипулятивного потенциала.

2. Описание проведенного исследования

2.1. Дискурсивная природа политической коммуникации

Дискурсивная природа коммуникации предполагает рассмотрение текста и составляющих его элементов не только с позиции ситуации реального общения, но и вне ее. Ввиду отсутствия универсальной дефиниции дискурса, это понятие рассматривается в комплексе формальных, функциональных и ситуативных особенностей. С точки зрения формально-тематического подхода типов дискурса может быть неограниченное множество, как и вариантов его интерпретации.

Дискурс можно рассматривать как социально-психологическое явление, реализующееся во взаимодействии представителей социума, но с приоритетом личностно-ориентированного или статусно-ориентированного подхода [Карасик, 2004]. В данном случае следует рассмотреть каждый из компонентов определения. Если мы говорим о психологической природе явления, то дискурс есть «индивидуальный внеязыковой код, уникальный для каждой личности. Для декодирования информации, которая передается индивидом через личный код, адресату необходимо приложить существенные усилия для правильного, адекватного восприятия этого кода или кода дискурса и логично соотнести себя со специфической коммуникативной ситуацией» [Патюкова, Оломская, 2021, с. 7]. Отсюда можно сделать вывод о важности индивидуально-личностного когнитивного восприятия окружающей действительности и происходящих

в ней событий, персонифицированного понимания ситуаций, реализующегося в соответствующей языковой форме, а именно с использованием адекватных, ситуативно-обусловленных языковых ресурсов.

При рассмотрении социального компонента дискурса на первый план выходит статусно-ориентированный тип, к которому принадлежит и политический дискурс. Для этого типа дискурса важна не столько сама личность – участник коммуникации, сколько группа коммуникантов, объединенная единой прагматической целью. Как отмечает В. И. Карасик, для социолингвистического или социально-психологического понимания дискурса в его статусно-ориентированной форме ключевыми характеристиками являются ценности, коммуникативные стратегии и коммуникативные формулы. В этом заключается функциональная реализация текстов различных тематических типов дискурса: как и при помощи каких средств реализуется коммуникативная ситуация, предполагающая интерактивность, диалогичность, вовлеченность нескольких коммуникантов в процесс общения с учетом определяющих их статусность ценностных ориентиров.

Наконец, за иллюкутивный эффект отдельного высказывания с рамках коммуникативной ситуации отвечает ее тональность – «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [Карасик, 2008, с. 99].

Политический дискурс как одна из тематических разновидностей дискурса предполагает определенную функциональную специфику: применение коммуникации в виде инструмента политической власти, реализующегося через овладение властью, борьбу за нее, сохранение власти, осуществление, стабилизацию и перераспределение власти [Суханов, 2018]. На первый взгляд, в политическом дискурсе статусно-ориентированный подход должен занимать главенствующую позицию: «Политический дискурс трактуется как институциональное общение, которое, в отличие от личностно-ориентированного, использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков, то есть обладает собственным подязыком (лексикой, фразеологией и паремиологией)» [Шейгал, 2000]. Попробуем дополнить данную позицию, поскольку, как показывает коммуникативная практика в политической среде последних лет, политические лидеры и представители власти все чаще выражают личностно-ориентированную позицию с минимальным сохранением нейтральной и политкорректной формы высказываний. Политическая коммуникация в рамках массмедийного пространства хоть и базируется на тематически обусловленной подязыковой системе, во многом определяется эмоционально-стилевым форматом или тональностью, побуждающей представителей политического истеблишмента использовать метафорическую, эмотивно и персуазивно-ориентированную лексику, эмфатические синтаксические конструкции, а также применять манипулятивные стратегии самопрезентации. В значительной степени раздвижению «нормативных» границ коммуникации в диаде «политический лидер/представитель власти – адресат-аудитория» способствует «доступность» и «близость» ее участников, обеспечиваемая спектром информационных технологий и средств массовой информации, например платформами социальных сетей, «идеально подходящих для освещения событий общественно-политической жизни, выражения позиции и защиты своих интересов в результате обсуждения и аргументации» [Малышева и др., 2022, с. 46]. Практически все заметные политические фигуры имеют официальные аккаунты в международных социальных сетях, где аудитория уже не столько ассоциирует политика с представляемой им политической партией и соответствующей идеологией, сколько воспринимает его как обособленную личность с полноценным правом на трансляцию персонального мнения. «Я-политик» фактически таргетирует информацию «я – участнику коммуникации».

Актуальные исследования характеристик политической коммуникации проводились как в области собственно дискурсивного и стилистического анализа, так и в рамках прагматического подхода. Так, Ю. Ю. Суханов выделял следующие ключевые характеристики политической коммуникации: оценочность, агрессивность, эффективность, отстаивание своей

позиции в данном типе дискурса [Суханов, 2018]. Н. А. Рябченко и коллеги рассматривали политическую коммуникацию, выделяя фрагментарность, дигрессивность, полилинейность, мультимодальность и поликанальность в качестве ее основных характеристик [Рябченко и др., 2020]¹.

Политическая коммуникация также рассматривалась с позиций теории манипулятивности, теории рефлексии, теории конфликтного политического анализа, тематического, аксиологического, идеологического анализа [Левшенко, 2012]. Для данного исследования наиболее близок по тематике интент-анализ, предполагающий акцентирование внимания на коннотативном значении и ситуативности использования. Интент-анализ также рассматривает социально-психологический и социокультурный контекст, что позволяет исследовать материалы естественной речевой коммуникации [Павлова, Гребенщикова, 2017].

Любая коммуникация, в том числе политического характера, предполагает диалогичность, вовлеченность двух и более сторон в процесс общения. Ю. Б. Норман отмечает, что прагматический компонент обладает в коммуникативной деятельности бóльшим весом, чем собственно семантический. Это означает превалирование выражения отношения говорящего к собеседнику (реализация фатической и эмотивной функций языка) над передачей объективной информации (коммуникативной функцией) [Норман, 2009]. С позиции политического дискурса коммуникативный процесс сопровождается, с одной стороны, интенциональностью в виде не только трансляции фактологической информации, имеющей непосредственное отношение к политическим событиям в жизни государства и его граждан с целью базового информирования, но и в виде высокоэкспрессивного воздействия для манипулирования общественным сознанием в интересах правящего блока. С другой стороны, позиция реципиента также имеет двойственную природу восприятия: во-первых, это переработка получаемой фактологической информации с дальнейшим оцениванием ее когерентности с объективной экстралингвистической ситуацией, а во-вторых, формирование собственного мнения, отвечающего целевым установкам манипулятивного воздействия или идущего вразрез с ними. Следует отметить, что и в том, и в другом случае в сознании реципиента формируется соответствующий образ «манипулятора», и данный образ зачастую дихотомичен: отношение либо положительное, либо крайне негативное. В целом, интерпретация политических событий, явлений, поведения персоналий в рамках политического дискурса отражает общественные ценностные установки рядового носителя массового сознания.

2.2. Типология неологизмов и их место в политическом дискурсе

Достижение прагматических целей в процессе коммуникации напрямую связано с речтворчеством, пополнением лексического состава используемого языка новыми единицами. Неологизмами считаются новые лексические единицы, которые появляются в языке ввиду в первую очередь общественного спроса для обозначения новых объектов или феноменов. Они сохраняют оттенок оригинальности для носителей языка, не вписываются в литературные стандарты и не относятся к общеупотребительной литературной норме. А. П. Миньяр-Белоручева отмечает, что политический неологизм должен нести определенную идею, заключенную в насыщенную символами форму и быть концептуально обусловлен. «Парадокс политического неологизма заключается в том, что, несмотря на новизну идеи, его звукографическая форма должна быть узнаваемой» [Миньяр-Белоручева, 2012, с. 33].

Следует отметить значительную вариативность подходов к классификации неологических единиц; среди общепринятых критериев можно выделить способы появления и словообразования, тематическую принадлежность, длительность существования с учетом степени новиз-

¹ Политическая коммуникация рассматривалась авторами монографии в рамках цифрового креолизованного контента.

ны, а также позиционирование неологизмов в языке/речи. Так, учитывая способ появления, можно отнести следующие из проанализированных нами неологизмов к:

- лексическим неологизмам или неолексемам (Blexit, brexchosis, trumponomics, trumpidation, etc.) на основании их построения по продуктивным словообразовательным моделям;
- семантическим неологизмам или неосемемам (cancel culture, tranche of sanctions, whataboutism) на основании дополнения ранее известных значений лексических единиц;
- неофраземам (Let's go Brandon) в результате формирования нового когнитивно и семантически закрепленного значения фразы или выражения [Розенталь, 2002].

Классификация исследованных неологизмов по способу словообразования предполагает их организацию в соответствии с рядом словообразовательных моделей, среди которых *аффиксация* (oprahization, brexiteer, trumpism, trumpidation, trumpisation, trumping), *конверсия* (to bregret (от bregret (n.)), *словосложение* (mudslinging, whataboutism/whataboutery (в комбинации с аффиксацией)), *усечение* (alt-right (в первом составном элементе неолексемы)), *аббревиатуры* (IBS, TDS, QAnon), *акронимы* (BOB), *блендинг* или *стяжение*, (Bolsominion, brexiety, brexchosis, bregret, bremorse, brenial, Javanka, trumpertantrum, trumpkin, etc.) [Arnold, 2012]. Именно последний из перечисленных способов словообразования превалирует и, вероятно, является наиболее продуктивным.

Факторы условного закрепления неологизмов в языке включают хронологический критерий, критерий «лингвистического пространства» (то есть область функционирования неологизма в системе языка), психолингвистический критерий, определяющий степень «новизны», социальную значимость, а также лексикографическую фиксацию [Golubtsov, 2019, p. 118]. При этом ученые отмечают, что единственный по-настоящему значимый критерий – именно фактор новизны, субъективный и сложно определяемый. Исходя из данного критерия, неологизмы могут считаться абсолютными, то есть ранее не существовавшими в языке (oprahization, brexchosis, Javanka, etc.), или относительными, включающими, к примеру, слова, получившие в результате структурных, семантических или фразеологических изменений новые значения (mudslinging, state capture, white guilt, etc.) [Arnold, 2012].

Следует подчеркнуть, что политические неологизмы представляют собой эффективное средство манипуляции общественным мнением. При условии «правильной» лингвистической номинации определенного явления или события политики получают конкурентное преимущество – в основном посредством использования ярких, актуальных неологизмов, которые входят в широкий обиход, а оценочность, присутствующая в значении новых слов, не дает забыть о сущности описываемого события и достигается с помощью весьма образной и эффективной аллюзии [Рябченко и др., 2020, с. 67–68]. Политические неологизмы, функционирующие в качестве номинативных единиц, могут спровоцировать действия социального характера, безотносительно исхода данных действий и оказания положительного или отрицательного эффекта на лиц, совершающих данные действия [Рябченко, 2019]. Так, данный вывод наглядно можно проследить на примере неословосочетания *tranche of sanctions*. Использованное президентом США Дж. Байденом в отношении России², данное словосочетание номинативного характера несло дополнительную смысловую нагрузку, помимо базового семантического значения составляющих его элементов. Слово *tranche* определяется как ‘a division or a portion of a whole’³. Примечателен тот факт, что использование данной лексической единицы в речи президента США является одновременно и техническим, и стратегическим, поскольку предполагает дальнейшее поэтапное введение санкций, следующих за первой «порцией» экономических огра-

² Словосочетание *tranche of sanctions* было использовано Дж. Байденом в ответ на признание В. Путиным независимости ДНР и ЛНР.

³ Merriam Webster Online Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/tranche> (accessed on: 19.05.2022).

ничений. Как показывают события в экономической и социальной жизни США, отмечается обратный эффект, спровоцированный действиями в рамках значения неологизма *tranche of sanctions* в виде повышения цен на топливо и энергоносители в стране — инициаторе проведения санкционной политики.

2.2.1. Неолексемы социально-политического характера

Следует отметить, что предложенное разделение на группы относится непосредственно к проанализированному корпусу неологизмов. В основе данного разделения лежал принцип прагма-ориентированной обусловленности в совокупности с персонологическим подходом, когда обозначаемое высокоэкспрессивным неологизмом понятие описывает поведенческие особенности эффективной самопрезентации политика в рамках внеполитического социума, отражает специфику коллективного восприятия происходящих в сфере политического дискурса событий, либо номинирует политизированные тенденции или процессы, характерные для общества в целом.

Большинство из проанализированных нами неологизмов отличались высокоэкспрессивной семантикой с превалированием отрицательной оценочной коннотации, либо нейтральной семантикой с имплицитно подразумеваемой отрицательной оценкой обозначаемых ими явлений политической действительности. Манипулятивному воздействию в форме импринтинга отрицательного оценочного образа описываемого неоединицей понятия или явления способствовал комплекс экстралингвистических факторов, связанных с возникновением, формированием и закреплением неолексемы в сознании носителей языка. К неологизмам, описывающим события и явления социально-политического характера с позиции отрицательной оценочности, относим следующие: *alt-right*, *astroturf*, *ballot harvesting*, *Blexit*, *Bolsominion*, *brexchosis*, *cancel culture*, *mudslinging*, *oprahization*, *QAnon*, *Scexit*, *shadowprez*, *state capture*, *TDS* (*Trump derangement syndrom*), *truthiness*, *vote-a-rama*, *whataboutism*, *white guilt*. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Интересным примером неолексемы политической направленности является неологизм *oprahization*: “It refers to an increased sensitivity towards self-disclosure, particularly from victims of abuse or other tragedies”⁴. Несмотря на то, что сама лексическая единица появилась достаточно давно⁵, в контексте политического дискурса она используется сравнительно недавно. Новая сфера применения данной лексемы связана с нетрадиционными и нехарактерными для формата политической коммуникации поведенческими стратегиями политиков, подразумевающими излишнюю откровенность и детализацию подробностей личной жизни:

“Oprahization refers to the tendency for politicians to discuss the ways in which they and their families have suffered, thereby endearing the candidate to the nation as a man of sensitivity and caring”⁶. На основании этой дефиниции можно говорить о преобладании эмоционально-стилевого формата политической коммуникации в рамках массмедийного пространства, что напрямую выражается в применении манипулятивной имиджевой стратегии самопрезентации: «Я [политик] такой же, как вы [граждане]: в чем-то я жертва, мне и моей семье не чужды испытания; я говорю о том, что я чувствую», тем самым вызывая ответную реакцию снисхождения, жалости, желания помочь, что впоследствии может способствовать формированию и закреплению положительного образа политика в сознании массового избирателя и выражаться в потенциальной электоральной поддержке. При этом неологизм *oprahization* рассматривается скорее как поведенческий феномен отдельно взятой личности политика, а не как общеприня-

⁴ Wikipedia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Oprahization> (accessed on: 18.05.2022).

⁵ Упоминание данной лексической единицы в *Urban Dictionary* датируется 2007 годом: *oprahization* = *oprahfication*—the oversharing of extreme private information. URL: <https://www.urbandictionary.com/author.php?author=wordspy> (accessed on: 17.07.2022).

⁶ Wikipedia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Oprahization> (accessed on: 18.05.2022).

тая в политической среде бихевиористская тенденция. На наш взгляд, имя собственное Опры Уинфри, используемое для построения неологизма методом аффиксации, в данном контексте играет вторичную роль и функционирует номинально – как средство именования, поскольку личность телеведущей не имеет прямых ассоциативных связей с областью политического дискурса.

Следующий политический неологизм, рассмотренный нами, интересен с позиции обозначаемого им уникального коммуникативного прецедента. Лексема *whataboutism* (*whataboutery*) также имеет достаточно продолжительную историю существования⁷, но мы все-таки осмелимся включить ее в перечень неологических единиц на основании того, что обозначаемая ею коммуникативная стратегия получила широкое применения в свете часто встречающихся разногласий между представителями политических элит. “*Whataboutism* – the act or practice of responding to an accusation of wrongdoing by claiming that an offense committed by another is similar or worse”⁸. Тактика уклонения, перекладывания вины на собеседника, выставление оппоненту встречных обвинений – неубедительная, но действенная реакция, при которой собеседник как будто бы оказывается поставленным в тупик. Импликационное значение лексемы *whataboutism* включает словесно не выраженный, но интуитивно читаемый призыв к завершению обсуждения, сопровождаемый «обнулением» аргументов собеседника и их значимости. Несмотря на то, что в представленной дефиниции этой лексемы коннотативный компонент сведен к минимуму, перлокутивный эффект при ее употреблении заключается в весьма ощутимом манипулятивном воздействии на собеседника.

Давно известно, насколько знаковым событием не только в политической жизни, но и в аспекте развития английского языка стал состоявшийся по итогам референдума 23 июня 2016 года выход Великобритании из ЕС [Poiana, 2018, p. 210]. Основными способами словообразования неолексем, отражающих тематику Brexit, стали словосложение и словопроизводство, в частности, аффиксация: “The very idea of Brexodus is causing deep Brexiety—or even Brexchosis—among Brexiteers and Breainers alike. Those who regret (or Bregret) leaving the EU are struck with Bremorse—some are even in Brenial. Meanwhile, many people—Britons and foreigners—are merely BOB (‘Bored of Brexit’)”⁹.

Представленный пример содержит девять неолексем с различной степенью коннотативной нагруженности: от относительно нейтральных (*brexiteer*, *breainer*, *brexodus*) до единиц, содержащих высокую степень эмоционально-экспрессивного лингвокультурологического потенциала (*brexiety*, *brexchosis*, *bregret*, *bremorse*, *brenial*, *BOB*).

В данном перечне выделим неологизм *brexchosis*, чье авторство принадлежит 77-му премьер-министру Великобритании Б. Джонсону: “*Brexchosis* (Brexit + psychosis) – the Brexit-induced psychosis afflicting the country”¹⁰; “a feeling of despair among those who voted to stay in the EU”¹¹. Ядерная сема несет значение «психоэмоциональное состояние», но дополняется компонентами эмоциональности и интенсификации: “*Psychosis* – mental illness of a severe kind which can make people lose contact with reality”¹². С одной стороны, примечательно, что данная неолексема была введена в обиход официальным лицом государства высшего ранга, что свиде-

⁷ В словаре Merriam Webster Dictionary первое упоминание данной лексической единицы датируется 1967 годом. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/whataboutism#h1> (accessed on: 18.07.2022).

⁸ Merriam Webster Online Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/whataboutism> (accessed on: 09.06.2022).

⁹ Assimil Blog. URL: https://blog.assimil.com/from-brexodus-to-brexchosis-the-language-of-leaving-the-eu/#identifier_4_13446 (accessed: 21.05.2022).

¹⁰ The Economist. URL: <https://www.economist.com/britain/2018/02/15/boris-johnson-makes-an-energetic-but-unconvincing-case-for-brexiteer> (accessed on: 10.06.2022).

¹¹ Grant Pearson Brown Consulting Limited (GPB). URL: <https://www.gpb.eu/2022/02/neologisms-new-words.html> (accessed on: 28.04.2022).

¹² Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/psychosis> (accessed: 30.06.2022).

тельствует о понимании серьезности предпринятого политического решения и уровне оценки негативного отношения населения к выходу государства из Европейского союза: “In the current bout of Brexichosis we are missing the truth: that it is our collective job to ensure that when the history books come to be written Brexit will be seen as just the latest way in which the British bucked the trend”¹³. С другой стороны, стоит отметить эмоционально-стилевой формат речи официального лица, в контексте которого премьер-министр счел возможным не только прибегнуть к использованию авторской неолексемы, но и значительно снизить уровень официальности своей речи. Такой прием наглядно показывает отрицательно-агрессивное отношение к противникам Brexit и как будто заставляет усомниться в их здравомыслии.

2.2.2. «Персонологические» политические неологизмы

В отдельную подгруппу неологизмов с высокой отрицательной оценочностью в семантике выделим лексические единицы, источником образования которых являются непосредственно имена собственные политических лидеров, что отражает суть персонологического прагма-ориентированного подхода к анализу неологизмов. В данном случае именно имя политика становится своего рода «национальным символом», имеющим свою сферу соотнесенности и релевантные аксиологически-детерминированные ассоциации, которые возникают у рядового носителя массового сознания. Участник коммуникативного процесса, использующий неологизм этой группы, должен обладать достаточными знаниями экстралингвистического характера, в первую очередь связанными с профессиональной деятельностью подразумеваемого политического лидера или аспектами характерного для него поведения, для точного понимания значения употребляемого им неологизма. В. В. Катермина приводит альтернативные факторы: «В состав экстралингвистического аспекта значения имени входят и особые условия существования имени в обществе, и культурно-исторические ассоциации, и степень известности объекта и его имени» [Катермина, 2016, с. 29]. К данной группе неологизмов отнесем лексические единицы, связанные с именами предыдущего и действующего президентов США.

Политическая фигура 45-го президента США Д. Трампа стала в свое время источником множества неологических единиц преимущественно с отрицательной оценочной коннотацией в семантике. Налицо референтный перенос отношения общества или, с большой долей вероятности, отношения ключевых американских СМИ к личности Д. Трампа на связанную с его именем сферу социально-политической деятельности. В данную группу включаем следующие неологизмы: *trumpism*, *trumponomics*, *trumpidation*, *trumpisation*, *trumpistas*, *trumpcar*, *trumping*, *trumpertantrum*, *trumpkin*, *McDonald Trump*. Рассмотрим некоторые из них более подробно:

1) *trumponomics* – an *incredibly simplistic* view of economics that is *probably not* actually based on reality but resonates with people who have no actual understanding of the related events¹⁴;

2) *trumpidation* – the *continuing fear* since the 2016 US election that something *horrendous* is going to happen to America, and the world, with Donald J. Trump as the elected President¹⁵;

3) *trumpertantrum* – a word used to describe Donald Trump’s *temper tantrums*, mean *bullying*, and *ballistic retaliation*¹⁶;

4) *McDonald Trump* – a *mocking nickname* for the 45th president of the United States, Donald Trump, referencing his love of fast food, particularly McDonald’s/*Ronald McDonald Trump* – someone

¹³ Sky News. URL: <https://news.sky.com/story/the-8-oddest-moments-from-boris-johnsons-brexiteer-unity-speech-11250442> (accessed on: 03.06.2022).

¹⁴ Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Trumponomics> (accessed on: 09.06.2022).

¹⁵ Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Trumpidation> (accessed on: 09.06.2022).

¹⁶ Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Trumpertantrum> (accessed on: 09.06.2022).

who is a *horrible person* because they have all *the bad attributes* such as being *scary, greedy, weird*, etc.¹⁷.

Каждая из приведенных дефиниций неологизмов, связанных с именем 45-го президента США, характеризуется высокой степенью экспрессивности и отрицательной оценочности, о чем свидетельствуют выделенные курсивом семантические элементы значения. Несмотря на то, что с момента ухода Д. Трампа с поста президента США прошло несколько лет, неологизмы продолжают свое существование в массмедийном пространстве и используются в первую очередь для проведения параллелей в пользу президента от демократической партии Дж. Байдена, а также для закрепления в политической картине мира носителя массового сознания определенного крайне негативного образа Д. Трампа как политика, чтобы предотвратить его возможное переизбрание на очередной президентский срок.

Примечателен также неологизм *Javanka*¹⁸. Несмотря на то, что он имеет косвенное отношение к личности бывшего президента США (поскольку образован путем лексической контаминации имен его ближайших родственников – дочери Иванки Трамп и ее мужа Джареда Кушнера), его можно отнести к категории политических неологизмов на том основании, что обе личности вошли в состав администрации в период президентства Д. Трампа в качестве ближайших советников, а также из-за наличия политических амбиций у Иванки Трамп, связанных с возможным баллотированием в будущем на пост президента США¹⁹. В дефиниции неологизма отсутствует четко выраженный коннотативный компонент оценочного характера, но контекстуальное употребление все же свидетельствует о присутствии отрицательной импликационной оценочности: “At first, Javanka found it heady here, ignoring those who called them naive and nepotistic... being a Trump is less a good brand than a bad state of mind”²⁰.

Рассмотрим также политические неологизмы, связанные с именем действующего президента США Дж. Байдена. Следует подчеркнуть сленговую природу таких персонифицированных неониминаций. Сленгизмы политической сферы также обладают функцией воздействия и оценочным характером, что в немалой степени способствует формированию системы ценностей у рядовых носителей массового сознания. Подобная система может быть сформирована как на основе положительной, так и отрицательной оценки. Если оценивание происходит со знаком минус, отношение к описываемому при помощи сленговой лексики объекту, понятию или личности закрепляется в сознании в форме когнитивного стереотипа, который отличается значительной стабильностью и постоянством, практически нулевой возможностью изменения. Примерами могут служить следующие неониминации сленгового характера: *Brainless Joe*, *Bumbling Joe*, *Corrupt Joe*, *Crazy Joe/Crazy Uncle Joe*, *Decrepit Joe*, *Dementia Joe*, *Geritol Joe*, *Incompetent Joe*, *Jungle Joe*, *Sleepy Joe*, *Sleepy Joe Biden*, *Sniffer-in-chief*²¹. Следует отметить, что приведенные неологизмы отличаются высокой степенью отрицательной оценки в семантике, о чем наглядно свидетельствуют адъективные характеристики. К периферийным семам, на основании которых формируется отрицательная оценочность данных неологизмов, можно отнести интеллект, возраст, ораторские способности и поведение характеризуемой персоналии.

В 2021 году одним из наиболее популярных неосленгизмов политической направленности стало императивно-суггестивное выражение *Let's Go Brandon*. Этимология его возникновения указывает на дискурсивную среду, напрямую не связанную с политикой, но ситуативно-обу-

¹⁷ Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=mcdonald%20trump> (accessed on: 09.06.2022).

¹⁸ WordSense Online Dictionary. URL: <https://www.wordsense.eu/Javanka/> (accessed on: 09.06.2022).

¹⁹ Данный неологизм является авторским и принадлежит бывшему старшему советнику Д. Трампа по стратегическим и политическим вопросам Стиву Бэннону. URL: <https://www.bustle.com/p/what-is-jarvanka-steve-bannons-nickname-for-the-couple-reportedly-caught-on-in-the-white-house-7793203> (accessed on: 10.06.2022).

²⁰ The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/31/opinion/sunday/kushner-kloss-trump.html> (accessed on: 09.06.2022).

²¹ Примеры неосленгизмов взяты из Urban Dictionary методом сплошной выборки.

словленная адресация выражения подразумевает отсылку к личности Дж. Байдена: “*Let’s Go Brandon* – a way of expression displeasure at the 46th US president”²².

Являясь эвфемизмом антибайденовского вульгаризма, этот слоган, несмотря на свою аллюзивную природу, тем не менее, получил широкое распространение не только среди противников демократической партии и ее лидера, но и вошел в лексикон представителей политического истеблишмента. Манипулятивная природа использования данного эвфемизма становится наиболее очевидной при его упоминании именно в рамках институционального политического дискурса ввиду общеизвестной ассоциативности с оригинальным не перефразированным выражением. Закреплению выражения в массовом языковом активе способствовала лингвокогнитивная генерализация, то есть его использование в ситуациях, отвлеченных от политического контекста, что в некотором роде отражает общественные ценностные установки и стереотипы носителей массового сознания: “*Let’s go Brandon* – means that the speaker is illiterate and doesn’t wish to engage in any intellectual activities; misogynistic expression in support of Brandon University who contractually forced victims of sexual assault to remain silent”²³.

Заключение

По итогам проведенного исследования был сделан ряд выводов:

1. Политическая коммуникация в рамках массмедийного пространства хоть и базируется на тематически обусловленной языковой системе, но во многом определяется эмоционально-стилевым форматом или тональностью, что выражается в использовании политическими деятелями или представителями их потенциальной аудитории лексических единиц с широким спектром коннотативного значения, а также заключающих в себе экстралингвистическую информацию аллюзивного характера.

2. Превалирование отрицательного отношения носителей англоязычной лингвокультуры к ключевым личностям/событиям/явлениям в рамках политического дискурса является одним из основных побуждающих мотивов к возникновению политических неологизмов. Соответственно, большинство проанализированных неологизмов обладают отрицательной оценочностью в качестве определяющего специфику их семантического значения фактора.

3. Политические неологизмы обладают стимулирующим и манипулятивным потенциалом. С одной стороны, они могут служить триггером к действиям социального характера, с другой, являться средством манипуляции для закрепления когнитивных стереотипов в сознании рядового реципиента.

4. Политические неосленгизмы – в частности, персонологические неониминации – с отрицательной оценочностью в семантике отличаются значительной стабильностью референтного значения, высокой частотностью употребления ввиду простоты словоформы, легкости запоминания и значительного экспрессивного эффекта, достигаемого при их уместном контекстуальном использовании.

Нами также было подмечено, что подбор лингвистического материала в виде политических неологизмов с компонентом положительной оценочности в семантике оказался достаточно проблематичным. Поэтому в качестве перспективного направления исследования мы видим рассмотрение англоязычных политических неологизмов с позиции динамики оценивания определяемых ими явлений социально-политического характера при потенциальной смене вектора положительного оценивания на отрицательный.

²² Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Let%27s%20Go%20Brandon> (accessed on: 17.06.2022).

²³ Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Let%27s%20Go%20Brandon&page=2> (accessed: 17.06.2022).

Список литературы

- Алексеев А. Б.** О некоторых особенностях влияния политического дискурса на формирование языковой личности политика // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 151–166.
- Арнольд И. В.** Лексикология современного английского языка: 2-е изд., перераб. М.: ФЛИНТА, 2012. 376 с.
- Арнольд И. В.** Стилистика: современный английский язык; 14-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2021. 384 с.
- Карасик В. И.** Коммуникативная тональность // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2008. № 10. С. 99–109.
- Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 392 с.
- Катермина В. В.** Политическая неоломинация в массмедийном дискурсе // Политическая лингвистика. 2016. № 4(58). С. 27–33.
- Катермина В. В., Вульфович Б. Г.** Лингвопрагматика комментариев пользователей в политическом интернет-дискурсе. Краснодар: КубГУ, 2022. 170 с.
- Левшенко Ю. И.** Политический дискурс: аналитический обзор теоретико-методологических подходов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7(21). С. 100–108.
- Малышева О. П., Рябченко Н. А., Усков С. В.** Лингводискурсивный анализ делиберативных практик в онлайн-пространстве: «Единая Россия» – выборы в Государственную думу РФ VIII созыва // Политическая лингвистика. 2022. № 1(91). С. 44–58.
- Миньяр-Белоручева А. П.** К проблеме создания политических неологизмов // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 25. С. 32–37.
- Норман Б. Ю.** Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков). Минск: БГУ, 2009. 183 с.
- Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А.** Интент-анализ: основания, процедура, опыт использования. М.: ИП РАН, 2017. 151 с.
- Патюкова Р. В., Оломская Н. Н.** Медиадискурс: специфика формирования социокультурной коммуникации в медиапространстве. Краснодар: КубГУ, 2021. 184 с.
- Розенталь Д. Э.** Современный русский язык. М.: Айрис-Пресс, 2002. 446 с.
- Рябченко Н. А., Катермина В. В., Гнедаш А. А., Малышева О. П.** Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды: монография. М.: ФЛИНТА, 2020. 340 с.
- Суханов Ю. Ю.** Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9, № 1. С. 200–212.
- Шейгал Е. И.** Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
- Al-Majdawi, A.** The Significance of Political Neologisms. Journal of Education College Wasit University, 2019.
- Bodoc, A.** Linguistic Instruments Employed in Political Discourses. Manipulation Tools or Expressions of Human Universal Behaviour? Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series IV: Philology and Cultural Studies, 2018, Vol. 11 (60), No. 2, pp. 49–70.
- Collins, P.** The Art of Speeches and Presentations. The Secrets of Making People Remember What You Say. Padstow: TJ International Ltd., 2013. 211 p.
- Golubtsov, S., Zelenskaya, V., Lominina, Z., Olomsкая, N., Uvarova, I., Bagova, I.** The Main Methods of Entering Neologisms in Modern Advertising Discourse. Advances in Social Science, Education and Humanities Research, 2019, Vol. 374, pp. 117–123. DOI 10.2991/mplg-ia-19.2019.25
- Hanaqtah, M. F.** Translation of Political Neologisms Coined by Politicians; Issues and Strategies. Journal of Social Sciences. Vol. 8, № 1. DOI 10.25255/jss.2019.8.1.157.168

- Joseph, J. E.** Language and Politics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 176 p.
- Khabibullina, F. Ya., Ivanova, I. G.** Functioning of Political Neologisms in International and Regional Mass Media Resources of Languages with Different Structures. *The Social Sciences*, 2016, № 11(8), pp. 1699–1704.
- Lacatus, C.** Populism and President Trump's Approach to Foreign Policy: an Analysis of Tweets and Rally Speeches [Online]. *Politics*, vol. 41(1), pp. 31–47. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0263395720935380> (accessed on: 30.05.2022).
- Poiana, O., Stretea, A.** "Brexitology": a Story of Renegotiations, Referendums and "Bregrets"? On-line Journal Modelling the New Europe, 2018, no. 28, pp. 206–216.
- Ponton, D. M.** Movements and Meanings: Towards an Integrated Approach to Political Discourse Analysis. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 20(4), pp. 122–139.
- Ryabchenko, N. A., Katermina, V. V., Malysheva, O. P.** Political Content Management: New Linguistic Units and Social Practices // *Church, Communication and Culture*. 2019. Vol. 4, № 3, pp. 305–322.
- Wilson, J.** Talking with the President: Pragmatics of Presidential Language. New York: Oxford University Press, 2015. 274 p.

References

- Alexeyev, A. B.** The Influence of Political Discourse on the Formation of the Language Personality of a Politician. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19(4), pp. 151–166. (in Russ.)
- Al-Majdawi, A.** The Significance of Political Neologisms. *Journal of Education College Wasit University*, 2019.
- Arnold, I. V.** Lexicology of Modern English: tutorial, 2nd ed. Moscow, FLINTA, 2012. 376 p. (in Russ.)
- Arnold, I. V.** Stylistics of Modern English: tutorial, 14th ed. Moscow, FLINTA, 2021. 384 p. (in Russ.)
- Bodoc, A.** Linguistic Instruments Employed in Political Discourses. Manipulation Tools or Expressions of Human Universal Behaviour? *Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series IV: Philology and Cultural Studies*, 2018, vol. 11 (60), no. 2, pp. 49–70.
- Collins, P.** The Art of Speeches and Presentations. Padstow: TJ International Ltd., 2013. 211 p.
- Golubtsov, S., Zelenskaya, V., Lominina, Z., Olomskaya, N., Uvarova, I., Bagova, I.** The Main Methods of Entering Neologisms in Modern Advertising Discourse. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 2019, vol. 374, pp. 117–123.
- Hanaqtah, M. F.** Translation of Political Neologisms Coined by Politicians; Issues and Strategies. *Journal of Social Sciences*, vol. 8, no. 1. DOI 10.1080/23753234.2019.1664916
- Joseph, J. E.** Language and Politics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 176 p.
- Karasik, V. I.** Communicative Tonality. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2008, no. 10, pp. 99–109. (in Russ.)
- Karasik, V. I.** Language Circle: Person, Concepts, Discourse. Moscow, Gnozis, 2004. 392 p. (in Russ.)
- Katermina, V. V.** Political Neonomination in Mass Media Discourse. *Political Linguistics*, 2016, no. 4(58), pp. 27–33. (in Russ.)
- Katermina, V. V., Vulfovich, B. G.** Linguopragmatics of Users' Commentaries in Political Internet Discourse: monograph. Krasnodar, KubSU, 2022. 170 p. (in Russ.)
- Khabibullina, F. Ya., Ivanova, I. G.** Functioning of Political Neologisms in International and Regional Mass Media Resources of Languages with Different Structures. *The Social Sciences*, 2016, no. 11(8), pp. 1699–1704.

- Lacatus, C.** Populism and President Trump's Approach to Foreign Policy: an Analysis of Tweets and Rally Speeches [Online]. *Politics*, vol. 41(1), pp. 31–47. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0263395720935380> (accessed on: 30.05.2022).
- Levshenko, Yu. I.** Political Discourse: Analytical Review of Theoretical-Methodological Approaches. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences. Theory and Practice*, 2012, no. 7(21), pp. 100–108. (in Russ.)
- Malysheva, O. P., Ryabchenko, N. A., Uskov, S. V.** Linguo-Discursive Analysis of Deliberative Practices in the Online Space: *United Russia* – Eighth Convocation State Duma Elections. *Political Linguistics*, 2022, no. 1(91), pp. 44–58. (in Russ.)
- Miniar-Beloroutcheva, A. P.** On Coining Political Neologisms. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Linguistics"*, 2012, no. 25, pp. 32–37. (in Russ.)
- Norman, B. Yu.** *Linguistic Pragmatics (a Case Study of Russian and Other Slavic Languages)*. Minsk, BSU, 2009. 183 p. (in Russ.)
- Poiana, O., Stretea, A.** "Brexitology": a Story of Renegotiations, Referendums and "Bregrets"? *Modelling the New Europe*, 2018, no. 28, pp. 206–216.
- Pavlova, N. D., Grebenshchikova, T. A.** *Intent-Analysis: Basis, Procedure and Experience of Use*. Moscow, IP RAN, 2017. 151 p. (in Russ.)
- Patyukova, R. V., Olomskaya, N. N.** Media Discourse: Specificity of Formation of Sociocultural Communication in Media Landscape. Krasnodar, KubSU, 2021. 184 p. (in Russ.)
- Ponton, D. M.** Movements and Meanings: Towards an Integrated Approach to Political Discourse Analysis. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 20(4), pp. 122–139.
- Rosenthal, D. E.** *Modern Russian*. Moscow, Iris-Press, 2002, 446 p. (in Russ.)
- Ryabchenko, N. A., Katermina, V. V., Gnedash, A. A., Malysheva, O. P.** Models and Practices of Political Content Management in the Online Space of Modern States in Post-Truth Era. Moscow, FLINTA, 2020. 340 p. (in Russ.)
- Ryabchenko, N. A., Katermina, V. V., Malysheva, O. P.** Political Content Management: New Linguistic Units and Social Practices. *Church, Communication and Culture*, 2019, vol. 4, no. 3, pp. 305–322.
- Shejgal, E. I.** *Semiotics of Political Discourse: monograph*. Volgograd, Peremena, 2000. 368 p. (in Russ.)
- Sukhanov, Yu. Yu.** Political Discourse as Object of Linguistic Analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 200–212. (in Russ.)
- Wilson, J.** *Talking with the President: Pragmatics of Presidential Language*. New York: Oxford University Press, 2015. 274 p.

Список источников / List of Sources

- Allegretti, A.** The 8 oddest moments from Boris Johnson's 'Brexit unity' speech [Online]. *Sky News*. URL: <https://news.sky.com/story/the-8-oddest-moments-from-boris-johnsons-brexit-unity-speech-11250442> (accessed on: 03.06.2022).
- Assimil, E.** From Brexodus to Brexchosis: the language of leaving the EU [Online]. *Assimil Blog*. URL: https://blog.assimil.com/from-brexodus-to-brexchosis-the-language-of-leaving-the-eu/#identifier_4_13446 (accessed on: 21.05.2022).
- Cole, M.** Boris Johnson makes an energetic but unconvincing case for Brexit [Online]. *The Economist*. URL: <https://www.economist.com> (accessed on: 10.06.2022).
- Collins Online Dictionary [Online]. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (accessed on: 30.06.2022).
- Dowd, M.** Javanka vs. the Klossy Posse [Online]. *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com> (accessed on: 09.06.2022).

Lin, S. Apparently Steve Bannon's Ridiculous Name For Ivanka and Jared Caught On In The White House [Online]. *Bustle*. URL: <https://www.bustle.com/p/what-is-jarvanka-steve-bannons-nickname-for-the-couple-reportedly-caught-on-in-the-white-house-7793203> (accessed on: 10.06.2022).

Merriam Webster Online Dictionary [Online]. URL: <https://www.merriam-webster.com> (accessed on: 19.05.2022).

Neologisms and Portmanteau Words [Online]. *Grant Pearson Brown Consulting Limited (GPB)*. URL: <https://www.gpb.eu/2022/02/neologisms-new-words.html> (accessed on: 28.04.2022).

Urban Dictionary [Online]. URL: <https://www.urbandictionary.com> (accessed on: 17.07.2022).

Wikipedia [Online]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Main_Page (accessed on: 18.05.2022).

WordSense Online Dictionary [Online]. URL: <https://www.wordsense.eu> (accessed on: 09.06.2022).

Информация об авторе

Самойлова Антонина Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета, Россия

Information about the Author

Antonina V. Samoylova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English Philology, Kuban State University, Russia

Статья поступила в редакцию 01.08.2022;

одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 26.01.2023

The article was submitted 01.08.2022;

approved after reviewing 20.01.2023; accepted for publication 26.01.2023

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие индекса УДК (Универсальной десятичной классификации), резюме статьи на русском и английском языках (до 300 слов), а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова (до 10 слов) на двух языках, сведения о финансовой поддержке.

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

Русская и итальянская абстрактная адъективная метафоризация

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036)

The Russian and Italian Abstract Adjectival Metaphorization

Ivan I. Ivanov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

Основной текст статьи

Список литературы

Список словарей
Список источников
References
List of Dictionaries
List of Sources
Информация об авторах / Information about the Authors

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография:

Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография

(все авторы должны быть упомянуты):

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: Моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:

Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:

Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, № 2. С. 17–24.

Автореферат:

Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif отдельными файлами.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных)

шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго определенных для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, rnl.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обуславливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы можно посмотреть, например, на сайте <http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm>). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотношенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы иссле-

дования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно стармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лингвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23

E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru